

НИКОЛАЙ ГЕЙНЦЕ

В ТИНЕ
АДВОКАТУРЫ

Николай Гейнце

В тине адвокатуры

«Public Domain»

1884

Гейнце Н. Э.

В тине адвокатуры / Н. Э. Гейнце — «Public Domain»,
1884

«— Станция Ломовис, поезд стоит три минуты! — зычным голосом прокричал обер-кондуктор, соскочив на станционную платформу, у которой поезд, уже останавливаясь, замедлил ход и, наконец, остановился совершенно. Из вагона второго класса вышел только один пассажир, молодой человек лет двадцати трех, небольшого роста, но стройный, шатен с бледным, выразительным лицом и умными карими глазами, уверенно смотревшими через золотое пенсне, крепко сидевшее на правильном, с маленькой горбинкой носу. Небольшие усики оттеняли толстые, чувственные губы. Одет он было в светло-серую летнюю пару и таковую же крылатку, на голове была маленькая, с узкими полями, шляпа из черного фетра, в правой руке он держал изящный зонтик, а в левой — дорожный сак...»

© Гейнце Н. Э., 1884

© Public Domain, 1884

Содержание

Часть первая	5
I	5
II	8
III	10
IV	12
V	14
VI	16
VII	18
VIII	20
IX	22
X	24
XI	26
XII	28
XIII	30
XIV	34
XV	36
XVI	39
XVII	41
XVIII	44
XIX	47
XX	51
XXI	54
XXII	57
XXIII	60
XXIV	62
XXV	65
XXVI	68
XXVII	71
XXVIII	73
XXIX	76
XXX	79
XXXI	82
XXXII	85
XXXIII	89
XXXIV	93
XXXV	97
XXXVI	102
XXXVII	104
Часть вторая	106
I	106
II	109
Конец ознакомительного фрагмента.	111

Николай Гейнце

В тине адвокатуры

*На французском масле,
Сделанном из сала,
Испекла природа
Этого нахала.*

Некрасов

Часть первая

Жрецы Ваала

I

Молодой волчонок

– Станция Ломовис, поезд стоит три минуты! – зычным голосом прокричал обер-кондуктор, соскочив на станционную платформу, у которой поезд, уже останавливаясь, замедлил ход и, наконец, остановился совершенно.

Из вагона второго класса вышел только один пассажир, молодой человек лет двадцати трех, небольшого роста, но стройный, шатен с бледным, выразительным лицом и умными карими глазами, уверенно смотревшими через золотое пенсне, крепко сидевшее на правильном, с маленькой горбинкой носу. Небольшие усики оттеняли толстые, чувственные губы. Одет он было в светло-серую летнюю пару и таковую же крылатку, на голове была маленькая, с узкими полями, шляпа из черного фетра, в правой руке он держал изящный зонтик, а в левой – дорожный сак.

Одновременно с выходом пассажира, из багажного вагона был выброшен большой чемодан желтой кожи.

Это было в половине июня 187* года.

– Возьми, любезный, мой багаж, – обратился прибывший к железнодорожному сторожу, подавая ему багажную квитанцию и указывая на лежавший на платформе чемодан.

Сторож бросился исполнять приказание.

Раздался свисток обер-кондуктора и поезд отправился далее.

Сторож, с чемоданом в руках, стоял около оставшегося пассажира.

– Лошадей прикажете?

– Из имения князя Шестова разве не прислано экипажа?

– Под учителя?

– Ну, да, под учителя! – поморщился пассажир.

– Часа три как коляска дожидается, кучер в станционной кухне спит...

– Так пойдешь, разбуди его, чемодан положи в экипаж и вели подавать.

Сторож исчез.

Путешественник вошел на станцию и опустился в ожидании посланного на один из деревянных диванов, стоявших по стенам. Воспользуемся временем его ожидания, чтобы представить его читателям.

Кандидат прав Николай Леопольдович Гиршфельд, сдавший выпускной экзамен в московском университете и представивший кандидатскую диссертацию на тему: «Деньги как экономическая сила», был молодой человек, подающий, как говорится, блестящие надежды.

Большинство такого рода молодых людей так и остается до конца дней života своего подающими надежды, некоторые из них вскоре обращаются в безнадежных. Но Николай Леопольдович был из молодых да ранний, и с первого взгляда на него можно было, не будучи пророком, предсказать, что он не пропадет и спокойно дойдет до раз им намеченной цели... Цель эта, впрочем, вся исчерпывалась рефреном известных куплетов:

Ничего, кроме денег, не надо!

«Деньги, – рассуждал, конечно, сам с собою, еще на гимназической скамейке Николай Леопольдович, сила. За деньги я куплю себе все: уважение, славу, почет... Звон презренного металла это благовест на колокольне современного храма золотого тельца», – повторял он с восторгом где-то слышанную им фразу.

Самый выбор темы для кандидатской диссертации указывал, что университетский курс не сбил его с раз намеченной дороги, что из-под крова храма науки вышел еще неоперившийся орел-стервятник, будущий жрец Ваала или попросту делец-акула.

Было ли это следствием его происхождения от колена Левитова (отец его, хотя и был лютеранином, но происходил из немецких евреев), или же он был просто продуктом современного жидовствующего веяния времени? Решить этот вопрос затруднительно. Отец его, бедный учитель музыки, упорно отрицал свое семитическое происхождение. Сын же, наоборот, громко заявлял, что с большим удовольствием готов причислить себя к потомкам Израиля, чем к утопающей в своем глубокомыслии немецкой нации.

«Все гениальные люди – евреи»... – парадоксально подтверждал он свои симпатии к этому народу.

Он забывал при этом другой, более близкий к истине парадокс: «все евреи – гениальные мошенники».

Одно лишь обстоятельство останавливало этого молодого волчонка снять овечью шкуру – это бедность.

Грошевые студенческие уроки и небольшие суммы, которые он, буквально, вымогал у своих, перебивающихся с хлеба на квас, родителей, единственным сыном, единственной надеждою и единственной радостью которых был, едва хватали ему на изящный костюм, необходимый для поддержания знакомства с богатыми товарищами (он был знаком только с такими) и на другие нужды этого далеко не дешево обходящегося общества.

Приходилось все-таки со скрежетом зубным отказывать себе во многом...

– Все верну, сторицей верну... – утешал себя Николай Леопольдович, – только бы дотянуть до диплома.

Когда эта желанная бумага была получена и положена в карман, и он, высоко подняв голову, вышел из правления университета, жизнь представлялась ему заманчивой картиной...

Поскорее бы только занять место за этим пиром, который, по выражению эпикурейцев, надо оставить только насытившись, но как это сделать?

Конечно, за этим пиром желанные гости, ведущие себя как дома – адвокаты...

Он давно принял решение причислиться к их сонму...

Достав рекомендательное письмо к одному из московских светил, он без труда, недели в две, был зачислен к нему в помощники.

Там уж поприще широко!
Знай работай, да не трусь!
Вот за что тебя глубоко

Я люблю, родная Русь...

Это стихотворение народного поэта не выходило из головы Николая Леопольдовича.

– Но как вступить на это широкое поприще без денег? Необходима квартира, изящная обстановка. Без этого не вотрешь очков доверителю, без этого нельзя сказать ему с апломбом: «Не твой рубль, а мой рубль», – и положить этот чужой рубль в свой карман на законном основании.

Попробовал было он позондировать дражайших родителей, но увы, собранные ими для будущего светила адвокатуры крохи были каплею в море предначертанных расходов для твердой постановки карьеры.

«Жениться!» – мелькнуло в голове Ликолая Леопольдовича, но он тотчас же отбросил эту мысль. Не то, чтобы он не хотел продавать себя. Ничуть. Он продал бы себя даже по фунтам, если бы это было возможно. Он боялся продешевить себя.

«Если бы пристроиться к какой-нибудь богатой старушке или еще лучше к замужней женщине средних лет...» – мечтал он, глотая слюнки от одного предвкушения благ земных, имеющихся очутиться в его власти в подобном положении.

Случай ему благоприятствовал.

II

Попытка не пытка

Терзаемый мучительными вопросами первоначального устройства своей карьеры на широкую ногу, зашел он побеседовать да и посоветоваться к своему бывшему учителю русской словесности Константину Николаевичу Вознесенскому.

Вознесенский был когда-то преподавателем одного маленького московского пансиона, где Николай Леопольдович провел года два до поступления в гимназию.

Пансион этот, впрочем, вскоре постигла судьба многих московских пансионов: он закрылся за недостатком учащихся, а Вознесенский, с помощью одного капиталиста, открыл свое большое реальное училище и повел дело на широких началах.

Дело оказалось блестящим.

Николай Леопольдович, надо сознаться, надеялся не только на советы, но и на материальную поддержку любившего его Константина Николаевича.

Войдя в подъезд громадного дома на Мясницкой, где помещалось реальное училище, он не без тревоги справился у солидного швейцара, дома ли Константин Николаевич.

– Дома, пожалуйста! – серьезно проговорил швейцар, снимая с пришедшего пальто.

Николай Леопольдович поднялся по широкой, устланной коврами лестнице, прошел в сопровождении выбежавшего на звонок швейцара, лакея длинный коридор и очутился к роскошно убранной приемной.

– Вы по делу? Как прикажете доложить? – осведомился лакей.

– Нет, я так повидаться.

– Потрудитесь обождать, приемные часы до двух, они в кабинете с посетительницей.

– Хорошо, я подожду.

Лакей удалился.

Николай Леопольдович опустился в мягкое кресло, крытое темно-синим штофом, и взглянул на стоявшие на массивном пьедестале из черного дерева роскошные часы.

Было без десяти минут два.

– Даст, или не даст? – загадал на пальцах Гиршфельд. Пальцы не сошлись.

Он закурил папиросу и стал пускать кольцами дым.

В этом занятии прошло минут пять.

Вдруг тяжелая дубовая дверь кабинета отворилась, откинулась портьера и на пороге, в сопровождении Константина Николаевича, появилась нарядно одетая, высокая, стройная барыня.

Темно-каштановые волосы густым бандо падали на ее спину из-под легкой черной кружевной шляпы с веткой темной сирени. Темно-лиловое платье красиво облегалo ее стан, говоря, впрочем, более об искусстве корсетницы и портнихи, нежели о дарах природы.

Цвет лица, очертание бровей, глубина темных глаз тоже красноречиво говорили об искусстве, хотя черты этого артистически отремонтированного лица были правильны и красивы.

Николай Леопольдович поспешно встал и поклонился.

Константин Николаевич с радостным восклицанием пожал ему руку.

Барыня окинула его быстрым, как бы вызывающим взглядом и обратилась к Константину Николаевичу:

– Ainsí, вы мне положительно отказываете в вашем содействии?

– Положительно, княгиня, примеры прошлых лет ставят меня в невозможность...

– Но чем же виноват мой мальчик, что у него полоумный отец? Впрочем, я публикую и выберу сама.

Последние слова она видимо умышленно подчеркнула, причем снова бросила выразительный взгляд в сторону отошедшего в амбразуру окна Николая Леопольдовича. От него не ускользнул этот взгляд.

– Это будет самое лучшее, ваше сиятельство... – заметил на ходу Константин Николаевич.

– Au revoir! – протянула она ему руку, затянутую в светлую лайковую перчатку, и скрылась в коридоре.

– Теперь я весь ваш, милейший, – подошел Константин Николаевич к своему гостю. – Прием, слава Богу, кончен: пойдемте завтракать.

Он взял его под руку и повел в столовую, находившуюся в противоположной стороне кабинета.

– Если я кому-либо в жизни завидую, то признаюсь, что вам, – заметил Гиршфельд. – Всегда по горло занят, но всегда бодр и весел. Это, вероятно, одна из причин вашего постоянного успеха во всем. Человек, вешающий голову, сам подписывает свой смертный приговор. Вам, видимо, легко далось сделаться баловнем судьбы...

– Вы скоры на приговор, мой молодой друг, это не совсем так. Успех дается лишь тому, кто его заработал. Фортуна не даром изображается женщиной. За ней надо уметь ухаживать и ухаживать настойчиво и серьезно. Это не кисейная барышня, которую можно увлечь потоком громких фраз, и не светская львица, падкая на мимолетные интрижки. Нет, это серьезная барыня, которая дарит свою благосклонность только серьезным людям.

– Ну, – подумал Николай Леопольдович, – это ты, кажется, того... зарапортовался... фортуна нашего времени – просто кокотка.

Однако, он не высказал этого взгляда своему бывшему учителю.

– Я видел много лишений, испытал почти нищету, прежде нежели дошел до этой тихой пристани, заработанной усиленным трудом, – продолжал Константин Николаевич. – Мне всего сорок пять лет, а я почти седой, и на голове не осталось волос, как говорится, даже на одну клочку.

Константин Николаевич был небольшого роста, быстрый в движениях человек, безукоризненно одетый в серую летнюю пару и белый галстук (он носил только черный и серый цвет).

Его лицо, обрамленное жиденькой, начинавшей сильно седеть козлиной, каштановой бородкой, дышало спокойствием и довольством, и лишь темно-карие глаза выражали настойчивость, энергию и даже суровость.

Не даром он, по рассказам, умел не только учеников, но и даже и учителей своего заведения держать в должном страхе.

Его почти совершенно оголенный череп был украшен на затылке и висках бахромкой редких каштановых, с проседью волос.

Таков был директор московского реального училища с правами реальных гимназий.

III

За завтраком

В комфортабельно убранной столовой Николай Леопольдович встретил инспектора классов реального училища, Ивана Павловича Карнеева.

Карнеев учился с ним в одной гимназии, но был старше его года на четыре, так что в то время, когда Николай Леопольдович перешел в четвертый класс, Карнеев кончил курс первым учеником с золотой медалью и был награжден на акте массою книг, купленных по подписке учителями гимназии.

Еще будучи в седьмом классе, он издал маленькую брошюру по какому-то математическому вопросу.

В гимназии он считался гениальным учеником.

Первый прилив зависти и злобы почувствовал в своем молодом сердце Гиршфельд, присутствуя на акте, который был торжеством для далеко не представительного по фигуре Карнеева.

С тех пор он без злобы и желчи не мог видеть чьего-нибудь превосходства. Даже чтение о подвигах каких-либо выдающихся деятелей вызывало на глаза его завистливые злобные слезы.

Карнеев, между тем, поступил в университет, окончил курс первым кандидатом по физико-математическому факультету, получил за сочинение золотую медаль и был оставлен при университете.

Он стал готовиться к магистерскому экзамену.

Константин Николаевич предложил ему инспекторство в его заведении, соединенное с преподаванием в высших классах.

Карнеев согласился и Николай Леопольдович снова столкнулся с ним на жизненном пути.

Из непредставительного гимназистика Иван Павлович сделался солидным молодым человеком, держащим себя хотя не гордо, но с достоинством, серьезным, не любящим кидать слова на ветер.

Встреча с Карнеевым подняла в душе Николая Леопольдовича прежнюю бурю злобы и зависти.

Он дошел до того, что не мог равнодушно выносить этого спокойного, невозмутимого человека.

«Гордый пошляк», – окрестил он его про себя, но ничем перед Константином Николаевичем, зная глубокое уважение последнего к Карнееву, не выдал своей тайны.

«Наверное будет неудача, раз этот торчит здесь!» – думал он, любезно пожимая руку Карнееву.

– Поздравить можно? – спросил Иван Павлович.

– Да, кончил кандидатом, хотя и не первым, – умышленно подчеркнул Николай Леопольдович.

Иван Павлович сделал вид, что не заметил намека. Сели за стол.

– А я и забыл поздравить, значит – мы нынче выпьем за здоровье нового кандидата прав и будущего адвоката, – сказал Константин Николаевич.

– Не будущего, а даже настоящего, я уже принят в число помощников присяжного поверенного, – заметил Гиршфельд.

– К кому записались?

– К Левицкому.

Константин Николаевич поморщился.

О деятельности этой адвокатской знаменитости ходили по Москве далеко нелестные слухи. Говорили, что его, бывшего петербургского профессора, отказались принять в свою среду присяжные поверенные петербургского округа, и он лишь фуксом[Обман, надувательство, плутовство.] попал в это московское сословие.

– Быстро, ну, да дай Бог. Думаете начать практику? – задал вопрос Константин Николаевич.

– Не знаю, право, я было и зашел к вам посоветоваться... поговорить...

– И прекрасно, уединимся после завтрака в кабинете и потолкуем, а пока кушайте.

Все трое принялись за обильный завтрак. Константин Николаевич наполнил стаканы вином.

– Эта княгиня Шестова опять ко мне приставать приезжала... – обратился он к Карнееву.

– Об учителе для сына? – улыбнулся тот.

– Кажется, больше для себя.

Николай Леопольдович навострил уши.

– Что же вы, рекомендовали? – спросил Карнеев.

– Напрочь отказал; помилуйте, два года подряд одна и та же история. Возьмет учителя для сына, заведет с ним шуры-муры. Муж, выживший из ума старик, делает в деревне скандалы, да еще приезжает сюда объясняться. Вы, дескать, рекомендовали студента, а он увлек мою Зизи. Это Зизи-то, эту старую бабу увлек... Комикс...

– Чай обиделась?

– Кажется, хотела публиковать, я сказал, что это самое лучшее. Только, боюсь, опять явится, благо здесь недалеко, в Северной гостинице остановилась...

– Да зачем, говорю я, вам репетитора, когда все равно сын ваш на второй год в классе остался?

– Помилуйте, как же мальчик будет без присмотра!?

– Ну, думаю, матушка, кажется за тобой более присмотра нужно.

– Что же вы не кушаете? – обратился он к гостям.

– Помилуйте, по горло сыты, всего по немножку попробовали, – заметил Николай Леопольдович, отодвигая тарелку.

– Я так даже попрошу позволения откланяться, – встал Карнеев, – мне необходимо съездить по делу.

– Если по делу, не задерживаю, сигару на дорогу захватите, – пододвинул Константин Николаевич гостям ящик с сигарами и взял одну сам.

Гости не отказались. Когда сигары были закурены, Иван Павлович вторично откланялся и вышел из столовой.

– Пойдемте и мы беседовать в кабинет – там удобнее, – предложил Гиршфельду Константин Николаевич, когда они остались одни.

Гиршфельд встал и последовал за хозяином.

Кабинет Вознесенского представлял из себя смесь возможной простоты и возможного комфорта. Мягкая мебель, турецкие диваны по стенам манили к покою, к кейфу, а громадный письменный стол, стоявший посредине и заваленный массой книг и бумаг указывал, что хозяин покупал минуты этого покоя усиленным, непрерывным трудом. Массивный библиотечный шкаф, наполненный книгами, и тяжелые портьеры на дверях и окнах дополняли убранство этого делового хозяйского уголка. Мягкий ковер на полу этой обширной комнаты заглушал шум шагов.

Константин Николаевич с Гиршфельдом уселись с сигарами на одном из турецких диванов.

IV Сорвалось!

– Ну, дружище, какой же совет нужен от меня, ничтожнейшего смертного, будущему светилу русской адвокатуры? – пошутил Константин Николаевич.

Николай Леопольдович рассказал откровенно свои планы и невозможность их осуществить в настоящее время.

– А разве нельзя остаться пока с родными и начинать не сразу на такую широкую ногу?

– Об этом нечего и думать; это значит на первых же порах испортить себе карьеру. Обстановка и внешность для адвоката первое дело. Без этого закрывай лавочку.

– Лавочку... хорошо сказано... – улыбнулся Константин Николаевич. – Но что же делать?

– Я вот что надумал. Теперь время летнее, глухое. Взять на лето хороший урок, скопить деньжонок, а с сентября начать практику. Вас хотел попросить не рекомендуете ли вы?

– С удовольствием бы, да поздно, все уже разъехались из училища. Если обратятся, то, конечно, место будет за вами, да едва ли, говорю – поздно.

– Жаль!

– Вот княгиня Шестова все просит рекомендовать ей учителя, но не вас же я ей рекомендую... Она просто ищет себе любовника, а какой же порядочный человек на это согласится...

– Гм! Конечно... – заметил Николай Леопольдович.

– Не лучше ли было бы вам сначала поступить на службу здесь, в Москве, или в Петербурге, наконец, в провинции, там быстрее ход. Я бы мог вам дать рекомендательные письма. У меня есть в министерстве юстиции и в разных судебных учреждениях знакомые – люди влиятельные...

– Нет, нет, я чувствую, что адвокатура мое настоящее призвание...

– Призвание-то это от вас бы не ушло, послужили бы годиков пять, не понравится – бросите и прямо будете присяжным поверенным, а служба великая вещь, она вырабатывает характер, приучает к регулярному, систематическому труду... Подумайте, милейший друг!

– Нечего и думать. Я задохнуть в канцелярии, заглушу и последние мои способности, если они только есть у меня, из меня выйдет ограниченный человек и неспособный чиновник, вот и все. Если начинать работать на избранном поприще, то надо относиться к нему с любовью, вступать на него со свежими силами, а не покрытым канцелярскою пылью, заеденным бумажною формалистикою... И не говорите, ни за что, ни за что!

– Вы хорошо делаете, что просите не возражать, так как возразить можно много против этого восторженного молодого бреда... – заметил Константин Николаевич.

Наступило молчание.

– А если бы я попросил у вас займы рублей шестьсот для первого обзаведения, вы бы мне не отказали? – вдруг в упор спросил Николай Леопольдович.

– Нет, отказал бы, – серьезно, после некоторой паузы ответил Вознесенский. – И не потому, что не верю, или не могу дать этих денег, а просто потому, что люблю вас.

– Это, то есть, как же?

– Так... Начинать карьеру с займа плохое дело. Это значит строить здание на песке. Если впоследствии случится нужда и надо будет перехватить, поверьте, вы у меня не встретите отказа, но на обстановку, будто бы нужную для адвокатской лавочки (ваше собственное выражение), хоть сердитесь на меня, не дам...

– Да я и не прошу, я пошутил, можно будет в самом деле начать понемножку.

– И самое лучшее. Тише едешь, дальше будешь...

«От того места, куда едешь», – злобно подумал про себя Гиршфельд.

– Лучше бы все-таки поступить на службу...

– Нет, нет, ни за что, и не говорите! – замахал руками Николай Леопольдович.

– Молчу, молчу...

Собеседники докурили сигары.

Николай Леопольдович встал и начал прощаться.

– Ну, подавай вам Бог счастья и успеха, – обнял его Константин Николаевич. – Вы не сердитесь?

– Помилуйте, за что же, ведь повторяю, я пошутил...

По уходе Гиршфельда, Константин Николаевич отправился в библиотеку, помещавшуюся за его личной столовой, и там застал Карнеева.

– Вы уж вернулись?

Иван Павлович смутился.

– Вы и не ездили? Почему же вы нас оставили?

– Простите, я буду откровенен, мне несимпатичен этот Гиршфельд.

– Напрасно, он милый малый, вы имеете к нему предубеждение.

– Не думаю! Впечатления, производимые на меня людьми, никогда меня не обманывали; к вам, например, он приходил сегодня занимать деньги для начала карьеры.

– Браво, да вы отгадчик, я этого за вами не знал. Денег, правда просил...

– И вы дали?

– Нет.

– Значит, рекомендовали Шестовой?..

– Какой вздор, я ему объяснил, так как перед тем, как просить у меня денег, он спрашивал, нет ли ему подходящего урока на лето, и он согласился со мной, что порядочный человек не примет такого места.

– Еще бы ему не согласиться с вами, да еще перед тем, как попытаться сделать у вас заем, а я так думаю, что он был бы самый подходящий учитель для княгини Шестовой и с удовольствием воспользовался бы нашей рекомендацией, засмеялся Иван Павлович.

– Нет, это уже слишком, вы сегодня не в духе и от того злы, и все вам представляются в черном свете... Гиршфельд молод, увлекается, но на заведомо бесчестный поступок он неспособен, я его знаю с детства...

– И идеализирую, как всех, по обыкновению... – перебил Иван Павлович.

– Ничуть.

– Поживем – увидим!

V Роковой шаг

Пасмурный и недовольный вышел Николай Леопольдович из подъезда реального училища.

«Зажиревшее животное! Туда же нравоучения читает!» – ворчал он про себя, по адресу Константина Николаевича.

Подъезд училища был со двора.

Выйдя из ворот на Мясницкую, он вдруг остановился: гениальная мысль осенила его.

– В Северную гостиницу, гривенник! – крикнул он проезжавшему извозчику.

– Пожалуйте, – подкатил тот.

Гиршфельд сел в пролетку и через несколько минут уже входил в подъезд гостиницы, помещающейся близ Красных ворот.

– Княгиня Шестова в каком номере? – спросил он распахнувшего ему дверь швейцара.

– Номер первый, в бельэтаже.

– Дома?

– Только что приехать изволили.

– Судьба! – прошептал Николай Леопольдович, поднимаясь по лестнице. «Разве порядочный человек на это согласится!» – мелькнула у него в уме фраза Константина Николаевича.

– Идиот! – отправил он по его адресу.

Отыскав лакея, он вручил ему свою визитную карточку, на которой значилось: «Кандидат прав, Николай Леопольдович Гиршфельд. Помощник присяжного поверенного», и велел доложить о себе княгине.

Лакей вошел в номер и, выйдя через несколько минут, произнес:

– Пожалуйте...

Николай Леопольдович вошел в номер, тот же лакей снял с него пальто.

Атмосфера номера была насыщена тяжелым запахом косметики.

В первой комнате княгиня Шестова полулежала в кресле, удивленно глядя на поданную ей карточку Гиршфельда.

При его появлении в дверях, выражение удивления сменилось довольной улыбкой: она его узнала, но не подала вида.

– Извините меня, ваше сиятельство, что я осмелился явиться к вам не будучи представленным, без рекомендательного письма, но счастливый случай привел меня сегодня к г. Вознесенскому, и я узнал от него после вашего отъезда, что вы нуждаетесь в учителе для вашего сына...

– Да, да, это ужасно, он положительно отказался рекомендовать... я в отчаянии... Садитесь, пожалуйста.

– Это и побудило меня явиться к вам предложить свои услуги... – произнес он, садясь в кресло.

– Вы хотите... сами?

– Сам. Я несколько недель как кончил университетский курс, во время же студенчества занимался педагогической деятельностью, и хотя теперь записался в помощники присяжного поверенного, но летом глухое время для адвокатуры, и я с удовольствием поехал бы на урок в деревню, отдохнуть... Занятие с детьми я считаю отдыхом, я так люблю их!

– Очень рада, очень рада, не знаю как и благодарить вас, вы так меня выручили! – подала ему руку княгиня.

– Ваша радость, ваше сиятельство, для меня лучшая благодарность, – с пафосом произнес он, медленно, с чувством целуя руку Шестовой.

На его губах остался целый слой душистой пудры.

– Зовите меня просто Зинаидой Павловной... Я чувствую, что мы будем друзьями.

– Много чести, ваше сият... Зинаида Павловна.

– Поговорим об условиях.

– Провести лето под одной кровлей с вами я согласен безусловно.

– О, да вот вы какой... шалун! – игриво произнесла Зинаида Павловна, и вырвав руку, которую тот все еще продолжал держать в своей, фамильярно ударила его по руке.

– Я говорю лишь то, что чувствую – недостаток молодости! – скромно произнес он.

– Скажите лучше достоинство... Но к делу!

Не прошло и нескольких минут, как разговор об условиях был окончен.

Княгиня сама предложила за занятия с одиннадцатилетним сыном двести рублей в месяц и сто рублей на дорогу взад и вперед.

Эти деньги она тотчас передала Гиршфельду.

Большого он не мог и желать и всеми силами старался скрыть свое удовольствие, принимая из рук княгини Зинаиды Павловны радужную бумажку.

– Прикажете дать расписку?

– Quelle bettise!.. Какие расписки... я вам верю...

Николай Леопольдович поклонился.

– Где же мой будущий ученик?

– Он уже в деревне, я отправила его третьего дня с Марго – это бедная племянница моего мужа, княжна Маргарита Дмитриевна Шестова. Она гостит лето у нас. Красавица в полном смысле этого слова. Смотрите, не влюбитесь, – сказала княгиня, играя глазами.

– Около вас, в другую! Это будет мудрено... – глядя ей прямо в глаза, развязно произнес он.

Зинаида Павловна снова заиграла глазами.

– О, да вы на самом деле опасный, а я в Москве одна.

Он скромно потупил глаза.

– Вы когда можете выехать?

– Когда вам будет угодно, я свободен.

– Я еду завтра, а вы выезжайте через два дня. По расчету времени, я вышлю лошадей на станцию.

– Хорошо-с! – произнес Николай Леопольдович и стал прощаться.

VI

Современная Мессалина

– Это еще не все условия и нечего убегать так скоро, – остановила его Зинаида Павловна. – Через несколько дней вы принадлежите всецело моему сыну, но сегодня я хочу, чтобы вы отдали ваше время мне.

Княгиня потупилась.

Николай Леопольдович чуть заметно улыбнулся и снова опустился на кресло возле нее.

– Это, конечно, не входит в круг принятых вами на себя обязанностей, и вы можете, если не пожелаете... отказаться...

Она взглянула на него исподлобья.

– Я лучше откажусь от всех обязанностей, чем отказаться от этой...

Он взял уже сам ее руку, лежавшую на столе, и снова прильнул к ней губами. Она не отнимала руки.

– Поболтаем, повеселимся вечером, а там, в деревне, ни-ни, ни малейшей шутки. Мой муж слишком стар, чтобы не быть ревнивым. Поняли?

Он выразительно наклонил голову.

– Куда же мы поедем? Надо сперва пообедать, здесь так скверно кормят... – спросила она.

– В «Славянский Базар», а за обедом придумаем программу вечера.

– Дельно, позвоните, дружочек!

Николай Леопольдович встал и нажал пуговку электрического звонка. Явился лакей.

– Двуместную карету на целый вечер, самую лучшую! – приказала Зинаида Павловна.

– Прикажете сейчас, ваше сиятельство?

– Сию минуту.

– Слушаю-с.

Лакей вышел.

– Вы ни в кого не влюблены? – вдруг в упор спросила его Зинаида Павловна.

– До сих пор ни в кого не был... – подчеркнул он первую половину фразы.

– А в вас? Ведь вы такой хорошенький! – продолжала княгиня, глядя ему прямо в глаза.

Даже Николай Леопольдович смутился, но вскоре поправился.

– Не знаю, не интересовался... – небрежно произнес он.

– Не верю, – погрозила ему пальцем княгиня.

– Поверите, – уверенно произнес он.

– Посмотрим, – вздохнула княгиня. – Однако, я пойду поправлюсь и надену шляпку, извините.

– Помилуйте!

Княгиня исчезла за портьерой. Николай Леопольдович остался один.

Ощупав еще раз в жилетном кармане небрежно смятую им сторублевку и убедаясь, что она в наличии, он самодовольно улыбнулся.

«На ловца и зверь бежит! – припомнилась ему пословица. – Что скажет Константин Николаевич, когда узнает?» – пришло ему на ум.

«Да, ну его!» – отогнал он от себя эту мысль и стал строить планы, один другого заманчивее.

«Нужно подделаться к старику и сделаться его поверенным. Если же он умрет (поскорей бы) – крупное утверждение в правах наследства, управление делами и именьями, можно даже жениться... Это худший исход... но все-таки».

– Экипаж подан! – прервал лакей его сладостные грезы.

Одновременно с этим приподнялась портьера и появилась княгиня в шляпе и накидке, натягивая перчатки.

– Едемте.

Николай Леопольдович, надев с помощью лакея пальто, последовал за княгиней.

– В «Славянский Базар»! – крикнул он кучеру, усадив княгиню и усаживаясь сам. Карета понеслась.

После изысканного обеда в отдельном кабинете, обильно политого дорогими винами, в которых княгиня оказалась большим знатоком, они отправились в Петровский парк в Шато де-Флер.

Там царила тогда, только что входившая в моду, шансонетка.

Они заняли ложу.

Здесь Николая Леопольдовича ожидала неприятная встреча.

Он почувствовал на себе устремленный из партера взгляд.

Посмотрев вниз, он увидел смотрящего на него из первого ряда кресел Константина Николаевича.

Кровь бросилась ему в лицо – он невольным движением отодвинулся в глубину ложи.

«Нанесла нелегкая!» – подумал он про себя.

В шестом часу утра следующего дня карета с опущенными шторами отъехала от угла Софийки и Кузнецкого моста и проехав последний, Лубянку, Мясницкую, площадь Красных ворот, повернула за угол налево и остановилась у подъезда Северной гостиницы.

Из нее вышли Зинаида Павловна и Гиршфельд.

– Ты приедешь ко мне завтра обедать и проводить на вокзал? – спросила она его по-французски.

– Конечно, но это будет уже сегодня... – улыбнулся в ответ Гиршфельд.

– И то правда! – засмеялась она, и еще раз кивнув ему дружески головой, скрылась в подъезде.

Николай Леопольдович сел снова в карету, поднял шторы и приказал ехать на Бронную. Карета покатила.

Он вынул бумажник и бережно раскрыл его.

В нем, кроме мелких депозиток, была уже не одна, а шесть радужных...

Он так же бережно уложил бумажник обратно и самодовольно закурил папиросу.

VII

Легенда старого парка

В качестве учителя сына Зинаиды Павловны и прибыл Гиршфельд, дня через три после происшедшего, на станцию Ломовис, где мы оставили его сидящим на станционной скамейке.

– Лошади готовы-с, ваше сиятельство! – крикнул над ухом задумавшегося Николая Леопольдовича станционный сторож.

Титул сиятельства приятно защекотал его слух.

Он быстро заменил приготовленную для сторожа мелочь рублевой бумажкой. Это не ускользнуло от внимания последнего.

– Саквояж позвольте, ваше сиятельство.

Гиршфельд важно подал ему саквояж и последовал за ним в подъезд станции.

У этого подъезда стояла прекрасная дорожная коляска английской работы, запряженная тройкой подобранных в цвет и в масть рыжих лошадей.

Молодцеватый молодой кучер, одетый в нарядный ямщицкий костюм, в ухарски заломленной поярковой шляпе с павлиньими перьями, боком, по-ямщицки, сидел на козлах.

При появлении на крыльце Николая Леопольдовича, он почтительно снял шляпу.

– С приездом-с.

– Благодарствуй.

Подсаженный сторожем, довольным рублевкой, Гиршфельд важно развалился в коляске.

Кучер лихо ударил по лошадям.

Коляска понеслась.

Усадьба князей Шестовых лежала в одной из лучших местностей Т-ской губернии. Не говоря уже о том, что в хозяйственном отношении именье это было золотое дно – черноземная почва славилась своим плодородием, а «шестовская» пшеница всегда дорого стоила на рынке, – самое местоположение усадьбы было до нельзя живописно.

Господский каменный дом, окруженный громадными террасами, стоял на горе. Отлогий спуск последнего, достигавший до самой реки, протекавшей внизу, был занят частью английским парком, а частью фруктовым садом, по соседству с которым находились богатые оранжереи, вверенные попечению искусного садовника, и бахчи, где произрастали арбузы, достигавшие в Шестове колоссальной величины.

Одна из оранжерей имела вид крытой галереи, спускавшейся от дома вниз к самой реке и оканчивавшейся роскошной купальней.

Рядом с английским парком было несколько десятин огороженного, чищенного леса, испещренного причудливыми дорожками и носившего название «старого парка».

В одной из задних аллей этого парка, посредине дорожки, почти у самой реки стоял огромный столетний дуб, ствол которого был огорожен железной, заржавевшей от времени решеткой.

Решетка была четырехугольной формы и на четырех углах ее было водружено по большому медному кресту.

Против самого дуба стояла поросшая мохом каменная скамейка, носившая название «скамейки старого князя».

На этом дубе по преданию, удавился один из отдаленных предков князей Шестовых и в княжеском семействе сохранилась легенда, что перед каждым несчастьем, грозящим княжескому роду, старого князя видят в полночь, сидящим на скамейке.

Место это, окруженное такой страшною тайною прошлого, было, конечно, совсем непосещаемо.

Некоторые смельчаки из дворни «на спор» ходили туда после полуночи, но всегда возвращались с искаженными от страха лицами и рассказывали, что слышали предсмертные стоны старого князя, сопровождаемые адским хохотом сидящих на ветвях дуба русалок.

По приметам стариков, никто из ходивших туда не доживал до нового года.

Легенда шла далее и объясняла причину княжеской смерти.

Удавился он не сам, а был повешен дьяволом на дубе, стоявшем у того места реки, где князь утопил несколько десятков своих крепостных любовниц, ставших русалками.

В реке, в этом месте, на самом деле был омут.

Место это так было проклято Богом и отдано Им во власть «нечисти», что против нее были даже бессильны водруженные одним из потомков старого князя кресты.

Так повествовали старожилы.

Прибавляли, что построивший решетку с крестами князь в день ее окончания был во время вечерней прогулки заведен нечистой силой на это место, избит старым князем и зачекочен русалками.

На утро его нашли мертвым, изуродованным, лежавшим на каменной скамейке, со сложенными, как в гробу руками, но вместо образа на груди лежало осиновое полено.

Старый барский дом находился далее настоящего, как раз против старого парка, но в одну ночь сгорел до основания от неизвестной причины.

Во время этого пожара погиб, задохнувшись в дыму, другой потомок старого князя. Семья его и дворня едва успели спастись.

Это несчастье связано преданием также с таинственным дубом.

Потомок князя погиб в ту ночь, перед которой отдал приказание срубить «проклятый дуб».

Таким образом убийство и поджог, совершенные крепостными, выведенными из терпения самовластием и жестокостью помещиков, остались, быть может, по справедливости, безнаказанными, прикрывшись действиями таинственной силы.

Новый каменный дом был построен лет пятьдесят тому назад отцом настоящего владельца, но отделан заново и даже почти переделан этим последним после своей, по счету третьей, женитьбы, лет около двенадцати тому назад.

Громадный дом, со своими лепными карнизами, колоннами с причудливыми орнаментами, террасами с асфальтовым полом, уставленными летом тропическими растениями, утопающий в зелени, был великолепен.

Внутренне убранство вполне соответствовало наружному виду.

Чувствовалось, что утонченный вкус аристократа, с помощью бешеных денег, нашел возможность вполне удовлетвориться, создав такое роскошное палаццо.

Перед домом, со стороны дороги, был разбит парк с обширным цветником, в середине которого находился громадный фонтан – колоссальный бронзовый лебедь с поднятой вверх головой.

Цветник-парк был окружен изящной железною решеткой с такими же воротами, от которых густая липовая аллея вела к парадному подъезду.

Надворные постройки, службы, людские помещались на другом дворе, отделенном от барского забора с воротами и калиткой.

За этим черным двором помещалась псарня, тоже на совершенно отдельном дворе – там жили охотники, егеря, доезжачие и благоденствовали стаи гончих и борзых.

VIII

Прошлое княгини

Все в княжеской усадьбе напоминало старое помещичье, доманифестное время, а сам хозяин-помещик, князь Александр Павлович Шестов, истый представитель этого времени, один из его «последних могикан», совершенно гармонировал со всей окружающей, созданной им обстановкой.

Князь Александр Павлович Шестов был старик лет семидесяти восьми, небольшого роста, подвижной, но за последнее время заметно ослабевший.

С подстриженными под гребенку, седыми как лунь волосами, всегда тщательно выбритый «по-актерски», одетый постоянно летом в чесунчовую пару, а зимой в черный драповый костюм, он с пяти часов утра уже был на ногах, ведя таким образом совсем иную жизнь, нежеле знакомая уже нам супруга его, княгиня Зинаида Павловна, и не изменял своих привычек ни для каких гостей, которыми дом Шестовых, кстати сказать, был всегда переполнен.

Княгиня вставала в два часа дня и пила утренний чай в голубой гостиной, муж же в это время уже обедал.

Настоящий же обед обыкновенно был сервирован к шести часам вечера и заменял князю ужин, который для княгини и прочих подавался в час ночи.

Свой ежедневный режим княгиня также не изменяла для гостей, которые, по большей части соседние помещики и губерские власти, по несколько дней гостили в Шестове, ведя себя совершенно как дома, заказывали себе в какое хотели время завтраки (два повара, один переманенный князем из клуба, а другой старик, еще бывший крепостной, работали, не покладая рук, в обширной образцовой кухне), требовали себе вина той или другой марки из переполненных княжеских погребов, не мешали хозяевам, а хозяева не мешали им, и обе стороны были чрезвычайно довольных друг другом.

Лишь к обеду княгини, или ужину князя все обязательно сходились к столу, по бокам которого, кроме нескольких лакеев, два казачка с громадными веерами из павлиньих перьев, отгоняли летом от обедающих назойливых мух.

Появление к ужину, как и к завтраку, не было обязательно.

Приглашение же к утреннему чаю княгини считалось особой милостью и знаком высшего расположения.

Одиннадцатилетний князек Владимир, зимой учившийся в Москве (князь и княгиня безвыездно жили в усадьбе, причем последняя, и то в последние годы, изредка выезжала в губернский город и еще реже в Москву), а летом отданный на попечение дядьки и приглашаемого студента, завтракал в два часа, обедал со всеми и не ужинал, так как в одиннадцать часов ложился спать.

Такова была внутренняя жизнь в усадьбе князей Шестовых.

С внешностью и некоторыми нравственными чертами личности княгини Зинаиды Павловны мы уже отчасти знакомы.

Княгиней Шестовой сделалась она, что называется, «фуксом», при следующих обстоятельствах.

Она была единственной дочерью одного из т-ских губерских чиновников не из крупных.

Рано лишившись матери, вкусив несколько от французской премудрости в местном пансионе, открытом француженкой эмигранткой, она семнадцати лет была полной хозяйкой и распорядительницей в отцовском неказистом домишке. Природа наделила ее выдающейся красотой, а пансионское воспитание склонностью к несбыточным мечтам и способностью

строить воздушные замки, не вложив в молодое сердце никаких устойчивых нравственных правил.

При этих условиях жизнь в доме отца, понятно, показалась ей неприглядной, и она с нетерпением стала ожидать жениха, но непременно «самого красивого и самого богатого», который мог бы ей построить пышные чертоги из бирюзы и янтаря, или, по меньшей мере, всю осыпать бриллиантами.

В таких ожиданиях прошло несколько лет.

Женихи губернские, принадлежавшие к чиновной иерархии, некоторые даже стоявшие на довольно высоких ступенях, встречая презрительный отказ разборчивой невесты, отступились и поженились на менее требовательных губернских и даже столичных барышнях.

Зинаиде Павловне Введенской (такова была фамилия ее отца) наступил уже двадцать второй год, но достойный претендент не являлся.

Разочарованная ли судьбою, утомленная ли долгим ожиданием, или же под влиянием страсти, но только в один прекрасный день, или лучше сказать вечер, она убежала из родительского дома с сыном и наследником неизмеримых богатств незадолго до того отошедшего к праотцам местного откупщика.

Побег дочери сильно повлиял на старика отца. С горя и одиночества он запил, потерял место и через несколько месяцев умер, оставив в наследство дочери обремененный закладными дом, вскоре, впрочем, проданный с аукционного торга.

Зинаида Павловна Введенская жуировала в это время со своим обожателем в Париже.

Этот последний тратил на нее безумные деньги, почти весь доход с громадных наследственных капиталов, словом, великодушно предлагал свое сердце и кошелек, но благоразумно воздерживался от предложения своей руки, на что в начале она сильно рассчитывала.

Увидав вскоре всю тщету этой надежды, она ловко выманила у своего обожателя несколько сотен тысяч и дала ему полную отставку, сойдясь, как рассказывали одни, с порогевшим маркизом, а другие – с оперным певцом.

Сынок откупщика, которому его пассия уже успела приесться, был не особенно тронут ее коварной изменой и, пожуировав несколько времени с пикантными француженками, спокойно уехал в любезное отечество, женился на дочери одного московского коммерческого туза и зажил в первопрестольной столице.

Скандальная хроника заграничных газет была несколько лет подряд наполнена описаниями *aventures d'une dame russe m-me Vedenski* – как в Париже, так и в разных модных курортах.

Рассказывали, что после нескольких лет безумной жизни с переменными обожателями (маркиз или, по другой редакции, оперный певец, вскоре был тоже отставлен), Зинаида Павловна, обобрав изрядно напоследок сына одного московского миллионера и пожуировав еще года два на денешки этого «московского саврасика», возвращенного с помощью русского посольства из «угарного» Парижа в отцовский дом в Замоскворечье, с оставшимися крохами, но со множеством сундуков и баулов, наполненных парижскими туалетами, благополучно возвратилась в свой родной город Т.

Ей было в это время уже за тридцать лет.

IX На родине

Наняв и обмоблировав весьма скромно, но изящно небольшую квартирку возле собора и губернского дома, Зинаида Павловна взяла себе в компаньонки бедную вдову-чиновницу, очень чистенькую и приличную старушку, и зажила уединенно, не ища знакомств, посещая аккуратно церковные службы в соборе.

Мужское население города было без ума от сохранившейся красивой «русской парижанки», как окрестили Зинаиду Павловну в Т., но ни один из кавалеров города, несмотря на все ухищрения, не мог завязать с ней даже мимолетного знакомства.

Такое поведение приезжей вызвало одобрение со стороны «губернских дам».

Романтическая дымка, накинута на прошлое m-lle Введенской, ее парижские туалеты, подобных которым не было даже у законодательницы губернской моды – губернаторши, баронессы Ольги Петровны Фальк, особенный кодекс губернской нравственности, беспощадно бичующий малейшие проступки, совершенные на родной почве, и снисходительно относящийся к заграничным грешкам, сделали то, что начальница губернии в одно из воскресений первая завязала в соборе знакомство с Зинаидой Павловной и пригласила ее в следующий вторник на «чашку чаю».

Весть об этом облетела моментально весь губернский бомонд, да и сама губернаторша поспешила объехать «свой круг», как она выражалась, и сообщить о причинах такого ее поступка.

– Все же, – ораторствовала Ольга Петровна в салонах губернских дам, – она наша, из бюрократии (Ольга Петровна никогда не говорила чиновник, а заменяла это слово словом бюрократ), дочь надворного советника, ведет себя уже с полгода прекрасно, скромно, а если что и было там, а *l'étranger... sa ne nousregarde pas...*

Губернские дамы хором согласились с мудростью баронессы и прием Зинаиды Павловны в высший свет города Т. состоялся с помпой.

Князь Александр Павлович Шестов, служивший в молодости по дипломатической части, но уже давно вышедший в отставку и проживающий в Москве, незадолго перед торжественным возвращением заблудшей овцы в губернное стадо, потерял свою вторую жену, с которой прожил около десяти лет, и приехал погостить в город Т., близ которого лежало его большое родовое имение, и в котором жил его младший брат, вдовец, с двумя маленькими дочерьми.

Состояния братьев были различны, как были различны и их характеры.

Александр Павлович хотя и любил пожить широко, но был расчетлив и не выходил из бюджета.

Он увеличил при этом свое наследственное состояние двумя выгодными женитьбами и был миллионером.

Брат же его, Дмитрий Павлович, служивший в молодости в гусарах и кутивший, что называется, во всю ширь русской натуры, уступил даже часть своего родового имения своему расчетливому братцу за наличные, увлекся, когда ему было за пятьдесят и он был полковником, во время стоянки в Варшаве, безродной красавицей полькой, женился на ней, и, едва сохранив от своего громадного состояния несколько десятков тысяч, после четырех лет роскошной жизни уже с женой, вышел в отставку и приехал с ней и четырехлетней дочкой Маргаритой в Т., где купил себе одноэтажный деревянный домик, записался членом в клуб и стал скромным семьянином и губернским аристократом.

Через год после приезда, над князем Дмитрием разразился удар судьбы.

Его ненаглядная Стася, так звал он свою жену, Станиславу Владиславовну, умерла в родах, подарив ему вторую дочку, Лидию.

Дмитрий Павлович дал у постели умирающей жены клятву остаться неутешенным вдовцом и сдержал ее, что было тем легче, что ему уже в то время кончался шестой десяток.

Старик боготворил своих дочерей, из которых старшей ко времени приезда дяди шел уже девятый год, а младшей исполнилось четыре.

Старушка няня, единственная крепостная князя Дмитрия, на попечение которой отданы были обе малютки, помещалась вместе с девочками в детской, рядом с кабинетом и спальней отца, которого после смерти жены подагра стала часто и надолго приковывать к постели и креслу на колесах.

В доме этого-то брата и остановился Александр Павлович, решивший пробыть в Т. около месяца, а затем уехать в деревню.

Это было в конце марта.

На одном из губернаторских вторников, он встретился с Зинаидой Павловной, и эта встреча решила его судьбу.

Несмотря на то, что ему в то время было шестьдесят шесть лет, он был еще бодрый старичок.

Женившись оба раза по холодному расчету, он в жизни не испытал любви, и крылатый божок, хотя и поздно, но очень сильно ранил его в сердце.

Пожелав быть представленным, он на другой же день сделал визит m-lle Введенской и был положительно очарован «русской парижанкой».

В это время Зинаиду Павловну уже окружил рой поклонников, с губернатором, бароном Фальк, во главе, но чаще других бывал у нее, даже запросто, молодой чиновник особых поручений при губернаторе, барон Павел Карлович Фитингоф, выразительный брюнет, окончивший года с два курс в одном из привилегированных заведений Петербурга. Зинаида Павловна, видимо, отличала его из толпы своих поклонников, но насколько реально было это отличие, могла знать разве лишь наперсница ее Анна Ивановна (так звали компаньонку-чиновницу). Последняя, впрочем, относительно своей благодетельницы была нема, как рыба, хотя относительно других дам язычок ее можно было сравнить со змеиным жалом.

Х Ловушка

Князь стал настойчиво ухаживать, и ухаживанья его оказались далеко не противны.

Ему сделали сперва тонкий намек на возможность взаимности.

Затем дали еще более реальные доказательства.

Князь утопал в блаженстве, тем более, что это ему ничего не стоило.

От него не принимали даже мелких подарков.

Считая все это не более, как мимолетной светской интригой, он и не подозревал западни.

Однажды торжествующий ехал он провести *tet  -a-tet  * с обворожительной Зизи.

Он застал ее расстроенною, с заплаканными глазами.

Князь вспомнил своих двух жен и поморщился.

– Что с вами, *ma ch  rie*? – осведомился он.

– И он еще спрашивает! – откинулась на спинку дивана Зинаида Павловна и истерически зарыдала.

Князь растерялся.

Припадок истерики ослабел и она томно сообщила князю, что почувствовала себя матерью.

– *Vous comprenez*, – заметила она ему, – что мне остается только умереть, и я умру.

Я увлеклась вами и поплачусь за увлечение. Я откроюсь только одному моему искреннему другу, *madame la baronne*, с тайной от нее я не лягу в гроб, а затем я умру.

Припадок истерики повторился.

Князь был ошеломлен.

Две первые жены снова пришли ему на память.

Князь задрожал. Перспектива открытия тайны *madame la baronne*, то есть Ольге Петровне Фальк, была равнозначна открытию ее целому городу, сделаться басней которого князю не хотелось.

Положение отца хотя и было сомнительного качества, но все же приятно щекотало самолюбие князя. От двух первых жен у князя детей не было.

– Зачем же умирать? Мой ребенок, – князь подчеркнул слово «мой» – будет законный. Я имею честь предложить вам руку и сердце.

– Князь, вы благородный человек, я еще более люблю вас, если можно любить более... – упала она в его объятия.

Припадки истерики прекратились.

Через полчаса невеста с женихом уже весело болтали за чаем в столовой.

В передней раздался звонок.

– Ее превосходительство, баронесса Ольга Петровна Фальк, – доложил вошедший лакей.

Следом за ним в дверях появилась баронесса. Она приехала по приглашению Зинаиды Павловны, но увидав нарушенное ею *tet  -a-tet  *, остановилась.

– *Coyez la bienvenue!* – бросилась ей навстречу хозяйка.

– *Je ne vous emp  che pas?* – с язвительной улыбкой спросила гостя.

– Представляю, баронесса, сказала вместо ответа Зинаида Павловна, – моего жениха.

Князь сегодня сделал мне предложение, и я приняла его. Вас я прошу быть посаженной матерью. *C'est comme sa gu'on dit?*

– *Enchante!* – заявила баронесса и бросилась целовать Зинаиду Павловну.

– Поздравляю, князь, не долго повдовели, быстро нашли достойный вас бриллиант! – обратилась она к князю с худо скрываемым сарказмом. Она рассчитывала на него для одной из своих племянниц, которую нарочно выписала из Петербурга.

Князь молча поклонился.

Свадьбой поспешили, но все-таки справили ее с подобающей торжественностью.

Князь был мрачен.

Барон Фитингоф, бывший шафером у невесты, лукаво улыбался.

В общем все были довольны выдающимся для провинции праздником и до упаду танцевали на свадебном балу в губернаторском доме.

Рассчитывали, что в городе прибавится богатый дом, но расчеты эти оказались неосновательными.

Князь на другой же день после свадьбы увез свою молодую жену в деревню, где и поселился безвыездно, держа ее буквально взаперти, хотя и окружая всевозможной роскошью.

Он оказался странным ревнивцем.

Происходила ли эта ревность от самолюбия, или любви – об этом знал один князь.

Через семь месяцев после свадьбы княгиня Шестова благополучно разрешилась от бремени наследником титула и богатств князей Шестовых, князем Владимиром.

Компаньонка Зинаиды Павловны не была взята князем в деревню и перешла в дом князя Дмитрия Павловича, на место умершей няни, и стала ходить за детьми князя и заведывать его хозяйством.

Только за последнее время князь, удрученный старческими недугами, дал своей жене относительную свободу.

Мы видели, как она пользовалась ею.

Год рождения у князя сына почти совпал с годом освобождения крестьян от крепостной зависимости.

Ярый крепостник, князь не хотел этому верить и продолжал командовать над крестьянами по-прежнему. Много возни было княгине, чтобы заставить его подписать уставную грамоту.

Надо было действовать хитростью.

Свободная прислуга получала от княгини особое жалованье за перенесение побоев арапником, с которым не расставался князь.

Выдавались также единовременные вознаграждения и побитым временнообязанным.

Два мужика в деревне служили по найму. Их обязанностью было позволять себе сечь на конюшне за провинившегося перед помещиком.

Ревность к жене и сохранение во всей неприкосновенности помещичьей власти сделались двумя пунктами положительного помешательства год от году стареющего князя.

Гости тоже стали ездить в Шестового только за последние годы.

Прежде князь слыл далеко не гостеприимным хозяином.

XI Марго

В то лето, когда в усадьбу князей Шестовых ехал новый, приглашенный к князю Владимиру, учитель Николай Леопольдович Гиршфельд, княжна Маргарита Дмитриевна Шестова, племянница князя Александра Павловича, гостила, как нам известно со слов княгини, в усадьбе.

Последняя, сказав, что Марго была красавица в полном смысле этого слова, ни мало не преувеличивала.

Высокая, стройная княжна, несмотря на крайне простой и всегда весьма недорогой костюм, поражала с первого взгляда своим врожденным изяществом.

Изящество это было именно врожденное, от которого княжна старалась, но часто весьма неискусно, отделаться, считая его аристократизмом, проявление которого она ненавидела, как ей, по крайней мере, казалось, от всей глубины своей души.

Черные как смоль волосы с синеватым отливом, цвета вороньего крыла, всегда с небрежно сколотой на затылке роскошной косой, оттеняли матовую белизну ее лица с правильными, но нерусскими чертами, лучшим украшением которого были большие, выразительные, по меткому определению одного заезжего в Т. генерала агатовые глаза, смотревшие смело, бойко и прямо при обыкновенном настроении их владелицы.

В минуты же какого-нибудь расстройств, потрясения, или глубокой задумчивости, глаза эти направлялись на одну точку и приобретая вид стеклянных, делались страшными. В минуты же раздражения в них быстро мелькал какой-то зеленый огонек.

– Сверкнет глазами, как змееныш! – говаривала еще в детстве про нее старая нянька.

Лучшего определения нельзя было и подобрать для безумно дикого блеска глаз княжны Маргариты Дмитриевны в минуты раздражения.

Верность основного правила народной физиономистики, что глаза есть зеркало души, находила себе полное подтверждение в применении к ней.

Как изменчиво было выражение этих глаз, как резки были в них переходы от выражения к выражению, так непостоянен и порывист до резкости был характер старшей племянницы князя Александра Павловича.

Княжна Маргарита была вообще странная девушка.

Ее взгляды, ее мнения, весь склад ее характера носили отпечаток чего-то неустановившегося, несмотря на сравнительно зрелый ее возраст, в ней было что-то ребяческое.

Она, как молодое вино, еще все бродила.

Казалось, она искала чего-то, к чему-то стремилась.

Но чего она ищет, к чему стремится, она сама едва ли могла дать себе отчет, или, лучше сказать, она боялась признаться даже самой себе в истинной цели своих стремлений.

Цель эта была – исканье во что бы то ни стало превосходства над другими, блеска, владычества.

С одной стороны она сознавала всю неприглядность, всю мелочность, всю суету такой неутолимой тщеславной жажды, стараясь не признаваться в ней даже самой себе, объясняя свои поступки, для которых эта жажда была единственным рычагом, иными, более благовидными и даже высокими мотивами, как желание учиться, любовь к ближним и тому подобное, а между тем, с другой, чувствовала, что эта жажда растет, настойчивее и настойчивее требует своего удовлетворения, и «годы», выражаясь словами поэта, «проходят, все лучшие годы».

Все средства испробованы, а цель остается такой же далекой, как и в начале.

Этот-то разлад с самой собой, эта-то неудовлетворенность и сделали то, что княжна Маргарита Дмитриевна казалась для окружающих ее загадочной натурой, странной девушкой.

Мнения о ней, среди встречавшихся с нею людей, были весьма различны, смотря по тому, в какой фазис ее жизни и деятельности они встретили ее, а этих фазисов было много, и они тоже были весьма и весьма различны.

Князь Александр Павлович со свойственной ему резкостью называл ее «искательницей приключений» и вообще недолголюбивал, объясняя даже привязанность к ней княгини русской пословицей «рыбак рыбака видит издалека». Княжна Маргарита платила дяде за антипатию антипатией, хотя, проводя лето в усадьбе, старалась всячески угодить ему и даже умеряла при нем резкость манер, особенно шокировавшую старого аристократа.

Но это «лебезенье», как окрестил князь ухаживанье за ним племянницы, не примиряло с ней князя.

XII

Княжна Лида

Любимицей Александр Павловича была младшая его племянница, Лида. Ей уже исполнилось шестнадцать лет.

Княжна Лидия была и по наружности, и по характеру полною противоположностью своей старшей сестры.

Совершенная блондинка, с золотисто-льняным цветом роскошных волос, с миниатюрной, но изящной фигуркой, прелестным личиком прозрачной белизны и нежным румянцем, с ангельским, каким-то не от мира сего выражением, она была бесконечно доброй девушкой, обожающей своего старого отца и довольной своим положением, находясь за последние годы безотлучно при нем, так как он уже несколько лет не сходил с кресла на колесах, и ведя все домашнее хозяйство.

В этом отношении она была искусницей, и весь дом буквально лежал на ней, так как Анна Ивановна (бывшая компаньонка-чиновница Зинаиды Павловны) умерла года за три до этого времени.

Заботы о больном отце и по хозяйству препятствовали княжне Лиде погостить в дядиной усадьбе со дня смерти Анны Ивановны.

Это очень огорчало Александра Павловича, изредка наезжавшего в город к брату и непременно чем-нибудь дарившего свою любимицу.

Об этих, иногда очень дорогих, подарках знала княжна Маргарита Дмитриевна, и это предпочтение ей «княжеской экономки и сиделки», как в минуты раздражения называла она свою сестру, глубоко уязвляло ее бесконечное самолюбие. Подачки княгини Зинаиды Павловны не могли в этом случае не только удовлетворить, но даже мало-мальски утешить ее.

Отношения ее к старику-отцу были более чем хладнокровные.

Это происходило от того, что младшая, Лида, потерявшая мать в момент рождения, естественно вызывала более забот о себе и более нежности к себе со стороны овдовевшего князя Дмитрия Павловича, безумно любившего так безвременно утраченную им жену.

Лида, похожая на него, была в его уме лучшим доказательством того, что покойница любила его – так, по крайней мере, казалось неутешному вдовцу. Маргарита же, похожая на мать, вызывала в нем горькое воспоминание об утрате.

Быть может это было не логично, но это было так.

Княжна Маргарита еще ребенком чувствовала, что отец любит ее менее сестры, и из самолюбия сама отдалялась от него, не жалуя, конечно, и свою маленькую соперницу.

С летами индифферентизм к отцу и неприязнь к сестре увеличились, но к последней она старалась относиться с покровительственной нежностью.

Восторженная Лида платила своей красавице сестре, как она ее называла, чуть не поклонением.

Она и не подозревала в невинности своей души, что можно было говорить одно, а чувствовать другое.

В ее глазах красавица Марго была лучше, умнее и ученее всех.

Еще в местном пансионе, где учились обе сестры, конечно, в разных классах, ее сестра была лучшей ученицей.

По выходе же из этого пансиона, княжна Маргарита Дмитриевна засела за книги – пополнять недостатки, по ее мнению, пансионского образования, а затем укатила в Москву и Петербург, где была на каких-то высших курсах.

В родительский дом возвращалась она не надолго, часто лишь по пути в Шестово, окруженная для Лиды ореолом высшей учености и ума.

Лида же с детской радостью встретила желанный день окончания пансионской премудрости и отдалась всецело попечениям о больном отце и хозяйстве.

Где только не побывала, чему только не училась и чем только не занималась за четыре года, прошедшие со дня окончания пансионского курса, княжна Маргарита Дмитриевна.

В этой погоне за знанием, в этом искании женского самостоятельного труда были, как и в остальных ее поступках та же порывистость, то же непостоянство.

Видно было, что ни знание, ни труд не удовлетворяли ее сами по себе, что она видела в них лишь средства к какой-то другой намеченной ею цели, но увы, эта цель этими средствами не достигалась, и несчастная княжна, как шальная, металась из стороны в сторону.

XIII В Шестове

Тридцатипятиверстное расстояние от станции железной дороги до усадьбы князей Шестовых, сплошь по шоссе, в покойном экипаже и на отличных лошадях Николай Леопольдович проехал почти незаметно, углубленный в свои мысли.

Мысли эти были довольно тревожны.

Предстояла встреча с мужем княгини, который был нарисован последней далеко не в привлекательных красках.

Надо суметь ему понравиться, отвести ему глаза, не выказывая своим поведением и недовольства княгини.

Положение было из затруднительных.

Русский народ очень метко определяет его пословицей: «не довернешься – бьют и перевернешься – бьют».

Образ красавицы княжны, с которой ему придется провести целое лето под одной кровлею, тоже против его воли приходил ему на память, создавался в его воображении по рассказам княгини, в пленительных красках.

Николай Леопольдович, несмотря на высказанные им по этому поводу Зинаиде Павловне взгляды, был очень падок до красивых женщин, называя их «лакомыми кусочками».

С этой стороны, значит, тоже представлялась опасность рассердить княгиню и впасть в немилость.

В результате, весь задуманный план мог расстроиться.

Было о чем подумать, чтобы все предусмотреть и выйти из этого затруднения, выражаясь языком древних спартанцев – «со щитом, а не на щите».

Погруженный в эти размышления, он очнулся лишь тогда, когда экипаж завернул в ворота господского дома и покатил по липовой аллее.

Гиршфельд посмотрел на часы. Было четверть второго. Экипаж подкатил к крыльцу, на которое выскочил лакей и помог приезжему выйти из коляски.

– Пожалуйста в приготовленные для вас комнаты! – почтительно заявил он. Николай Леопольдович последовал за ним.

Лакей по входе в парадное крыльцо, повернул направо и спустившись на несколько ступеней вниз, ввел его в светлый коридор с окнами с правой стороны, кончавшийся вдали стеклянной дверью, ведущей в сад; с левой стороны было двое дверей, первые они прошли.

– Апартаменты молодого князя, – зачем-то счел нужным доложить лакей, указывая на них.

Перед Николаем Леопольдовичем он распахнул вторые двери. Приготовленное для него помещение состояло из двух комнат, с маленькою передней, весьма обширных, прекрасна отделанных и меблированных. Первая видимо предназначалась для кабинета и классной, так как в одном углу стоял школьный пюпитр и шкаф с книгами, по стенам была развешены географические карты и учебные картины, а вторая – для спальни. Там стояли: прекрасная, пышная кровать, мраморный умывальник, туалетный столик с зеркалом и всеми туалетными принадлежностями. Окна обеих комнат выходили в сад. Такая роскошная обстановка его будущего жилища была для Николая Леопольдовича приятною неожиданностью.

Следом за вошедшими, другой человек внес чемодан приезжего.

– Ты, Петр, будешь служить барину, – обратился к вошедшему первый лакей, и направился к двери.

– Слушаю-с! – осклабившись отвечал Петр и бросился помогать раздеваться Николаю Леопольдовичу.

Петр был расторопный, молодой парень, с добродушным лицом, но хитрым выражением бегающих глаз.

Быстро распаковал он, по приказанию Гиршфельда, чемодан, уложил белье и платье по местам, и все было уже прибрано, а самый чемодан вдвинут под кровать, когда Николай Леопольдович окончил умываться.

Едва он успел с помощью Петра одеться, как вошел первый лакей.

– Его сиятельство, князь Александр Павлович просит вас на террасу.

– Сейчас! – ответил он, осматривая последний раз себя в зеркало.

«Пронеси, Господи!» – подумал он про себя и последовал за лакеем.

Тот распахнул ему дверь, ведущую в сад, и указал рукой налево:

– Пожалуйста!

Гиршфельд очутился перед лестницей, ведущей на верхнюю террасу... Твердою поступью стал он подниматься по ней... Сердце его, впрочем, сильно билось.

– Добро пожаловать! – раздался старческий голос князя, вставшего со стула, на котором он сидел у ломберного стола, следя за игрой четырех посторонних лиц, поднявших при словах князя от карт свои головы, мельком взглянувших на вошедшего и снова углубившихся в игру.

В руках князя был не покидавший его арапник.

Ломберный стол стоял в глубине террасы влево; вправо, ближе к балюстраде, было несколько железных садовых столов, стульев и кресел. На одном из них сидела с книжкою в руках и княжна Маргарита, положившая при появлении Гиршфельда книжку на колени и устремившая на него в упор взгляд своих больших глаз.

У ее ног, сидя на скамейке, играл с огромным догом пепельного цвета худенький, тщедушный, черномазенький мальчик, одетый, как и старый князь, в чесунчовую пару. Это и был будущий ученик Гиршфельда, князь Владимир.

Гиршфельд сделал общий поклон и подошел к князю, который подал ему руку.

– Кандидат прав, Николай Леопольдович Гиршфельд.

– Очень приятно, очень приятно, – повторил князь, – прошу любить и жаловать... Володя! – обратился к сыну князь.

Тот встал с пола и подошел.

– Вот и ваш ученик, держите его поостроже, способен, но ленив, маменькин сынок, баловень.

– Надеюсь, мы не будем лениться, вместе будем работать, вместе гулять, – пожал Гиршфельд худенькую ручку князя Владимира.

– А вот имею честь представить княжна Маргарита Дмитриевна, моя племянница, это уже не кандидат, а магистр, или даже, пожалуй, доктор всех наук, с ней держите ухо востро, всю премудрость наших дней изучила и все еще находит недостаточным, – ядовито заметил князь.

Николай Леопольдович почтительно поклонился и мельком взглянул на лежащую на коленях княжны книгу – это была «Логика» Милля, с примечаниями Чернышевского.

Княжна бросила чуть заметный враждебный взгляд в сторону князя, подала руку Николаю Леопольдовичу и крепко, по-мужски, пожала его руку.

Князь, со своей стороны, покосился на это пожатие.

Княжна снова углубилась в чтение.

«Как хороша!» – мысленно сказал себе Николай Леопольдович и подавил в себе вырвавшийся безотчетный вздох.

– Однако, соловья баснями не кормят. С дороги, чай, проголодались? Пойдемте завтракать; Володя, и ты.

Николай Леопольдович с Володей последовали за князем в столовую.

– Я, собственно говоря, в это время обедаю, а когда вы будете обедать, то я уже ужинаю, потому в восемь часов вместе с курами ложусь спать... За то встаю в пять часов утра, а иногда и раньше. В деревне так и следует, а вот моя любезная супруга... вы, кажется, с ней знакомы? – вопросительно взглянул князь на Николая Леопольдовича.

– Имел честь быть представленным ее сиятельству и даже несколько минут говорить с ней у Константина Николаевича Вознесенского, чьей рекомендации обязан я удовольствием беседовать теперь с вашим сиятельством.

Ответ, видимо, пришелся князю по вкусу.

– Так вот с ее сиятельство, – продолжал князь, делая ударение на титуле, – теперь, т. е. в два часа, только что изволит оканчивать свой утренний туалет, а потом пить свой утренний чай, понятно, что обед ее совпадает с моим ужином, а ужинает она тогда, когда я уже третий сон вижу.

Пройдя несколько роскошно меблированный комнат, они вошли в обширную столовую, где был сервирован для князя Александра Павловича обед, а для других обильный завтрак.

– Игроки наши и про еду забыли, – засмеялся Александр Павлович, ну, проголодаются, придут.

Николай Леопольдович тоже, на самом деле проголодавшись с дороги, с удовольствием принялся за завтрак.

Княжна появилась вскоре в столовую и села против него.

Немного спустя, появились один за другим и игравшие на террасе гости. Князь поочередно представил им прибывшего.

Один из них был местный земский врач Август Карлович Голь, тучный блондин с красноватым носом, красноречиво говорившим о том, что обладатель его не любил выпить. Он был постоянным врачом самого князя, которому, и то за последний год, приписывал лишь один опиум, без приема нескольких капель которого князь не мог заснуть.

Ежемесячно он посещал Шестово, так как в селе был врачебный пункт, и гостил дня три, четыре, проводя, впрочем, все время за карточным столом в княжеской усадьбе.

С больными же крестьянами орудовал приезжавший с ним фельдшер. Особенное свойство Августа Карловича было то, что он часто допивался до красной собаки и это было уже высшим пунктом его опьянения.

– Вертится, подлая, у меня под ногами, лягу – на грудь лезет, руки лижет, просто беда, не отгонишь! – рассказывал он про это виденье.

Второй был судебный следователь, Сергей Павлович Карамышев, имевший резиденцию в отстоящем верстах в сорока от Шестова торговом селе. Он был уже старик, лет пятидесяти, с выбритыми усами и подбородком и небольшими седыми министерскими баками. Следователем он служил уже давно, еще по наказу и остался вместе с очень немногими по введении судебной реформы, которой, кстати сказать, был очень недоволен и вел постоянную войну с прокурорским надзором, окружным судом и судебною палатою, что, впрочем, в виду того, что он был утвержденным следователем, благополучно сходило ему с рук. Оригинал он был страшный и летом переносил свою канцелярию из занимаемого им помещения в приобретенную им лагерную палатку на берег реки, заставляя своих двух рассыльных поочередно сторожить дела, а сам на несколько дней отлучался в Шестово перекинуться в картишки, до которых он был страшный охотник. Дома принимала пакеты и вела книги его жена, в экстренных случаях присылавшая за мужем. У ней же хранились, подписанные им на всякий случай бланки, в которые она вписывала тексты ответных бумаг, из обыденных. В деле исправления должности следователя ей помогала и старшая дочь Леночка, угриватая девица лет двадцати трех. Кроме Леночки, у Карамышева было двое сыновей, они учились в Т-ской гимназии, на вакациях же предавались полной свободе.

Остальные двое были соседние помещики из небогатых: Василий Васильевич Бурбанов и Владимир Павлович Кругликов. Они оба, но их откровенному признанию, отдыхали в Шестове от семейного содома... Их обоих Бог наградил многочисленным потомством обо-его пола. Владимир Павлович был, кроме того, страстным охотником и, как следует быть, вдохновенным лжецом.

Князь Александр Павлович всегда с особенной серьезностью, выслушивал его рассказы и тем придавал ему еще более духу.

О нем, между прочим, ходил следующий анекдот: однажды в Шестове он рассказывал о том, как раз он ехал где-то в Северо-Западном крае по местности, отличающейся обилием волков.

– Еду это я, – повествовал Владимир Павлович, – вдруг двадцать волков...

– И вы не боялись? – с участием спросил Александр Павлович.

– Нет, со мной был револьвер... – спокойно ответил тот.

Окружающие расхохотались.

Владимир Павлович обиделся.

Гости, после взаимного пожатия рук с Николаем Леопольдовичем, уселись за стол и принялись истреблять приготовленные яства.

XIV Успех

– Ее сиятельство, княгиня Зинаида Павловна просит Николая Леопольдовича пожаловать к ней кушать чай! – доложил вошедший лакей.

Гости переглянулись с улыбкой.

Князь Александр Павлович нахмурился.

Николай Леопольдович, сидевший рядом с Володей и уже дружески болтавший с ним, заметил произведенное докладом лакея впечатление, и громко проговорил, обращаясь к мальчику:

– Пойдемте вместе к мамаше, чтобы она могла видеть, что мы не только познакомились с вами, но и подружились.

Князь Владимир удивленно посмотрел на своего учителя, но последовал за ним.

Лицо князя просияло.

Гости уткнулись в тарелки.

Княжна Маргарита проводила Николая Леопольдовича долгим взглядом.

– Прекрасно воспитанный молодой человек, – заметил авторитетно князь, когда сын с учителем вышли. – Студент, а какая выдержка; кажется, даже из жидков, а какие манеры...

Княгиня, только что спустившаяся сверху, где да антресолях находились ее апартаменты, пила, по обыкновению, чай в угловой голубой гостиной. Чай был сервирован роскошно: серебряный самовар, такие же поднос, чайник, сахарница, полоскательная чашка и японский сервиз красиво выделялись на белоснежной скатерти. Сама княгиня в белом, шитом утреннем платье полулежала на кушетке с папиросой в руке. Недопитая чашка стояла на столе.

Атмосфера комнаты насыщена смесью запахов духов и марианду.

Увидя Николая Леопольдовича вместе с сыном, княгиня бросила на последнего удивленный взгляд но, заметив особенно серьезное выражение лица Гиршфельда, быстро сообщила, что верно так нужно, и приветливо поздоровалась с ним.

Володя бросился здороваться с матерью.

– Как доехали?

– Прекрасно, ваше сиятельство, экипаж так покоен, лошади превосходные и я не заметил, как очутился в этом земном раю, как, по справедливости, можно назвать вашу усадьбу.

– Познакомились? – кивнула она в сторону сына, глядя его по голове.

– Даже подружились.

– Занятия начнете, конечно, завтра, сегодня вам надо отдохнуть с дороги.

– Как прикажете.

– Не хотите ли чаю?

– Мерсі, я только что позавтракал, – отказался он и встал.

– До свиданья, за обедом! – проговорила она, подавая ему руку.

Тот почтительно пожал ее и, взяв за руку Володю, направился снова в столовую.

– Явились? – весело встретил его князь, кончивший свой обед.

– Имея честь представиться и получить разрешение начать занятия завтра...

– Ну, конечно, завтра, куда же сегодня... прямо с дороги... А вот, если не устали, пройдитесь со мной, стариком, я покажу вам дом, сад, оранжереи, все хозяйство...

– С большим удовольствием, – согласился Николай Леопольдович.

Окончив обед, князь повел его в свой кабинет, взял фуражку, затем спустился с ним вниз, зашел к нему посмотреть как он устроился, и дать ему возможность взять шляпу. Заме-

тив неприбранную на полу веревку, распустил находившегося тут Петра, при чем ударил его для вразумления арапником.

– Нельзя не бить, такой уж народ! – сообщил при этом, как бы в объяснение, князь Николаю Леопольдовичу.

– Совершенно верно, – согласился тот, – распустить беда...

Около трех часов водил князь Гиршфельда по дому, саду, оранжереям, старому парку, заднему двору и псарне, подробно объясняя ему способ постройки дома, которую он производил сам, так как был архитектором-дилетантом, указывая на редкие растения, которые он выводил собственноручно, на породы и свойство псов и прочее.

Николай Леопольдович внимательно выслушивал своего чичероне, задавал вопросы, видимо всем искренно интересовался, не забывая со своей стороны делать замечания и давать объяснения сопровождавшему их Володе.

Князь к концу прогулки был совершенно очарован новым учителем.

Незадолго до обеда он отпустил его с сыном купаться, а сам отправился к княгине, которой и выразил свое удовольствие по поводу выбора ею репетитора.

– Я и не выбирала, Константин Николаевич рекомендовал... – небрежно кивнула она, но в душе была очень довольна.

XV

Наедине с собою

После обеда, за которым князь всячески старался выказать свое внимание новому учителю, приказывая подавать ему по несколько раз кушанья и наливать лучшее вино, он предложил ему прекрасную сигару и обняв за талию, отправился с ним на террасу подышать, как он выразился, перед сном воздухом.

Гости наперерыв старались поддержать разговор с о свежеиспеченным княжеским любимцем.

Княгиня, храня недоступный вид, чуть заметно лукаво улыбалась.

Княжна продолжала бросать на учителя загадочные взгляды.

Наконец, князь простился и отправился на боковую.

Княгиня села с Голем, Гурбановым, Крутиковым за партию ералаша, любезно заменив Карамышева, за которым прислали нарочного по «экстренному» делу.

– Что там такое? – кричал он на дворе, садясь в таратайку.

– Убивство! – невозмутимо отвечал посланный.

– Вот, подлецы, не вовремя! Как ко мне карта шла! С утра как карта шла! – восклицал жрец Фемиды, ни к кому в особенности не обращаясь.

Таратайка укатила, нарочный плелся за ней легкой рысцой.

Николай Леопольдович присел было к княжне, но увидел устремленный на него ревнивый взгляд Зинаиды Павловны, перекинулся с Маргаритой Дмитриевной несколькими незначительными фразами, взял Володю и отправился в сад.

Княжна принялась за чтение. Володя предложил Николаю Леопольдовичу удить рыбу.

Они отправились сперва в помещение молодого князя, которое было очень мило обставлено и также, как помещение Николая Леопольдовича, состояло из двух комнат и маленькой передней. Во второй комнате спал вместе с молодым князем его старый дядька Дементьевич, вырождающийся тип крепостного служаки.

Захватив последнего со всеми принадлежностями уженья, они втроем отправились через сад на реку.

Уженье было удачно, и они не заметили, как наступило время вечернего чая.

Возвращаясь домой, они застали уже все общество за чаем, на передней террасе.

Володя начал с восторгом рассказывать матери и кузине об удачном ужении.

– А вы охотник? – спросила Николая Леопольдовича княжна.

– Да, я люблю охоту, когда в результате хорошая добыча.

– О, да вы человек практический... несмотря на свою молодость.

– Разве молодость – время бесцельного труда?

– Я этого не говорю... – смешалась княжна и покраснела.

– Время молодости – время идеалов! – заметила со вздохом княгиня.

– Идеалы надо заработать; приближение к ним, не говорю осуществление, доступно лишь практикам, – авторитетно заметил Николай Леопольдович.

– Какие же, по-вашему, жизненные идеалы? – спросил Август Карлович.

– Богатство, комфорт, слава, власть.

– Вы отрицаете поэзию жизни?

– Поэзию мечты – да, но поэзию действительности, которая состоит в достижении названных мною идеалов – нет.

– Вы, значит, все-таки материалист?

– Я не гонюсь за прозвищами – я работник.

Княжна вся превратилась в слух, и глаза ее сделались стеклянными.

- Что с тобою, Марго? – окликнула ее княгиня.
 - Ничего, *ma tante*, я задумалась! – вздрогнула княжна.
 - О богатстве, комфорте, славе? – пошутил Голь.
 - Вы угадали, – бросила ему княжна, в ее глазах блеснул зеленый огонек.
- Николай Леопольдович внимательно посмотрел на Маргариту Дмитриевну.

– Если вы захотите заняться чтением, то наша библиотека к вашим услугам; мы получаем все новые журналы и книги... – переменяла разговор княгиня, обращаясь к Гиршфельду.

- Благодаря вас за позволение и не премину сегодня же им воспользоваться.
- Чаепитие кончилось. Княгиня встала из-за стола, сказав Николаю Леопольдовичу:
- Мы ужинаем в час, если вам это покажется поздно, то прикажите подать себе ранее.
 - Нет, я не привык ложиться рано.
 - Марго, пойдемте ко мне, – позвала она княжну, и обе удалились.
 - А мы не засядем в преферансик? – предложил Август Карлович. – Вы играете? – обратился он к Гиршфельду.

- Ни в какую игру, кроме стуколки, и то потому, что она скорее... – отвечал тот.
 - И ближе к цели, или пан, или пропал! – заметил доктор.
 - Пожалуй и оттого... – согласился Гиршфельд.
 - Так мы втроем? – обратился доктор к помещикам.
 - Отчего же не перекинуться до ужина, – согласились те.
- Все трое отправились на террасу.

Николай Леопольдович, в сопровождении Володи, прошел в библиотеку и, взяв последнюю книгу «Русского Вестника», проводил своего ученика, уже простившегося после чая с матерью, до его комнаты, передал его с рук на руки Дементьевичу и, пожелав обоим покойной ночи, отправился к себе.

Он застал Петра, дежурившего в его комнатах.

- Вы мне не нужны, – объявил он ему, когда тот зажег свечи на письменном столе, – можете идти, до ужина я буду читать.
- Слушаю-с, – радостно ответил Петр, очень довольный предстоящей трехчасовой свободой и быстро исчез из комнаты.

Николай Леопольдович раскрыл было книгу и принялся за чтение, но ему было не до него; он бросил книгу на стол и перешел на кресло, стоявшее у открытого окна.

Устроившись попокойнее, он стал бессознательно глядеть в окутывающийся уже июньскими сумерками тенистый сад.

Образ княжны упорно носился у него перед глазами.

Ее обольстительная, чисто плотская красота волновала ему кровь, в виски стучало. Он заметил произведенное им на нее впечатление, особенно коща он высказал свой взгляд на идеалы – он видел, что она всецело согласилась с ним, он ее понял. Слабая струна души ее была так быстро и так неожиданно найдена, надо только суметь сыграть на ней и княжна его.

Она бедна, жениться на ней, при его настоящем положении, было бы безумием, но обладать ею, сделать ее своею помощницею, своею союзницею... Княгиня, думал он далее, уже начала следить за ним ревнивыми глазами, она мешает ему, надо вразумить ее, с ней он справится, он заставит ее смотреть на все его глазами! Она влюблена и не захочет потерять его; но когда удастся ему на досуге переговорить с ней?

– Днем следит князь, вечером гости, при ней всегда княжна – это ужасно! Но княжна... княжна... она должна быть моею! – вслух проговорил Николай Леопольдович и сам испугался произнесенной им фразы.

К усугублению этого испуга, по коридору раздались легкие шаги, кто-то как будто крался. Он стал прислушиваться. Шаги остановились у его дверей, кто-то дотронулся до ручки двери, она тихо отворилась.

Николай Леопольдович вскочил.

XVI

Наперсница

В комнату впорхнула миловидная, изящно одетая в палевое летнее платье, сшитое по моде, пикантная брюнеточка.

Черные как смоль, гладко причесанные волосы оттеняли свежее молодое личико с вздернутым носиком и хитрыми блестящими, веселенькими глазками.

На вид ей было лет девятнадцать. Затянутая в корсет фигурка, и обутая в прюнелевый башмачок маленькая ножка придавали ей вид барышни, исполняющей роль горничной на любительской спектакле.

– Записка от княгини! – лукаво проговорила вошедшая, подавая Николаю Леопольдовичу изящный конвертик.

Это была камеристка княгини Зинаиды Павловны, Стеша, любимица и наперсница своей барыни, вывезенная ею из Москвы года два, три тому назад.

Александр Павлович не любил ее, называл егозой и обвинял в любовных шашнях со всеми лакеями.

Николай Леопольдович вертел в руках полученное письмо.

Это был маленький конвертик без надписи, с тисненый княжеским гербом.

Развернув его, он вынул маленький листок почтовой бумажки с таким же гербом и прочел следующее:

*«Подательница этого письма преданная тебе и мне девушка.
Постарайся сегодня после ужина удалить твоего лакея, она проведет тебя
ко мне наверх.
Твоя З.»*

Он кончил чтение и поглядел на Стешу.

Та стояла, опустил глазки, с невинным видом перебирая черный с оборкой фартушек.

– Ответ будет-с?

– Не торопитесь, душечка, какая вы скорая!

Стеша улыбнулась и вскинула на него глазками.

Он вынул из бокового кармана пиджака бумажник, бережно уложил в одно из его отделений письмо княгини, вместе с конвертом, а из другого отделения вынул пять рублей.

– Княгиня пишет, что вы преданная девушка, а преданность должна вознаграждаться, возьмите это себе на ленты... – подал он Стеше пятирублевку.

– Зачем, к чему вы беспокоитесь, я ее сиятельством и так довольна, – отнекивалась она.

– Говорю вам, возьмите... – настойчиво повторил он, вкладывая в ее руку бумажку и пододвигаясь к ней ближе, та торопливо отодвинулась.

– Благодарю вас, не надо бы совсем... и я так... – бормотала она, пряча бумажку в карман.

– Э, да вы недотрога-царевна! – пододвинулся он к ней снова.

– Какой же ответ-с? – снова попятилась Стеша.

Николай Леопольдович взял ее за талию. Стеша вырвалась.

– Оставьте, не шалите, разве можно?

– Отчего же нельзя? И зачем вы, такая хорошенькая, ходите по чужим поручениям?

– Как же, ее сиятельство... Что же прикажете ответить? – снова забормотала она, очевидно не поняв вопроса.

– Ее сиятельству скажите, что хорошо. В в другой раз милости просим ко мне и без поручений. Поняли?

Стеша сверкнула на него плутовскими глазками. Он схватил ее в охапку и поцеловал. – Ай! – взвизгнула она и, выскользнув как змейка из его объятий, убежала.

«Не уйдет! – подумал он, затворяя дверь. – А ее сиятельство – молодец! Быстро обо всем озаботилась. Надо будет переговорить с ней обо всем серьезно».

Он уселся за книгу и читал вплоть до ужина.

К ужину княжна не вышла, княгиня вопросительно посматривала на Николая Леопольдовича.

Тот ответил ей полуулыбкой.

Поужинали довольно быстро и почти молча, так как княгиня не поддерживала разговор, а игроки спешили к недоконченной пулке.

Вскоре все встали из-за стола и разошлись, пожелав княгине покойной ночи.

Княгиня отправилась к себе.

Николай Леопольдович спустился вниз, где застал Петра.

– Ступай спать, я разденусь сам, – сказал он ему.

Петр ушел и он запер за ним дверь; когда в коридоре затихли его шаги, он снова отпер дверь и стал ждать.

Прошло не более получаса, в коридоре послышались крадущиеся шаги, дверь отворилась и на пороге появилась с маленьким потайным фонарем в руках Стеша.

– Идите! – недовольным голосом сказала она.

Гиршфельд потушил свет, запер дверь снаружи, положил ключ в карман и последовал за своей путеводительницей.

Они поднялись на парадную лестницу, прошли обширную переднюю, громадную залу, вступили в коридор и очутились перед лестницей, ведущей на антресоли.

Коридор и лестница были устланы мягкими коврами, так что шагов не было слышно, но Николай Леопольдович все продолжал с осторожностью ступать по полу, из головы у него не выходил стих Пушкина:

Трепещет, если пол под ним
Чуть заскрипит.

Ему стыдно было сознаться, что он трусил, но он трусил. Поднявшись на лестницу, он очутился в небольшой комнате с двумя дверями.

Одна дверь, противоположная входу, была задрапирована какой-то персидской материей.

Стеша подняла портьеру и отперла дверь.

– Пожалуйте! – произнесла она и быстро скрылась в не задрапированную дверь направо.

Он перешагнул порог и портьера опустилась.

Он очутился в темноте и стал положительно в тупик. Только через несколько минут он сообразил, что стоит перед второй портьерой, откинул ее и вошел в будуар Зинаиды Павловны.

В то же самое время между портьерами появилась Стеша, вышедшая из маленькой двери в стене, заперла дверь на ключ и скрылась в ту же дверь.

Какое-то странное чувство охватило Николая Леопольдовича.

Панический страх обуял его.

Нелепая мысль о возможности западни мелькнула в его голове.

Ему чудились сзади мелкие шажки князя.

Господствующий в будуаре странный полумрак усиливал впечатление.

XVII

В будуаре

Будуар княгини Шестовой резко дисгармонировал с обстановкой остальных княжеских апартаментов, убранных хотя и роскошно, но с тою неуловимой аристократической сдержанностью, при которой самая безумная роскошь не представляет из себя ничего кричащего, ничего бросающегося в глаза.

Помещение же княгини, напротив, страдало всеми этими недостатками и напоминало собою будуар модной кокетки высшего полета.

Громадный пунцовый фонарь на золоченых цепочках спускался с разукрашенного причудливыми гипсовыми барельефами потолка и полусвещал обширную комнату, сплошь затянутую пунцовой шелковой материей и устланную такого же цвета пушистым ковром.

Во весь громадный простенок между двумя окнами, с тяжелыми, как и на дверях, портьерами, вделано было в стену от пола до потолка громадное зеркало.

Масса самой разнообразной и оригинальной мебели, этажерок со всевозможными безделушками и objets d'art, совершенно загромождали комнату, придавая ей вид скорее магазина, bric a brac, чем жилого помещения.

С левой стороны находилась громадная арка с приподнятой на толстых шнурах портьерой, открывавшей вид в следующую комнату-альков, всю обитую белой шелковой материей. В глубине ее виднелась пышная кровать, а справа роскошный туалет, с большим овальным зеркалом в рамке из слоновой кости. Альков освещался молочного цвета фонарем, спускавшимся из центра искусно задрапированного белоснежным шатром потолка. Пол был устлан белым ангорским ковром.

Зинаида Павловна, в капоте из легкой шелковой материи цвета крем, полулежала на кушетке, с папиросой в руках.

Озаренная царившим в будуаре каким-то фантастическим полусветом, она была более чем эффектна.

Увидав вошедшего Николая Леопольдовича, она сделала радостное движение.

Он подошел к ней и с чувством поцеловал ее руку.

– Наконец ты здесь и мы одни! – томно сказала она, целуя крепко его в лоб.

– Садись... – подвинулась она на кушетке. Он сел.

– Ты уверена в Стеше? – тревожно спросил он.

– Как в самой себе. А я тобой недовольна и выдеру тебя больно за ушко... – шутя начал она, нежно взяв его за ушко.

– Можно спросить, чем?

– Вы с первого дня стали заглядываться на княжну.

Он сделался серьезен.

– Ты это, конечно, шутишь, а вот я так серьезно недоволен тобой и даже перед появлением ко мне Стеша с письмом думал о том, когда мне удастся тебе это высказать.

– А ты думал, что я не позабочусь устроить наши свидания?

– Не думал, что это будет так скоро.

– Чем же это ты недоволен мной?

– А тем, что ты слишком выдаешь себя, так странно глядишь на меня, когда я подойду и заговорю с княжной. Это так легко заметить. Заметит она, заметят гости, заметит, наконец, сам князь. Я не хочу подвергаться скандалам, бывшим с прежними учителями. Подобная перспектива мне далеко не привлекательна.

– А если я не могу удержаться! Если я боюсь за тебя, боюсь, что ты увлечешься. Княжна, видимо, обратила на тебя свое внимание. Не далее как сегодня, после чаю, она здесь мне призналась, что ты ей очень нравишься, что ты, видимо, умный, недюжинный человек.

Он чуть не припрыгнул от радости, услышав это, но вовремя сдержался и небрежным тоном произнес:

– Пусть так, но какое дело до всего этого мне и тебе?

– Как какое дело? – уставилась она на него.

– Именно какое дело? – продолжал он. Если ты думаешь, что в наших отношениях не играет роль с моей стороны никакое чувство, если ты полагаешь, что мизерною подачкою в Москву ты купила меня, то поздравляю тебя с такою победою, а себя с таким твоим лестным мнением о моей особе.

– Что ты говоришь! Замолчи!

– Ничего особенного. Я делаю только вывод из твоих собственных слов и из твоих опасений.

– Ничего не понимаю! Женщина любит его, а его это оскорбляет.

– Остается только пожалеть, что не понимаешь. Всякая любовь должна соединяться с уважением. Ревность же к первой, встретившейся на пути любимого человека смазливой девчонки доказывает неуважение к нему. Как же ты решаешься посылать за мною Стешу? Почему не ревновать и к ней?

– Но княжна – красавица, а Стеша... горничная.

– Это не мешает ей быть очень хорошенькой. По-моему, она даже лучше твоей ломающейся княжны. Ты, кажется, поторопилась записывать ее в красавицы, или уже слишком снисходительна, как всякая красивая женщина.

– Так она тебе не нравится? – с довольной улыбкой спросила она.

– Ничуть! Самый вопрос мне кажется странным. Нравишься мне только ты, люблю я одну тебя.

Он припал губами к ее руке. Другой она играла его волосами.

– Я хотел лишь сделать из нее ширмы.

– Как же это.

– Очень просто. Я поставил себе задачей во что бы то ни стало понравиться твоему мужу.

– И достиг уже этого. Он от тебя в восторге. Сам приходил объявить мне об этом... – затараторила княгиня.

– Очень рад! Но князь умный человек. Он очень хорошо понимает, что я не принадлежу к юношам, бегающим от женщин. Две здешние красавицы – ты и, по-твоему, а, быть может, и по его мнению, княжна должны произвести на меня впечатление. Он непременно задаст себе вопрос: которая? Я хочу показать ему, что это княжна и буду усиленно ухаживать за ней при нем.

– Зачем это? – нахмурилась она.

– А затем, что в противном случае он догадается, что мой выбор пал на другую – на тебя. Дождаться этого я не желаю и лучше уйду, сославшись на первое полученное из Москвы письмо.

– Ты уедешь отсюда? Это невозможно! – вскрикнула она.

– Будь благоразумнее и этого не случится. Поверь мне, что княжна мне сама по себе совершенно не нужна. Она нужна мне, как средство. Я желаю заслужить полное доверие князя, сделаться даже в будущем его поверенным. Я только для тебя согласился быть учителем. С зимы я займусь адвокатурой. Как поверенный князя, я могу спокойно приезжать сюда по делам, даже гостить, мы будем видиться чаще. Я буду, кроме того, на страже интересов любимой женщины, т. е. твоих.

– Ты, в самом деле, умный! – задумчиво и наивно произнесла она.

– Любовь к тебе сделала меня таким. Мгновения, подобные настоящему, так хороши, что стоит позаботиться, чтобы они повторялись все чаще и не прекратились бы в один прекрасный день вследствие нашей опрометчивости.

Николай Леопольдович подвинулся ближе к княгине. Та продолжала играть его волосами и восторженно глядела на него.

– Ты меня не обманываешь?

– Ты меня оскорбляешь! – отшатнулся он от нее.

– Прости, – притянула она его к себе, – я не верю своему счастью.

– Это счастье также и мое.

– А если князю не понравятся твои ухаживания за княжной?

– Не беспокойся. Князь, я заметил, ее недолюбливает. Ухаживанье такого ничтожного человека, по его княжескому мнению, будет оскорбительно для княжны Шестовой и он будет этим очень доволен, даже поощрит. Вот увидишь.

– Пожалуй это так, – согласилась она, но я боюсь.

– Чего?

– Ты увлечешься.

– Есть чем.

– А вдруг?

– Ты опять за свое. Повторяю, что ты должна согласиться, так как это единственный исход в нашем положении, иначе, несмотря на мою страстную любовь к тебе, я не желаю подвергать тебя и себя неприятностям и лучше уеду от греха.

– Это невозможно!

– Ты сама этого хочешь!

– Я? Нет, тысячу раз нет. Делай что хочешь, поступай как знаешь, но только останься и скажи, что ты любишь меня.

– Люблю, люблю, люблю...

Она привлекла его к себе.

Через несколько времени Стеша прежним путем проводила Николая Леопольдовича до дверей его комнаты.

– С добрым утром! – усмехнулась она и убежала.

Он вошел к себе.

Сад, подернутый ранним утренним туманом, глядел в открытые окна.

Комната была полна утренней свежестью.

Заперев дверь, он быстро разделся, бросился в постель и вскоре заснул.

Ему снилась княжна Маргарита.

XVIII

Прошлое княжны

Княжна Маргарита Дмитриевна, сказав тетке, что Гиршфельд ей понравился, не сказала фразы, а, напротив, была далеко не вполне откровенна с ней по этому поводу.

Николай Леопольдович произвел на нее в действительности чрезвычайно сильное впечатление. С первого взгляда он ей показался симпатичным, поведение его за завтраком обнаружило в нем в ее глазах быструю находчивость и сообразительность, обвороченный новым учителем князь представился ей жертвою сатанинской хитрости последнего, но более всего поразил ее разговор его за вечерним чаем.

Убедившись по первым шагам его в новом для него доме, среди незнакомых ему совершенно людей, в его уме и такте, она, страдая слабостью к быстрым и, по ее мнению, непогрешимым выводам, сразу причислила его к людям выдающимся, далеко недюжинным.

Она не любила своего хитрого, не поддающегося ее подходам дядю, и то, что нашелся человек, которые перехитрил его, приводило ее в восторг.

Составив себе такое лестное о нем мнение, она вдруг услышала от него высказанную им смело, беззастенчиво и откровенно мысль о настоящем жизненном идеале, мысль с недавних пор появлявшуюся и у нее в уме, но которую она гнала от себя, боялась не только высказать ее, но даже сознаться в ней самой себе. Он же, этот недюжинный человек, высказывал ей прямо, открыто, как нечто вполне естественное, как свой всесторонне обдуманый жизненный принцип.

С подобным человеком она сталкивалась первый раз и это было весьма естественно, так как, вращаясь среди курсисток и студентов, она встречалась лишь с псевдолибералами конца шестидесятых и начала семидесятых годов, которые все свои даже эгоистические стремления умели искусив ярикрывать тогою «общего блага» и «общего дела».

Слова Гиршфельда чрезвычайно повлияли на впечатлительную княжну.

Расставшись с теткой, она отказалась от ужина, вышла в парк и спустилась к реке. Была тихая, светлая лунная ночь. Усевшись на одну из скамеек, устроенных на берегу, она стала пристально смотреть на гладкую водяную поверхность и задумалась.

В ушах ее звучал уверенный голос этого человека. Она чувствовала, что в нем есть то, чего недостает ей – сила и энергия.

Вид реки, этого прообраза человеческой жизни, несущей свои воды подобно пережитым годам, все вдаль и вдаль, невольно навевает мысли о прошлом.

То же произошло и с княжной: она стала анализировать себя, свое прошедшее.

Думы эти были не из веселых.

Рано лишившись матери, отдалившись, вследствие детской ревности, от отца, она ушла в самое себя и зажила сперва детским воображением, извращенным в добавок ранним чтением книг из библиотеки ее отца, предоставленной всецело в ее распоряжение и состоявшей в переводных и оригинальных французских романов, сочинений французских философов и тому подобной умственной пищи наших бар тридцатых годов.

В раннем детстве она соединяла в своих мечтах с носимым ею титулом княжны роскошную обстановку, жизнь в ряду веселых празднеств, чудный фимиам поклонений и все эти месяцы прелести высокого положения.

Скромная действительность, ее окружавшая, казалась ей лишь временным искусом, долженствующим прекратиться не нынче – завтра при появлении какого-нибудь маркиза, кавалера де-Мезон-Руж, или чего-нибудь в этом роде.

На одиннадцатом году она поступила в пансион.

Отец ее, князь Дмитрий Павлович, хотя был далеко не богат, почитался одним из первых лиц в городе по происхождению и не жалел денег на воспитание дочери.

Начальница пансиона носила вверенную ей княжну на руках, называла красоточкой, маленькой принцессой, распаляя этим еще более воображение девочки.

Княжна была до крайности самолюбива и из одного самолюбия шла всегда первой, тем более, что способности ее были из выдающихся, и первенство это доставалось ей без усиленного труда.

Похвалы в этом отношении не жили ее детский слух и западали в молодую душу, оставляя в ней зерна самомнения.

Дома, еще и до поступления в пансион, и во время пансионского курса (она, как потом и сестра, была приходящей), Анна Ивановна напевала ей в уши, что она красавица и при этом забавляла ее, по ее мнению, невинными рассказами о блеске, туалетах и роскошной жизни ее тетки Зинаиды Павловны за границей, еще до замужества.

Роскошная жизнь ее тетки и дяди в Шестове, где она бывала, тоже не осталась без влияния на впечатлительную детскую натуру, особенно при сравнении с небогатой жизнью в отцовском доме.

Подрастая и начиная сознавать всю неприглядную сторону бедности, препятствующей ей блистать и повелевать, она начала искать средств быть выдающейся и без денег.

Ее способности, о которых на разные лады восторженно пела начальница пансиона, казались ей средством для достижения власти, влияния, славы и богатства.

Это был конец шестидесятых годов. Вопрос о женском образовании, о женской самостоятельности, о женском труде был в полном своем развитии в литературе и прессе.

Самолюбивая княжна, жадно прислушиваясь к этому вопросу, жадно и без толку читала все, что писалось по этому поводу.

Место маркизов и кавалеров де-Мезон-Руж заступил заманчивый призрак женской самостоятельности, ореол передовой русской женщины.

За эту мысль княжна, по окончании пансионского курса, став в ряды невест-бесприданниц, так как расчетливый дядя, не любивший фантазерку-племянницу, видимо, не торопился прийти на помощь в устройстве ее судьбы, ухватилась, как утопающий за соломинку и, упросив отца высылать ей рублей пятьдесят в месяц, на что тот согласился, укатила сперва в Москву, а затем и в Петербург на курсы.

Добиться славы и имени передовой русской женщины княжне Маргарите Дмитриевне, конечно, скоро не предвиделось, а жизнь курсистки и студентки в столицах, среди заманчивых, бросающихся в глаза роскоши и блеска, на сравнительно скудные средства, несмотря на то, что кроме отца, помогала своей любимице и княгиня Зинаида Павловна, была далеко не по вкусу нетерпеливой Маргарите Дмитриевне.

Ее самолюбие страдало от массы жизненных уколов, да и самая помощь родных, или, как она выражалась, «подачка», глубоко оскорбляла ее, и она только из упрямства продолжала свои научные занятия, весьма часто их переменяя.

Слушала она и педагогические курсы, и акушерские, принималась заниматься и историей, и математикой, и естественными науками, но с ужасом чувствовала иногда, что к серьезному труду она неспособна, что единственный, благополучный для нее исход – это появление маркиза или кавалера де-Мезон-Руж, но таковых, ставших за это время более практичными, не являлось.

С негодованием старалась она отогнать эту мысль от себя, а та все назойливее и назойливее лезла ей в голову, поднимая желчь и расстраивая и без того расшатанные нервы.

Страстная же натура, она хотела жить, а жизнь не давала ей этой жизни.

В таком страшном состоянии душевной и телесной борьбы, дошедшей до своего апогея, выехала она со своим двоюродным братом из Москвы, куда приехала по вызову Зинаиды

Павловны, в Шестово, в то лето, когда в нем, в качестве учителя князя Владимира, должен был появиться Николай Леопольдович Гиршфельд.

Расстроенная, она даже не заехала в Т. к отцу, решив погостить у него несколько дней по возвращении из деревни.

Возвращавшаяся почти вслед за ней, княгиня рассказала ей, о найме ею нового учителя для сына, восторженно описав его яркими красками. Княжна недоверчиво улыбнулась.

Она не уважала тетку и не могла допустить и мысли, что они сойдутся во вкусах.

Напротив, похвалы княгини поселили в ней заранее предупреждение к имеющему при-
быть в усадьбу новому лицу.

«Какой-нибудь пошляк и вертопрах!» – подумала Маргарита Дмитриевна.

И вдруг является Гиршфельд и с первого дня знакомства приковывает к себе ее внимание, почти влюбляет ее в себя. Было над чем призадуматься.

«Надо рассмотреть его поближе и повнимательнее!» – решила Маргарита Дмитриевна, возвращаясь в свою комнату.

XIX

Рыба клюет

Дне шли за днями. На дворе стояло жаркое лето. Прошел июнь. Наступил июль с его зноями.

Со своим учеником, князем Владимиром, Николай Леопольдович почти не занимался.

На другой день после приезда, он было засадил его утром за книги, но в классную явился князь Александр Павлович.

– Учиться в такую жару, да Бог с вами, Николай Леопольдович, вы и себя измучаете, да и мальчишку моего совсем замучаете. Ребенку надо летом на зиму здоровьем набираться, на солнышке печься, мускулы беганьем развивать, а он его за книгу. Бросай, Володя, книжки под стол! Кати, брат, в сад, в поле!

Князь Владимир, хотя и просиял, но не решился буквально исполнить приказание отца, с тревогой поглаживая на учителя.

– Да ведь надо же заняться! – попробовал отстоять тот свои права.

– Надо заняться! – передразнил его князь. – Успеете: ученье не медведь, в лес не убежит, а вот здоровье как он, да вы потеряете, никакой наукой не вернете. Так-то.

Князь фамильярно потрепал его по плечу.

– Убирайте книги! – с улыбкой обратился Гиршфельд к Володе.

Тот с радостью бросился исполнять приказание и, уложив книги в шкаф, моментально исчез за дверью.

– Ишь, как быстро от вашей науки стрекача задал! – засмеялся князь. – Пойдемте-ка лучше, я вам покажу, какие у меня центифольумы распустились.

Николай Леопольдович последовал за ним в оранжерею.

Ученье таким образом было заброшено, а князь положительно не расставался с Николаем Леопольдовичем, все более и более привязываясь к нему и открывая с каждым днем в нем все большие достоинства и массу знаний.

Заметив, что Гиршфельду нравится княжна, он, как и предсказал Николай Леопольдович, даже поощрил:

– Приударьте, приударьте, от нечего делать, но не втюрьтесь серьезно. Жениться на такой «шальной», лучше прямо в петлю, да и не пойдет, потому княжна, хоть и бесприданница.

Гиршфельд, для вида, стал разуверять князя. Тот пригрозил ему пальцем.

– Не финтите, меня, старика, провести трудно. Все и всех насквозь вижу. Защемила черноокая молодое сердчишко. Ну, да ничего, поферлакурьте от скуки, поболтайте. Она и сама, чай, рада. Охотница разводить бобы о высоких материях.

Всесторонние познания в новом учителе были открыты князем при следующих обстоятельствах. Во время прогулок их вдвоем, князь давал ему объяснения, каким образом он подводил на дом лепные карнизы, как выводил и выращивал те или другие редкие растения, чем лечил борзых и гончих. Забывая на старости лет о данных им уже объяснениях, которые Николай Леопольдович твердо старался заомнить, князь возвращался снова к тому же предмету.

– А как вы думаете сделал я то-то и то-то?

– Очень просто, – невозмутимо отвечал тот и повторил уже раз данное князем объяснение.

– Так, так, и откуда это вы знаете? – удивился князь. – Вот, батюшка, Бог послал мне учителя! Клад, а не учитель! Все знаете, специально все знаете, – повествовал Александр Павлович о Николае Леопольдовиче, конечно в его отсутствии, приезжавшим гостям.

Те внимали его повествованиям. Многие, впрочем, лукаво улыбались.

– Парень-выжига, не даром из жидов, старику в душу без мыла лезет. Посмотрите, добром это не кончится! – пророчил подвывавший Август Карлович.

Впрочем, все старались наперерыв быть любезными с Гиршфельдом, видя, что это очень приятно самому князю.

Подозрения относительно княгини и молодого учителя, возникшие по примеру прежних лет, в уме ревнивого Александра Павловича, совершенно исчезли.

Он видел, что Николай Леопольдович все вертится около княжны Маргариты и, кроме того, раз днем он поймал на пороге его комнаты Стешу.

– Где была, егоза? Вишь, к учителю затесалась, губа не дура, мужчина молодец.

Та быстро юркнула мимо него и убежала.

– Накрыл, накрыл! С поличным, друг любезный, попался! – вошел он в комнату Николая Леопольдовича.

– Что, с каким поличным? – не на шутку перепугался тот, схватываясь за карман, где хранился бумажник с записками княгини.

– Стешку к себе прикормил! Вот, скажу, молодец, так молодец. Девчонка угар! У княжны, не пообедаешь, а тут коротко и просто.

У Николая Леопольдовича отлегло от сердца. Он притворился сконфуженным.

– Нечего конфузиться! Быль молодцу не укор. Все мы люди, всё человеки! Сам был молод, все знаю! – смеялся князь.

– Она так забежала, письмо просила написать.

– И не впопад: она грамотная.

– Я не знаю, в таком случае, зачем ей? – запутался Николай Леопольдович.

– Знаем мы эти письма, сами писывали. Да ничего, говорю, хвалю, молодец.

Князь продолжал хохотать от души.

Получив согласие княгини Зинаиды Павловны на усиленное ухаживание «для вида» за княжной Маргаритой, Гиршфельд на другой же день начал свои тонкие подходы к княжне.

Прекращенные, по воле князя, занятия с маленьким князьком, раннее удаление князя Александр Павловича «на боковую» оставляло ему массу свободного времени.

Дом, почти постоянно наполненный гостями, давал, как это всегда бывает, частую возможность уединяться.

Беседы его с княжной были почти ежедневны и продолжительны. Он искусно играл на найденной им в душе ее «больной струнке».

Он развивал перед ней свои взгляды на жизнь, на единственный, по его мнению, способ добиться полного успеха на жизненном пути.

Княжна жадно внимала его словам, так как они находили полный отклик в ее измученном мыслями в этом же направлении уме, в ее уязвленном самолюбии.

Освоившись с ним, привыкнув к нему, она ему доверилась.

Она передала ему свои взгляды на жизнь, передала повесть о терниях, встреченных на избранном ею пути, высказала охватившие ее за последнее время сомнения в самой себе, в своих силах, страшное для нее сознание ее неподготовленности, даже прямо неспособности.

– Я положительно теряю голову. Это ужасно! – закончила она.

– Ничего нет ужасного, – серьезно заметил он, – и не от чего терять голову, в вас есть все задатки для жизненного успеха: молодость, красота, ум, было бы только желание.

– В желании, кажется, нет недостатка! – горько усмехнулась она.

– Молодость, красота, ум, – задумчиво продолжала Маргарита Дмитриевна. – В последнем, увы, я стала сильно сомневаться, молодость есть, но она скоро, и не заметишь, пройдет, я не кокетка, признаю, что есть и красота, но что в ней?

– Как что? Красота – это капитал, сила. Вы только идете по ложному пути.

– Какой же истинный?

– Он есть, – уклончиво отвечал он. – Ваш же путь, путь труда, самообразования, борьбы – химера. Он выдумка людей, сидящих в роскошных кабинетах и проедающих наследственные капиталы, нажитые их отцами и дедами более реальным путем, ничуть не похожим на рекомендуемые фантазерами-внуками, этими сибаритами в жизни, науке и искусстве.

Она глядела на него во все глаза и слушала, затаив дыхание.

– Однако, пора идти пить чай! – вдруг оборвал свою речь Николай Леопольдович и встал со скамейки.

Они сидели в саду.

Ей хотелось удержать его, хотелось попросить его продолжать, но она не решилась.

Задумчивая последовала за ним на переднюю террасу.

«Он знает этот путь – истинный, верный! – думала она. – Надо будет заставить его высказаться».

Это было не так легко исполнить, как она предполагала.

Гиршфельд был на стороже.

Он умышленно несколько дней подряд уклонялся от продолжения начатого разговора.

Попытки княжны возобновить его были безуспешны.

Она выходила из себя.

Он знал, что делать. Он искусно подготовлял почву, на которой намеревался сеять.

Княжна слушала его с каким-то благоговением, увлекалась его речами, привязывалась к нему.

Наконец она не вытерпела.

– Какой же, по-вашему, настоящий верный путь для постижения успеха в жизни? – раз прямо спросила она его.

Он молча, пристально начал смотреть на нее.

– Говорите же! – с какой-то внутренней болью в голосе вскрикнула княжна.

Он понял, что время наступило.

– Путь наживы, – медленно начал он. – Жизнь – это борьба за существование. Все средства хороши для достижения единственного рычага земного счастья – богатства. Золото, золото, золото в наше время – все.

Она пронизывала его испытующим, ненасытным взглядом. Это взгляд поднимал бурю страсти в его сердце.

– Гений, талант, нравственность, честь, добродетель – понятия условные, – продолжал он. – Их представители, не запасшиеся презренным металлом, гложут в тиши, затертые людскою волною, спешащей на рынок – этот форум современной всемирной империи, иногда лишь оцененные потомством. Какая приятная награда для гниющего в земле! Прочтите биографии поэтов, писателей, художников, изобретателей, ученых, и вы убедитесь воочию, что неизвестность и нищета, или унижение и ползание перед сильными и богатыми был удел при жизни этих благодетелей человечества, оцененных по достоинству лишь после смерти. Для кого работали они, для кого трудились? Опять же для представителей золота. Их гениальные произведения стали добычей избранных богачей, их вдохновенные звуки нежат слух сибаритов, их изобретения дали возможность обладающим миллионами нажить другие миллионы, их картины украшают стены палат миллионеров. Лучшей похвалой артистического произведения служит фраза: оно ценится на вес золота. Великий Пушкин, произносят как высшую похвалу его современные почитатели, получал по червонцу за строчку. Золото, значит, мерило всего.

Он остановился перевести дух.

Княжна восторженно слушала, неотводно смотря на него во все глаза.

– Подлость, низость, порок, преступление приобретают в глазах людей другую окраску, если сопровождаются звоном золота. Подлецы становятся магнатами, преступники делаются героями! Такова сила золота. Соберите со всего мира весь сор, грязь, отброски, издающие невозможное зловоние, наполните всем этим колоссальный золотой сундук, и все человечество, мимо соборов, монастырей, церквей и часовен, мимо произведений искусств, мимо гениальных изобретений, мимо наполненных перлами человеческого ума и знаний книгохранилищ, мимо памятников исторической старины и исторических деятелей, побежит любоваться на этот «золотой сундук», с жадностью и наслаждением вдыхая зараженный вокруг него миазмами воздух. Такова сила золота.

– О, как вы правы, как правы! – простонала княжна, закрыв лицо руками. – Но как достигнуть богатства?

– Надо подумать! – загадочно отвечал Гиршфельд.

XX Жребий брошен

Как-то вскоре выдался в Шестове день, когда не было никого гостей.

Князь Александр Павлович, отправляясь спать, подошел к Николаю Леопольдовичу, беседовавшему, по обыкновению, с княжной.

– Что вы тут около профессора нашего прилипли? Подите посадите с княгиней, ей, чай, одной скучно.

Николай Леопольдович встал.

Князь сам повел его к княгине в угловую гостиную.

– Вот тебе, Зизи, гостя привел, побеседуй с ним, а то они с княжною, того и гляди, друг друга сглазят, по целым дням не наглядятся. Покойной ночи. Впрочем, это мне, а вам приятного вечера! – пошутил он и удалился.

Это было настолько неожиданно для княгини, что она даже не обратила внимания на то, что Николай Леопольдович и княжна, по словам князя, не наглядятся друг на друга.

Впрочем, надо сказать, что Зинаида Павловна с некоторого времени, видя на деле благие результаты начертанной Гиршфельдом программы их отношений, довольная выказываемым им страстным чувством в часы весьма часто устраиваемых Стешей их свиданий наверху, почти успокоилась и уверилась в его искренности, а потому стала смотреть на проделываемую им, по ее мнению, комедию ухаживания за племянницей довольно равнодушно.

Визит князя к ней с Николаем Леопольдовичем еще более укрепил в ней уверенность в практическом уме Гиршфельда и в убеждении, что он действует лишь для нее.

Князь, в самом деле, уже успел посвятить его во все свои дела, показал написанное им духовное завещание, советовался с ним о покупке тех, или иных бумаг, о продаже имеющих у него и замене их другими.

Тяжебных дел, к сожалению, у князя не было, так как вообще он судов недолго любил и споры с соседями, если они и возникали, как по т-скому, так и по другим, находящимся в разных губерниях, его имениям, оканчивал миролюбиво.

Пищи для Николая Леопольдовича, как адвоката, таким образом, при жизни князя, не предстояло.

Уведя Николая Леопольдовича к княгине, князь прервал разговор его с княжной Маргаритой на самом интересном месте. Гиршфельд готовился сделать решительный шаг.

По уходе его она осталась на террасе одна.

Несколько времени она сидела глубоко задумавшись. Ее странные глаза уставились в видимую ей только одной точку.

Так продолжалось минут пять.

Наконец, она нервно тряхнула головой, как бы стараясь выбросить из нее неотвязные мысли, порывисто встала и нервною походкою сошла с террасы и пошла по направлению к «старому парку», любимому месту ее одиноких прогулок. Забившись в самую глушь, она села на скамейку и снова задумалась.

Видимо, неотвязные мысли не покидали ее головки.

Кругом все было тихо. Громадные, столетние деревья окутывали весь парк густою тенью и распространяли приятную влажность. Легкий, чуть заметный ветерок шелестел их вершинами. Слышался как бы таинственный шепот, прерываемый лишь изредка криком загулявшей или одержимой бессонницей птицы, кваканьем лягушек на берегу недалекой реки, или отдаленным человеческим голосом, доносившимся со двора усадьбы.

О чем шептались эти вековые старожилы княжеских владений? Вспоминали ли они в тихой беседе свежую в памяти их одних повесть минувших лет? Сравнивали ли они про-

шедшее с настоящим, давая ему надлежащую оценку, или же, одаренные даром прозрения, с ужасом перешептывались о грядущем?

Княжне было, по-видимому, не до разрешения этих вопросов. Встреча ее с Николаем Леопольдовичем, ежедневные разговоры с ним окончательно перевернули вверх дном все ее прежние взгляды, планы, предназначения.

Она была в положении незнакомого с местностью путника, сбившегося с дороги и идущего по какой-то, не зная, приведет ли эта дорога к желанному жилью, где он может отдохнуть от далекого пути, но идущего только потому, что видит впереди себя другого путника, бодро и весело шагающего по этой дороге.

Она тоже заблудилась и решила следовать за Гиршфельдо, тем более, что он становился на нее необходимым, порой так, что она чувствовала, что готова полюбить его.

Все в нем подкупало ее – авторитетность тона, смелость, выводов, ярямизна взглядов. Она чутьем угадывала, что в нем таится какая-то сила, какой-то непременный залог жизненного успеха, именно то, чего у нее, утомленной бесплодным исканьем жизненной цели, или лучше сказать, средств к ее достижению – не доставало.

Какого качества была эта сила, какого качества был этот самый успех, какие средства с откровенным цинизмом предлагал этот, по ее мнению, прямолинейный человек?

Над этим она глубоко не задумывалась.

Какой-то внутренний голос подсказывал порой ей, что проповедь этого нового человека безнравственна, что путь, указываемый им для достижения земных благ, позорен, преступен, но жажда успеха, власти, первенства туманила ей голову, и поток его громких, красиво связанных фраз, как звон золота, заглушали этот голос.

Вспоминалась порой ей другая встреча, другие речи.

Образ бледного чернокудрого молодого человека, с восторженным взглядом глубоких умных глаз, в Москве, в первый год ее вступления на самостоятельный путь, когда она еще была твердо уверена, что у нее хватит силы и энергии пройти предназначенный путь, да и самый путь казался ей и более краток, и более верен.

Этот юноша был уроженец города Т., единственный сын чиновника, славившегося своим бескорыстием и неподкупностью, оставившего ему только честное имя, которое этот чудак, как называли его сослуживцы, ценил выше всякого земного богатства. Студент-медик, беззаветно преданный науке, готовый ради нее на все лишения, он бодро шел по тернистой дороге труда.

Они были знакомы ранее немного в Т. Среди большого города, почувствовав себя, как всегда в толпе, более одинокими, они сошлись.

Красота молодой княжны, ее жажда самостоятельности, желание трудиться, быть полезной, не могли не произвести впечатления на юного идеалиста. С особенным увлечением беседовал он с нею долгие вечера. Он говорил о поэзии жизни, о любви к ближним, об удовольствии сознания принесения пользы, о сладости даже гибели для пользы человечества, о мерзости проявления в человеческих поступках признаков корысти, о суете богатства, о славе, об идеалах.

Он не задавался мечтами о широкой деятельности, не требовал себе обширного горизонта; он говорил, что можно и достаточно быть полезным в маленьком кругу, что принесение пользы надо соразмерять с силами и возможностью человека, он указывал на лепту вдовицы, поставленную Великим Учителем выше богатых приношений.

Он говорил о любви, о сладости взаимности, о симпатии душ, он называл брак по расчету – самопродажею.

Она увлекалась его горячею проповедью, но ей казалось, что рисуемая им жизненная программа тесна для нее, что этот идеал так называемого мещанского счастья.

Еще не утомленная жизненными бурями, она не искала тогда тихой пристани, которую восторженно рисовал перед нею ее идеальный друг.

И теперь, даже она едва ли бы удовлетворила ее.

Она видела, что он говорит с ней, вдохновленный к вей чувством любви, она наблюдала, как это чувство зародилось,росло. Она ощутила даже в своем сердце на него мимолетный отклик, и испугалась, что это послужит ей препятствием для достижения высших целей, установит ее в тесные рамки будничной жизни.

Она оттолкнула от себя восторженного юношу и уехала в Петербург.

Потом она встречалась с ним, когда он, кончив курс, поселился в Т. и бывал в доме ее отца, который очень любил его.

Сестра Лида призналась ей, что она любит его, княжна Маргарита видела, что «идеальный друг» остался ей верен, по-прежнему восторженно любит ее, по-прежнему благоговеет перед ней, мало обращая внимания на влюбленную Лиду.

Она осталась довольна этим предпочтением, отдаваемым ей пред сестрою и... только.

Одно ее слово и он был бы у ее ног, но этого ей было мало.

Не столкни ее судьба с Гиршфельдом, быть может она, утомленная и разбитая, и обратила бы свой взор на него, сказала бы это слово, стала бы женой и матерью у тихого семейного очага – любимая мечта молодого идеалиста, но здесь, по ее мнению, открывались ей более широкие горизонты. Идя с этим бесстрашно глядящим в будущее «новым» человеком, она вместе с ним покорит весь мир. Он, конечно, не разделит даром с ней добычу; даром не подаст ей даже руки, чтобы вывести на настоящий путь, но он говорил ей, что красота тоже капитал. Она купит его этим капиталом.

К такому решению мысленно пришла княжна Маргарита Дмитриевна под тенью столетних деревьев дедовского парка.

XXI

Меткий выстрел

– Мечтаете! – раздался около нее голос.

Княжна вздрогнула.

Перед ней стоял Николай Леопольдович.

Побеседовав несколько времени с княгиней, и уверив ее, что злоупотреблять позволением князя Александра Павловича занимать ее было бы с их стороны опрометчиво для будущего, он оставил ее за любимым ее занятием – раскладыванием пасьянса, а сам поспешил на террасу, оканчивая свой разговор с княжной, который он решил сегодня же довести до благополучного конца, так как почва, по его мнению, была подготовлена.

Не застав княжну на террасе, зная ее привычки, пошел искать ее по аллеям «старого парка» и, как мы видели, предстал перед нею в ту минуту, когда она пришла к роковому решению.

– Ну-с, – начал он, подсаживаясь к ней, – на чем мы с вами остановились? Давайте продолжать, если ваши мечты, в которых я застал вас, не заставили вас позабыть наш разговор.

– Ничуть! – ответила княжна. – Я именно и думала о нашем разговоре, думала о вас.

Он встал и поклонился с комическою важностью.

– Весьма признателен вашему сиятельству, что вы в минуты досуга иногда вспоминаете в своих мечтах такое ничтожное существо, как ваш преданный и покорный слуга.

– Перестаньте балаганить! Это совсем к вам не идет, а преданы ли вы мне – это я еще увижу, но что не будете покорны, я это знаю, на это не рассчитываю и даже этого не желаю.

– Преклоняюсь перед вашею прозорливостью и способностью не желать недостижимого. Что же касается моей преданности, то предан я буду тому, кто меня оценит по достоинству.

– А можно спросить, какая будет цена? – улыбнулась она.

– Это относительно. Вы, собственно говоря, спрашиваете об этом из сиятельного любопытства вообще, или же для себя? – серьезным тоном спросил он в свою очередь.

– А если бы для себя.

– Для вас – вы сами безусловно и бесповоротно! – не сморгнув, в упор отвечал он ей.

Она смутилась.

– Это значит... вы делаете мне... предложение? – с расстановкой спросила она.

– Нет, не значит! – цинично улыбнулся он.

– Я вас в таком случае отказываюсь понимать.

– Как будет угодно вашему сиятельству.

– Но если бы я согласилась быть вашей женой? – глухим голосом с трудом вымолвила она.

– Увы! При настоящем положении вещей я принужден был бы отказаться от этой высокой чести. Отказаться в ваших и даже в наших общих интересах, если бы вы, понятно, пожелали, чтобы они были общие, – невозмутимо продолжал он.

– Я вас опять не понимаю.

– А, между тем, это так понятно. Что приобретаю я, женясь на вас? Красавицу девушку, которая из княжны Шестовой превращается в жену кандидата прав Маргариту Дмитриевну Гишфельд, и более ничего. Еще менее приобретаете вы, жертвуя даже своим титулом. Вы получаете мужа, только что вступившего на скользкое адвокатское поприще, без средств, а следовательно без возможности с честью и славою идти по этому пути. Образуется из нас бедная семья, которая может прирашаться. Природа не справляется с родительским бюджетом! Я – муж, бегающий за грошовыми заработками, чтобы что-нибудь дать голодающей

семье, вы – жена, обмывающая и пеленающая своих детей и ведущая грошовое хозяйство! Вам нравится такая перспектива? Мне – нет.

– Но у моего отца есть тысяч тридцать. Картина немного не верна! – попробовала возразить она.

– Значит, на вашу долю придется пятнадцать. Разве это деньги? Мы с вами еще не жили, нам хочется жить. На сколько нам их хватит? А между тем, жизнь манит своими соблазнами. Ими пользуются другие под нашим носом. Почему же не мы? Деньги эти пройдут быстро, наступит безденежье, и картина окажется верна.

– Умрет дядя... – заикнулась она.

– Вы сделаетесь обладательницей его деревенской библиотеки.

– Что? – вскочила Маргарита Дмитриевна.

– Такова его единственная, относительно вас, воля, высказанная в завещании, которое я читал несколько раз.

Княжна остолбенела.

– Это злая насмешка! – сквозь зубы прошептала она, и ее глаза загорелись зеленым огнем.

– Похоже на это, особенно сопоставив, что вашей сестре Лидии завещано двести тысяч.

– Ей? – простонала княжна.

– В нашей воле все изменить... – пошептал Гиршфельд.

– Как? – схватила она его за руку.

– Позвольте, не торопитесь, вами еще не приняты мои условия.

– Какие? Говорите! – снова простонала она.

– Я люблю вас! – задыхаясь от страсти, подвинулся он к ней.

Она не отодвинулась.

– За обладание вами, я готов отдать вам себя на всю жизнь – это не фраза. Получая вас, я приобретаю себе полезного союзника и помощника, сохранить которого будет в моих интересах. Для людей, для света княжна Шестова и помощник присяжного поверенного Гиршфельда будут только хорошими знакомыми. К нам, у меня уже составлен план, перейдут все капиталы князя Александр Павловича Шестова. Красавица княжна Шестова поможет мне приобрести капиталы и из других рук по моим указаниям, деля добычу, по-братски, пополам.

– Это значит продавать себя! – в ужасе прошептала она.

– Ничуть! Женщина, продающая себя, разменивается на мелочи и не ценится вовсе. Умная, красивая женщина должна только брать, ничего не отдавая или отдавая очень мало.

– Это как же?

– Я объясню вам это впоследствии, но если вы с предубеждением, то, значит, я в вас ошибся, и нам лучше прекратить этот разговор.

– Продолжайте, продолжайте! – настойчиво повторила она.

– Когда мы достигнем главного – богатства, тогда от нас будет зависеть пойти под венец или нет. Быть может, поделив добычу, мы захотим разойтись, вы или я, мы будем свободны.

– Но средства к достижению этого богатства – преступления? – робко задала она вопрос.

– Вас пугают страшные слова, – усмехнулся он. – Не открытые преступления – не преступления.

– А если откроют?

– Значит, мы глупы и нам поделом.

– Страшно.

– Волков бояться – в лес не ходить. Впрочем, это зависит от вашей воли, вы можете остаться при перспективе читать книги из вашей собственной библиотеки и нянчить детей вашей богатой сестры.

– Я ваша! – порывисто склонилась она к нему.

В его глазах блеснул огонек неудержимой страсти и он заключил ее в свои объятия.

Раздался первый поцелуй.

Он был печатью заключенного договора.

Столетние дубы и вязы «старого парка» были одни немymi свидетелями тайного союза потомка немецкого жида с отпрыском древнего русского княжеского рода.

XXII

Адский замысел

Прошло несколько дней. Истинный и верный путь, к достижению желанных целей, открытие которого было куплено княжной Маргаритой Дмитриевной такою дорогою ценою при последнем свидании ее с Гиршфельдом в «старом парке», был пока известен ей лишь в общих чертах.

Николай Леопольдович не успел еще посвятить ее в отдельные детали.

Она знала лишь одно, что на этом пути ей не следует смущаться препятствиями, имеющимися на языке «пошляков», как говорил Гиршфельд, совестью, честью, стыдом, правдой, нравственностью, пороком, грехом и преступлением.

Она догадывалась также, что она должна будет вести подпольную борьбу со всем родом князей Шестовых, начиная со старика дяди и кончая, быть может, сестрой и двоюродным братом.

Это ее не смущало, тем более, что она была уверена, что выйдет с помощью ее друга и руководителя, из этой борьбы победительницей.

Она, несомненно, сделает зло всей этой семье, она составит ее несчастье, но зато она отомстит.

Сладкое удовлетворение своего дьявольского самолюбия находила она в этой мысли.

Отец, бросивший ее, как ей казалось, на произвол судьбы и нянчавшийся с этой «глупой Лидкой», дядя, неудовлетворяющийся мелкими уколами и оскорблениями ее, при жизни, а наносящий ей страшное оскорбление после своей смерти насмешкой в духовном завещании – не стоили пощады с ее стороны.

Они не оценили ее, и будут за это жестоко наказаны.

Поскорее бы только начать.

Она с нетерпением ждала удобного времени для второго свидания, когда она узнает все подробно.

Давнишняя злоба ее к дяде, князю Александру Павловичу, дошедшая до своего апогея, когда она узнала относящийся к ней пункт его завещания, еще более укрепила в ней через день после свидания с Гиршфельдом.

Княжна получила телеграмму от одной своей подруги по курсам, что та проездом будет на станции Ломовис, куда и просила княжну выехать повидаться с ней минутку.

Маргарита Дмитриевна переговорила с княгиней и отдала приказание приготовить к утру следующего дня лошадей.

Проснувшись рано, она оделась и совсем готовая вышла садиться, но у подъезда экипажа не было.

– Узнай, скоро ли подадут! – обратилась она к проходившему через залу лакею.

– Его сиятельство приказали распречь! – почтительно отвечал тот.

– Как распречь? – вспыхнула она. – В чем же я поеду?

– А можете и не ездить, такая же будете, – вышел в это время из кабинета князь, находившийся с самого раннего утра в дурном расположении духа. – Стану ли я для всяких ваших проходимиц или, как они теперь называются, курсисток дорогих лошадей гонять. Заведите своих да и катайтесь сколько угодно.

– А! – могла только прошипеть сквозь зубы вся побагровевшая княжна и быстро ушла в свою комнату.

Князь уже кого-то распекал во дворе. Его голос был слышен в комнате княжны.

«Жестоко заплатишься ты мне за это, негодный старикашка, с тебя первого начну я уничтожение захудалого рода аристократов-тунеядцев!» – со страшною, непримиримою ненавистью думала она.

Наконец, давно желанное второе свидание с Гиршфельдом состоялось.

Во время ее обычной прогулки, между вечерним чаем и ужином, по задним аллеям «старого парка», на дорожке, ведущей к «проклятому дубу», показался Николай Леопольдович.

Маргарита Дмитриевна бросилась ему навстречу.

– Наконец-то! – прошептала она. – Я уже думала, что ты никогда не выберешь время.

– Напрасно думала, о чем думать не следует... – улыбнулся он. – В нашем положении осторожность – первое условие успеха.

Они опустились на «скамейку старого князя».

Была чудная тихая ночь. Луна с безоблачного, усыпанного мириадами звезд неба лила на землю кроткий волшебный свет, таинственно отражавшийся в оконечностях медных крестов на решетке, окружающей старый дуб. Вокруг «проклятого места» царил ужасное безмолвие. Поднявшийся с протекающей невдалеке реки туман окутывал берег и часть старого парка, примыкающего к нему, создавая между стволами и листвой вековых деревьев какие-то фантастические образы.

Нашим собеседникам, впрочем, было, видимо, не до созерцания окружающей их природы.

– Время дорого, приступим прямо к делу, – серьезно начал он. – Необходимо прежде всего уничтожить завещание князя.

– Да, да; но как это сделать?

– Способы есть, но надо выбрать лучший и выгоднейший. Можно уничтожить завещание еще при жизни князя, похитив его, но это рискованно, так как князь может хватиться и не найдя написать новое; можно, наконец, похитить его и уничтожить после смерти, но, во-первых, смерти этой надо ждать, а он, кажется, умирать и не собирается.

– Кажется! – злобно прошептала она.

– Во-вторых, кто нам поручится, что князь не передаст этого завещания при жизни на хранение в верные руки – своему брату, например, твоему отцу...

– Это предположение возможное... – задумчиво произнесла Маргарита Дмитриевна.

– Не это еще не все, нам необходимо, чтобы князь умер как можно скорее, чтобы умер он без завещания, так как кроме того, что из его состояния двести тысяч идут от нас твоей сестре, а она с таким приданым не засидится, и эти деньги, с момента ее замужества, пропадут для нас навсегда, сама княгиня по завещанию является очень ограниченной в своих правах на громадное состояние князя, а я желал бы, чтобы эти права ее были бы обширнее, так как, имею на нее влияние.

– И даже, как я заметила, очень большое! – съязвила княжна.

Гиршфельд посмотрел на нее.

– Ревность, кажется, не предусмотрена ни одним пунктом нашего договора.

– С чего это ты взял, что я буду ревновать к этой красивой развалине?

– В таком случае и предоставь этой развалине взять свою долю жизненного счастья.

Поверь, она дорого заплатится за это.

– Не могу же я уверить тебя, что мне приятно это видеть.

– Что делать, нет пути без терний. Я постараюсь, чтобы тебе реже все напоминало об этом. Вот единственная уступка, которую я могу сделать твоим пылким чувствам! – улыбнулся он.

– Хорошо, хорошо. Ведь я же понимаю, что не можешь же ты предпочесть меня ей для нее лично.

– Что правильно, то правильно. Я знал, что ты меня поймешь. Ты умная, рассудительная женщина. В наше время они, к сожалению, редкость.

Он привлек ее к себе.

– Что же делать, чтобы осуществить все, что ты говоришь? – начала она.

– Надо, чтобы князь окончил жизнь самоубийством, или, по крайней мере, был признан самоубийцей. Тогда, на основании 1472 ст. Уложения о наказаниях, духовное завещание его будет сочтено ничтожным. Этого только нам и надо.

– Значит, надо убить его? – резко спросила Маргарита Дмитриевна.

Она вспомнила все, вспомнила недавнее оскорбление и злобная радость прозвучала в тоне ее вопроса.

– Да, отравить; это очень удобно, так как он принимает опиум. Почтенный Август Карлович прописал, как он сам выразился, лошадиный раствор. Несколько десятков капель и князь уснет на веки. Положим, на самоубийство будет похоже мало, но, приняв во внимание, что Сергей Павлович Карамышев так же много смыслит по следственной части, как я в китайском языке, да и остальные ваши местные жрецы Фемиды довольно убоги – я полагаю, что они, за отсутствием мотивов для отравления князя посторонним лицом, поспешат покончить это дело именно в этом смысле.

Надо сознаться, что сам Николай Леопольдович плохо верил в то, что говорил княжне, но ему необходимо было как можно скорее устранить князя и сделать княгиню распорядительницей шестовских богатств. Он даже готов был поступиться двумястами тысяч в пользу Лиды, надеясь и на них, впрочем, наложить впоследствии свою заgreбистую лапу, а потому ему было безразлично: умрет ли князь с завещанием, или же без него.

Говорил же он все это для княжны Маргариты, желавшей всеми силами души своей лишить сестру наследства, которое являлось смертельным для нее оскорблением.

Он надеялся таким образом добыть ее согласие. И он не ошибся.

– Кто же должен исполнить это, то есть влить опиум? – после некоторой паузы спросила княжна.

– Ты.

– Я! Но как?

– Камердинер князя prepares лекарство во время нашего обеда; после обеда князь идет на террасу, где курит трубку, которую ему приносит тот же камердинер из кабинета. Ты, будто бы идя в свою комнату, зайдешь в всегда открытый кабинет и вольешь опиум, который стоит на письменном столе, около крайнего шкафчика, в коричневом пузырьке, в приготовленную на ночном столике рюмку, а затем пройдешь к себе. Это дело одной минуты. Князь уже впился в опиум. Он принимает его целый год. Он проглотит и не заметив количества. Принимающие опиум даже любят увеличение доз. Я уеду на это время для того, чтобы, как посторонний человек, не навлечь на себя подозрения.

– Ты уедешь? Куда? – тревожно спросила она.

– В Т. дня на два. Я уж устрою. До этого времени ты присмотришься к кабинету и к месту на столе, где стоит пузырек. Смотри, чтобы только никто не заметил.

Княжна молчала. В ней происходила борьба, но злоба против князя одержала верх.

– И так, решено? – спросил Гиршфельд.

– Хорошо, я делаю. Решено! – глухим голосом ответила она.

XXIII

В разлуке

Наступили первые числа августа.

Время мчалось для княжны Маргариты Дмитриевны с ужасающе быстротою.

Вступив на новый жизненный путь, связав на всю жизнь, как ей по крайней мере казалось, свою судьбу с избранным ею человеком, она зажила какою-то двойною жизнью. Ум ее лихорадочно работал, нервная система, доведенная до высшего напряжения, как бы закалилась; неведомая доселе страсть охватила все ее существо, а между тем, в душе царил какой-то страшный покой.

Она чувствовала себя далеко не самостоятельной, чувствовала, что находится в полном подчинении воле этого железного человека, но это самое подчинение доставляло ей величайшее наслаждение.

Ей казалось, что рука этого человека настолько твердая, непоколебимая опора, что она, княжна, может теперь спокойно и безмятежно смотреть в будущее, отдохнуть от пережитых треволнений, что он один доведет ее до цели, выведет ее на широкую желанную дорогу.

Она сознавала, что она не идет, а ее ведут, но, по крайней мере, она была уверена, что не собьется с дороги.

Этот относительный покой ее организма разливал в нем какую-то сладостную негу и истому.

Так заблудившийся в дремучем лесу в зимнюю стужу путник покойно вверяет себя первому встречному и следует за ним, с наслаждением предвкушая теплую комнату и мягкое ложе.

Встречный же для заблудившейся в жизненном лесу княжны не только ведет ее, но рассказал ей заранее дорогу, поручил даже расчищать путь по его указанию, то есть действовать самой для себя и даже для него в благодарность за то, что он ведет ее.

Без нее, быть может, и сам он не так скоро вышел бы на дорогу, к жилью. Она, следовательно, помогает ему, она ему необходима. Друг без друга они – ничто, вместе – сила. Это вполне удовлетворяло ее самолюбие.

Еще более странное чувство стало охватывать ее с некоторого времени.

Ей стало казаться, что если бы даже она убедилась, что помогает этому человеку в начертанном им плане исключительно для него, то и тогда бы она не постаралась разорвать приковывающую ее к нему цепь, лишь бы быть с ним, около него.

Она без ужаса не могла представить себя без него. Холодный пот выступал у ней на лбу при одной мысли о возможности остаться снова одной. Она поняла, что безумно, страстно любит его. Она полюбила его прежде всего за смелость, с которой он взял ее. Эта любовь, в течение каких-нибудь двух недель со дня рокового свиданья в «старом парке», возросла до самоотречения.

С трепетом ожидала она коротких с ним свиданий в самом отдаленном месте «старого парка», на «скамейке старого князя», между вечерним чаем и ужином. Там, на этом «проклятом месте», развивал он перед нею свои страшные планы, там предавалась она первым восторгам любви.

Опьяненная этими восторгами, благоговейно внимала она своему кумиру.

Даже страх перед опасностью раскрытия его страшного плана совершенно исчез из души княжны Маргариты Дмитриевны – так велика была в ней уверенность в уме, дальновидности и расчетливости ее нового друга, союзника и соучастника.

Она была в каком-то чаду, а между тем в нем, как в чистом воздухе, дышала полною грудью.

Такая картина ее нравственного состояния, – последствия роковой для нее встречи, – предстала перед ней с полной ясностью во всех мельчайших деталях во дни первой, хотя и кратковременной разлуки.

Гиршфельд уехал.

Он поехал дня на два в Т. с какими-то поручениями от князя Александра Павловича.

Княжна сидела одна в комнате у окна, выходящего в парк.

Комната племянницы князя Александра Павловича находилась на одной линии с его кабинетом, комнаты через две, и была угловая, в два окна. Одно из них выходило в парк, а другое – во двор. Убрана она была сравнительно с другими княжескими апартаментами весьма скромно.

Штофная темно-синяя мягкая мебель и такие же занавески на окнах, темные обои придавали ей мрачный вид, и единственным светлым пятном на этом темном фоне выделялась постель княжны, покрытая белоснежным тканевым одеялом с целой горой подушек.

Княжна спала почти сидя, иначе чувствовала страшные приливы к голове.

В углу, между окнами, стоял косяком большой письменный стол на шкафчиках. Он был завален книгами и тетрадями. Посредине лежала какая-то неоконченная рукопись.

Прислуге было отдано княжной строгое приказание не касаться ее письменного стола, который она убирала сама.

Судя по его настоящему внешнему виду, можно было сразу догадаться, что за ним не сидели давно. Довольно густой слой пыли на книгах и неоконченной рукописи указывал, что к ним не прикасались, по крайней мере, несколько дней.

Да и на самом деле, занятая совершенно иным, княжна бросила с некоторого времени свои научные работы.

Зная, что сегодня утром Николай Леопольдович уехал и должен вернуться лишь послезавтра, она накануне еще решила, что проведет эти дни за работой и таким образом не заметит двух дней горькой, как она почувствовала, для нее разлуки.

В эту ночь ей не спалось, она задремала лишь под утро и сквозь сон слышала, как, звеня колокольчиками, подъехала к крыльцу коляска, как уселся Гиршфельд, сопровождаемый громкими пожеланиями приятного препровождения времени со стороны князя Александра Павловича.

– Удастся ли тебе узнать, как он проводил время? – злобно подумала она с просонья, и с этой мыслью заснула крепче.

Было почти уже два часа, когда ее разбудил раздавшийся под самым ее окном резкий голос того же Александра Павловича, распекавшего возвратившегося со станции железной дороги кучера за то, что он дал слишком незначительный отдых лошадям.

– Загнал, негодяй, лошадей; хозяйское добро жалеть не ваше дело! – кричал князь.

Послышались звуки ударов нагайкой.

Она вздрогнула, точно ударили по ней самой, и проснулась. Быстро вскочила она с постели, оделась, распахнула окно, выходящее в сад, села у него и задумалась.

О предполагаемой работе она совершенно забыла.

Она просидела бы, быть может, очень долго, если бы дверь ее комнаты не отворилась и на ее пороге не появилась Стеша.

– Пожалуйте к княгине, наверх, – отрывисто обратилась она к ней.

– Сейчас, – отвечала та, вздрогнув и встала. Стеша ушла.

Она также была, видимо, не в своей тарелке. Грустила ли она также об отъезде Николая Леопольдовича, или же ее тревожила мысль – привезет, или не привезет он из города обещанный им дорогой подарок – неизвестно.

XXIV

В дороге

Княгиню Зинаиду Павловну княжна застала пьющей чай у себя наверху. Ссылаясь на мигрень, она не сошла даже вниз.

– Почитайте мне, *ma chère*, только потише. Я совсем больна, сама не могу.

Княжна взяла раскрытый французский роман, лежавший на столе, и принялась за чтение.

Княгиня почти не слушала. Мысли ее вертелись на Николае Леопольдовиче.

«Зачем он уехал? Зачем его услали? Противный князь!»

В перспективе, менее чем через две недели, была еще более долгая разлука. Сын уезжал в Москву. Пребывание Гиршфельда в усадьбе теряло свое *raison d'être*, и из последних нескольких дней вырвать целых два дня – это ужасно!

Княжна тоже читала машинально. Почти одинаковые с княгиней мысли бродили в ее голове, осложненные еще другим серьезным делом – предстоящим исполнением начертанного Гиршфельдом замысла.

Чтение, между тем, продолжалось.

Одна старалась сделать вид, что внимательно читает, другая – что внимательно слушает.

Виновник же тревоги и печали этих трех совершенно разнородных женщин был уже далеко и думал о них, но совершенно иначе, нежели они, каждая порознь, об этом воображали.

Николай Леопольдович с неделю, как замыслил уехать денька на два в Т.

Ему было необходимо обратить скопленные от великих милостей княгини Зинаиды Павловны деньжонки, в размере более двух тысяч рублей, в какие-нибудь бумаги, чтобы деньги не лежали без милых сердцу Гиршфельда процентов и занимали в бумажнике менее места.

Сделать это поблизости можно было только в одном Т.

Хотелось ему также познакомиться с отцом и сестрой княжны Маргариты Дмитриевны. С последней в особенности, так как она являлась наследницей двухсоттысячного капитала и, пока что, до сих пор состояла ею.

Княжна Маргарита, как он и не ошибся, дала на это свое согласие и даже благовидное поручение в форме письма к отцу и сестре.

Кроме того, как мы уже знаем, ему надо было провести дня два в отсутствии из княжеской усадьбы.

Задумав такую отлучку, Гиршфельд стал исподволь подготавливать к ней Александра Павловича, мельком роняя в разговоре с ним о своем желании посмотреть Т., исполнить, если было бы нужно, кстати, какие-нибудь его княжеские поручения.

Князь, исполняя желание своего любимца, придумал несколько таких, якобы неотложных поручений, в числе которых было отвезти письмо брату, а племяннице несколько снятых недавно приглашенным фотографом видов с усадьбы и окружающих ее живописных мест.

– Познакомьтесь, хороший, прямой человек, старый вояка! – аттестовал Александр Павлович брата.

Николай Леопольдович хотя и обрадовался возможности уехать, но поморщился от этого поручения.

– Впрочем, все равно, эти пустяки не помешают! – подумал он и согласился.

Князь выдал ему, в счет жалованья, двести рублей.

Сообщив княгине о желании князя, чтобы он ехал в Т. по делам, что подтвердил и сам князь, Николай Леопольдович успел у нее утянуть радужную на дорогу и укатил.

Полуразвальясь в покойной дорожной коляске, оставив быстро позади себя усадьбу, он не переставал думать о ее обитателях или, лучше сказать, обитательницах.

Княгиней он был недоволен. Она оказалась далеко не такой тароватой, как он надеялся, и старалась избегать денежных вопросов.

Быть может это происходило оттого, что она сама не располагала большими деньгами, глядя из рук мужа, но только ему приходилось прибегать к вымышленным рассказам о бедственном положении его семьи, о старых студенческих, его беспокоящих, долгах, о чем будто бы ему сообщают и напоминают в получаемых им из Москвы письмах, и только тогда княгиня, желая его утешить, раскошеливалась, но при этом, – он это заметил, – на ее лицо всегда набегала какая-то тень.

«Ужасная вещь иметь дело с этими стареющими красавицами, они уж чересчур щепетильны в финансовых вопросах, тревожась возникающим, вероятно, в их уме сознанием, что их любят не за увядшую красоту, а за деньги...» – рассуждая про себя Николай Леопольдович.

Мысль его переносилась к молодой княжне.

Ею до сих пор он был чрезвычайно доволен. Он чувствовал, что она была вся в его руках, что она на самом деле отдалась ему беззаветно и бесповоротно, что она полюбила его со всею страстью молодого, нетронутого организма. Он глубоко верил только в такое плотское чувство и оно служило, по его мнению, верным залогом, что она не будет в будущем перечить его планам и не выдаст, если попадется.

«Ну, а как попадется?» – мелькнуло в его уме.

Ему пока все-таки еще было жаль ее: она не потеряла для него еще обаяния новизны.

– Какова-то она, как исполнительница?

– Вернусь, увижу! – сказал он сам себе.

Кто давненько приелся ему и изрядно таки надоел, так это Стеша.

«С этой расправа коротка. Я уж несколько раз прогонял ее, дуется, ну и пусть... Привезу ей из города серьги и брошку... и баста!» – решил он в своем уме.

– В усадьбе-то у нас, барин, опять нечисто стало! – обернулся к нему кучер Степан, молодой парень с лунообразным лицом, опушенным жидкою белокурою бородкою.

Уставших лошадей он пустил пройти шагом.

– Как, нечисто стало? – встрепенулся пробужденный от своих дум Николай Леопольдович.

– Старый-то князь опять стал посиживать на своей скамеечке. Посмотрите, барин, быть беде.

– Ты откуда это знаешь? – спросил он.

Александр Павлович давно рассказал ему легенду проклятого места.

– Парни из деревни на рыбной ловле были и опозднились, мимо ехали, так его видели и не одного даже.

Николай Леопольдович побледнел. Он понял, что это видели его с княжной. Вдруг у него мелькнула мысль. Он улыбнулся.

– Все вздор, бабьи сказки! – оборвал он Степана.

Тот посмотрел на него с нескрываемым удивлением, но замолчал.

– Эй вы, пошевеливайтесь! – тронул он вожжами лошадей.

Вдали виднелась уже железнодорожная станция.

Среди княжеской дворни, действительно, за последнее время ходили слухи о появлении вновь старого князя на его скамейке.

– Стрясется, наверное, какая ни на есть беда! – решили все в один голос.

В день отъезда Гиршфельда с горькими слезами явился на кухне Степан, избитый князем под окном комнаты княжны Маргариты Дмитриевны.

Там он застал молодого франтоватого камердинера князя, всегда одевавшегося «по моде» и любившего ужасно цветные галстуки, Яков, так звали камердинера, считался среди дворни большим сердцеедом, и не одно женское сердце людской и деревни страдало по нем. Он всегда тщательно расчесывал свои черные кудри и красивые усы.

– Нашего сердцегрыза-то почище тебя угостили... – указал на Якова клубский повар, Коропат Иванович, выслушав рассказ Степана о барской с ним расправе.

Последний посмотрел на Якова и увидел на лице его три свежих красных рубца.

– Кто это вас, Яков Петрович? – участливо обратился он к нему.

– Кто? Известно кто, кто и вас... – злобно ответил Яков.

– Зачем?

– Трубка из рук, подлая, выскочила, янтарь отлетел, он меня и давай арапником полосовать, насилиу убег. К барыне явился, пятишницу пожаловала, да разве этим залечишь! Долго не пройдут, проклятые, – отвечал тот, рассматривая свое лицо в снятое им со стены зеркало.

– Под колодцем умываться почаще, первое дело, – посоветовал другой повар, Сакердон Николаевич.

– И с чего это он таким зверем ходит? Прежде, кажись, на него реже находило! – недоумевал Степан.

– Перед смертью, смерть чувствует, мухи, вон, и те злее становятся, какдохнуть им приходится! – раздражительно заметил Яков, под впечатлением ходивших слухов о появлении «старого князя».

– Ну, кажись, смерти-то его еще не видать: гоголем ходит. Смотри, парень, тебя переживет и не раз еще разукрасит! – подзадорил Якова Коропат Иванович.

– Издохнет скоро, помяните мое слово, издохнет! – озлился Яков и, повесив зеркало на место, вышел из кухни, сильно хлопнув дверью.

– Ишь как его разобрало! – усмехнулся Сакердон Николаевич.

– Красоты поубавили, а это ему перед бабами зарез! – серьезно заметил Коропат Иванович.

Бывшие в кухне расхохотались.

XXV

В гостинице

Приехав на станцию Т., Николай Леопольдович, по получении железнодорожным сторожем багажа, приказал нанять ему извозчика в гостиницу «Гранд-Отель».

Эту гостиницу указал ему перед его поездкой князь Александр Павлович.

Город Т. отстоит от станции железной дороги не более как в полуверстном расстоянии. Это пространство занято немощеной площадью с низенькими строениями кругом, в которых помещаются разные лавчонки, портерные, питейные дома и даже рестораны.

Эта площадь, собственно говоря, могла бы считаться за начало города, если бы находящаяся в конце ее застава, состоящая из двух каменных, выкрашенных в белую краску столбов с гербами города, не указывала, где начинается городская черта.

Тотчас за заставою тянется прямая улица, носящая название Дворянская.

Гостиница «Гранд-Отель» находилась на углу Дворянской и Базарной улиц, в каменном трехэтажном доме.

Внизу помещались магазины.

Парадный подъезд ее выходил на Базарную, так как по Дворянской улице домов с парадными подъездами не было.

Все дома ее обнесены палисадниками с довольно густой растительностью, что летом придает ей весьма красивый вид.

– Номер получше! – кинул Гиршфельд швейцару гостиницы, стоявшему у подъезда, быстро соскочив с пролетки подвезшего его извозчика.

– Вы не из усадьбы князя Шестова? – обратился к нему швейцар.

– Да, так что же?

– Пожалуйста-с! Для вас готов номер первый! – бросился швейцар вынимать из пролетки чемодан.

Николай Леопольдович остановился в недоумении.

– Мне приготовлен? Почему?

– Его сиятельство князь Шестов нарочного в контору изволили присылать с приказанием.

Такое внимание приятно поразило его.

– Добрый, бедный старик! – прошептал он, поднимаясь по лестнице в сопровождении несшего чемодан швейцара, и нечто вроде угрызения совести зашевелилось в его душе.

– Извозчику прикажете заплатить? – уничтожил это мимолетное настроение вопросом швейцар.

– Да, отдай там сколько следует... – отвечал Николай Леопольдович.

– Слушаю-с. Проводи в первый номер, – сдал швейцар чемодан выбежавшему на встречу нового постояльца коридорному и быстро спустился вниз.

– Пожалуйста! – распахнул коридорный двери одного из номеров коридора бельэтажа.

Николай Леопольдович вошел.

Это был лучший номер в гостинице. Он был угловой и состоял из двух больших комнат и передней.

Четыре окна приемной выходили: два на Дворянскую и два на Базарную улицы. На них были повешены традиционные белые шторы с фестонами и тюлевыми драпри.

В спальне было одно окно с репсовыми коричневого цвета, уже изрядно полинявшими гардинами.

Малиновая триповая мебель приемной тоже не отличалась свежестью и сильно потертый бархатный ковер под преддиванным столом оканчивал убранство.

Лакей поставил чемодан Николая Леопольдовича у входных дверей в передней, вынул затем из входной двери ключ с наружной стороны и воткнул его с внутренней.

– Развяжи чемодан и открой его, – приказал Гиршфельд, подавая лакею ключ.

Тот начал исполнять приказание.

Чемодан был открыт.

Тем временем Николай Леопольдович подошел к окну, противоположному двери, распахнул его, так как воздух в номере показался ему спертым.

– Приготовь мне умыться, я выну сам, что мне нужно, – обратился он к слуге. Тот быстро поднялся с пола и исчез за дверью.

От сквозного ветра дверь сильно, с каким-то звоном хлопнула. Николай Леопольдович вздрогнул.

– Фи, как я разнервничался! – обозлился он сам на себя.

Вынув из чемодана необходимое платье, белье и привезенные фотографии, Николай Леопольдович запер его и приказал вернувшемуся с водой лакею перенести в спальню. Когда все это было исполнено, он, совершив свой туалет, взглянул на часы.

Было без десяти минут четыре.

Он приказал подать себе обед, решив, что после обеда отправится к Шестовым, прогулявшись предварительно по городу.

Обед оказался превосходным.

За чашкой кофе, Николай Леопольдович закурил дорогую сигару, из данных ему на дорогу князем Александром Павловичем, и обратился к убиравшему со стола лакею.

– Далеко, братец, отсюда дом князя Дмитрия Павловича Шестова?

– Никак нет-с. Два шага по Дворянской. Сейчас, как выйдете из подъезда, повернете налево, за угол, дойдете до бульварчика, что у Собрания, по правой стороне против бульварчика, второй дом будет, одноэтажный, в пять окон, окрашенный в дикую краску.

– Дворянская-то улица у вас, конечно, лучшая? Далеко они тянется?

– Никак нет-с, не лучшая, – осклабился лакей. – Лучшая – Дворцовая. Как бульварчик пройдете, в нее и упретесь.

– Городской сад есть?

– Как же-с, около дворца.

– Какого дворца?

– Так у нас губернаторский дом называется.

Докурив сигару и получив эти топографические сведения, он взял шляпу, захватил пакет с фотографиями и приказал подать себе пальто.

– Где же ключ? – посмотрел он на дверь, выходя. Лакей вернулся в номер.

На внутренней стороне двери ключа не оказалось. Лакей бросился искать на полу передней, в приемной, забежал даже в спальню, но бесполезно. Ключ исчез.

– Куда он мог запропасться? – недоумевал слуга. – Я сам его вставлял в замок.

Он начал снова поиски, но снова безуспешно.

– Надо будет доложить хозяину, может у него найдется запасной, – решил он.

– Иди, докладывай, только поскорей! – сказал Николай Леопольдович. – Мне некогда.

Лакей побежал и через несколько времени возвратился с другим ключом, который и вручил Гиршфельду.

Тот запер дверь, положил ключ в карман и удалился.

– И куда он мог деваться? – продолжал рассуждать сам с собою лакей о пропавшем ключе, осматривая внимательно пол коридора, возле двери.

Поиски ключа отняли немало времени, а потому когда Николай Леопольдович дошел до указанного лакеем гостиницы бульварчика и посмотрел на часы, то оказалось, что было без четверти семь.

«Посижу четверть часика, а ровно в семь пойду», – подумал он, опускаясь на одну из скамеек бульвара. В воздухе было жарко.

Небольшой бульварчик был обсажен густыми липами, дававшими прохладную тень, и Гиршфельд с наслаждением вдыхал распространяемую ими свежесть.

XXVI

Будущая наследница

Дом князя Дмитрия Павловича был весь виден с этой скамейки. Он выделялся среди других строений, несмотря на мрачную дикую окраску, своим уютным, приветливым видом. Стекла его пяти окон с зелеными ставнями были замечательно чисты и ярко блестели на солнце. За большими, окрашенными в такую же, как и дом, краску, отворенными настежь воротами виднелся усыпанный песком двор, содержащийся в идеальной чистоте. Со двора направо, в дом вело парадное крыльцо, обтянутое чистой парусиной.

Каким-то теплом, радушием и гостеприимством веет от таких домиков, все реже и реже встречающихся на святой Руси, не только в столицах, но и в губернских городах. Они год за годом уступают место домам другого типа, – большим и красивым, но, увы, ни величина новых, ни вычурная красота их архитектурного стиля не могут скрыть от глаз наблюдателя, что в основу их постройки положен не комфорт отжившего старого барства, а гешефт новых народившихся дельцов.

Чувство какого-то покоя, чувство предвкушения приветливой встречи охватывает приближающегося к такому жилищу, непременно, так и кажется, добрых, бесхитростных, простого закала людей.

Такое же, или почти такое же чувство шевельнулось в душе Николая Леопольдовича, когда он подошел к парадному крыльцу и дернул за блестящую, как золото, медную ручку звонка.

– Дома? – спросил он отворившего ему дверь казачка. Тот с недоумением посмотрел на него, видимо не привык к подобного рода вопросам.

– Пожалуйте-с. Вы не из усадьбы? – спросил он, оглядывая с любопытством нового гостя.

– Да, из усадьбы. От князя Александра Павловича. Доложи.

«И здесь уже ждут!» – подумал он про себя.

– Пожалуйте-с в гостиную, – произнес снова казачок, сняв с него пальто и указав на дверь, ведущую в залу.

Николай Леопольдович последовал его указанию.

Зала, в которую он вступил из передней, была большая.

Три окна выходили на улицу и два на двор. Убрана она была по-старинному. Два громадных зеркала в рамах из красного дерева висели в простенках. Под ними стояли ломберные столы. Слева, от входной двери, находилось старинное фортепиано, с потолка спускалась небольшая бронзовая люстра с хрустальными подвесками; на стенах было несколько бронзовых бра. На окнах с подъемными шторами ослепительной белизны стояла масса цветов. Пол, прочно выкрашенный под паркет, блестел как лакированный. Старинные стулья с высокими спинками и две старинных лампы, на высоких витых деревянных подставках, стоявшие в углах, дополняли меблировку.

Гостиная, убранная так же, как и зала, по-старинному, мебелью красного дерева, с лакированными спинками и мягкими подушками, обитыми коричневым сафьяном, атласными такого же цвета гардинами на окнах, заставленных жардиньерками, полными цветов, была бы мрачна, если бы не вышитые подушки на диване, скамеечки и разбросанные там и сям на столиках и креслах белоснежные вязаные салфеточки, придававшие ей уютный и приветливый вид и указывавшие, как и чистота залы, на заботливую аккуратную женскую руку. Старинный персидский ковер покрывал пол, а на преддиванном столе, покрытом бархатною скатертью, стояла дорогая касельская лампа.

«Ого! – подумал Николай Леопольдович. – Эта старина стоит и теперь хорошие деньги».

Не успел он прикинуть в уме приблизительно стоимость окружающей его обстановки, как дверь, ведущая во внутренние комнаты, бесшумно отворилась и на ее пороге появилась грациозная, худенькая блондинка, с заплетенными в одну роскошную косу золотисто-льняными волосами, видимо, оттягивавшими назад ее миловидную миниатюрную головку.

Она была одета в простенькое светло-голубое платье из легкой бумажной летней материи.

Это была княжна Лидия Дмитриевна.

– Вы Николай Леопольдович Гиршфельд, из Шестова? – с детской простотой подошла она к гостю, только что хотевшему представиться, и протянула ему руку.

– К вашим услугам! – отвечал он.

– А я Лида, сестра Марго, которую вы знаете. Она, вероятно, вам говорила обо мне, а может и нет? – наивно вопросительно поглядела она на Николая Леопольдовича.

– Очень часто, и с восторгом! – поспешил успокоить ее Гиршфельд.

Княжна улыбнулась довольной улыбкой.

– Это и сделало то, что я с большим нетерпением ожидал удобной минуты вам представиться! – продолжал он.

Княжна покраснела.

– Что же это я говорю с вами, а не прошу сест! Садитесь, пожалуйста!

Они уселись около преддиванного стола.

– Князь Александр Павлович просил меня передать вам вот эти фотографии, – подал Николай Леопольдович ей пакет.

– Фотографии? – переспросила она.

– Да, виды, снятые нынешним летом с усадьбы и живописных мест Шестова.

– А, очень рада, очень рада, я так люблю Шестово, но папа болен, и я уже три года как не была там. Это баловник дядя для меня и задумал снять виды. Я уж знаю. Я ему как-то раз выразила желание... – затараторила Лидия Дмитриевна, развернув фотографии и любуясь ими.

– Вот и проклятый дуб, там никогда не бывала: страшно, а вы? – обратилась она к Гиршфельду.

– Я бывал! – усмехнулся тот.

– Ночью?

– И ночью.

– И ничего?

– Ничего.

Княжна посмотрела на него с каким-то суеверным страхом.

– Я сейчас скажу папе, его вам вывезут. Он ведь теперь совсем не может ходить... – с грустью сказала она и вышла в ту же дверь, оставив ее полуоткрытой.

«Заманчивая штучка, особенно для сластолюбивых старичков! Грезовская головка – выражение невинности и глупости на лице!» – подумал Николай Леопольдович, провожая ее глазами.

– Очень рад, очень рад, проси сюда к чаю, запросто! – послышался из соседней комнаты добрый старческий голос.

Княжна Лидия быстро впорхнула в гостиную.

– Папа просит вас в столовую, вы застали нас за чаем, так не хотите ли, запросто.

– С большим удовольствием! – поклонился Гиршфельд и последовал за княжной.

В небольшой столовой за столом, уставленным разного рода домашним печеньем, с кипевшим прекрасно вычищенным томпаковым самоваром-вазой, в кресле на колесах,

сидел князь Дмитрий Павлович Шестов и какой-то молодой, скромно одетый, выразительный брюнет.

Князь Дмитрий Павлович был чрезвычайно симпатичный старик, с открытым, добродушным, чисто русским лицом. Остатки седых волос были тщательно причесаны по-старинному, на виски, густые седые брови, нависшие на добрых, юношески-свежих глазах, были бессильны придать им суровый вид. Длинные седые усы с подусниками сразу выдавали в нем старую военную складку, если бы даже он не был одет в серую форменную тужурку с светлыми пуговицами – его обыкновенный домашний костюм. Ноги старика были закрыты пледом.

В столовой было прохладно. Два окна, выходившие в сад, были открыты.

Николай Леопольдович представился князю и передал ему письма его брата и дочери.

– Очень рад познакомиться... – с чувством пожал князь ему руку.

– Вы позволите? – указал он на письма.

– Помилуйте, пожалуйста! – отвечал Гиршфельд. Князь распечатал письма и принялся за чтение.

– Антон Михайлович Шатов, Николай Леопольдович Гиршфельд! – представила княжна молодых людей и заняла свое место за самоваром.

Новые знакомые пожали друг другу руки. Княжна подала Гиршфельду стакан чаю, тот взял его, поклонившись, и присел к столу.

XXVII

Идеалист

Антон Михайлович Шатов был тот самый «идеальный друг» княжны Маргариты Дмитриевны Шестовой, мысль о котором, подобно голосу совести, возникла в уме княжны перед роковой для нее беседой с Гиршфельдом в «старом парке».

Княжна, впрочем, ни одним словом не обмолвилась об этом знакомстве своему новому другу.

В начале она даже позабыла о его существовании в вихре увлекшей ее страсти, а потом как-то инстинктивно не хотела профанировать чистое чувство этого человека перед практически до цинизма спутником ее жизни.

Саркастическая улыбка, с которой непременно встретил бы Николай Леопольдович рассказ о начале романа ее юности и о герое этого романа, казалось ей, до боли потревожит память о ее прошлом, а эту память, несмотря на уверенность в счастье настоящего и будущего, она почему-то ревниво охраняла.

По окончании курса, Антон Михайлович поселился в доставшемся ему после смерти отца небольшом наследственном домике на окраине города Т., занялся практикою и стал готовиться к докторскому экзамену.

Молодой, внимательный и счастливый врач, он скоро заслужил доверие города и практиковал на славу.

Впрочем, не хорошая практика, не родной город и не родительский дом, с которыми связывали его столь дорогие для всех воспоминания раннего детства, привлекали его в Т.

Неразделенное чувство, как известно, сильнее и живучее.

Такое-то чувство сохранял он в своем сердце к княжне Маргарите Дмитриевне.

Она не ошибалась, чувствуя, что до сих пор ее пленительный образ занимает воображение молодого идеалиста, что до сих пор одно ее слово способно перевернуть весь склад его жизни.

Он давно уже подыскал в уме своем оправдания ее с ним поступка, ее поспешного бегства из Москвы, после того счастливого для него дня, когда он увидел в ее глубоких, как море, глазах светоч зарождающейся взаимности.

«Она боялась помешать мне и себе работать, сделаться полезными человечеству. Она испугалась мысли, чтобы время восторгов взаимной любви не стало для нас второй Капуей. Она принесла, быть может, свое личное чувство, возможность своего личного счастья на алтарь общего дела».

Он за это был от нее в восторге.

Новые встречи, новые люди успели на время заглушить в ней зародившееся к нему чувство, но он уверен, что оно еще тлеет под пеплом и будет время, когда оно разгорится, если не в пожар (он этого не хотел, он даже боялся этого), то в скромный приветливый костерок семейного счастья.

Дом ее отца, где он изредка, раз в год, мог видеть ее, где она провела свое детство и юность, где все напоминало о ней, стал для него тем любимым, уютом, где он отдыхал, витая в прошедшем, мечтая о будущем.

Настоящее его было: работа, наука и практика.

За последнее, впрочем, время любовь его к княжне Маргарите, приезжавшей в отцовский дом раза три, или четыре, не то чтобы уменьшилась, а как-то притупилась. Мечты о возможности грядущего счастья хотя и не покидали его, но помимо его воли являлись закутанными в дымку сомнения.

Теплота дружеских отношений к нему князя Дмитрия Павловича, худо скрытое восторженное обожание со стороны княжны Лиды постепенно примиряли его с действительностью.

Порой даже у него являлась мысль: не в этой ли действительности следует искать ему столь желанной тихой пристани?

В доме князя Дмитрия Павловича Шатов был уже несколько лет почти ежедневным гостем, считался как бы родным. Отсутствие его за обедом или вечерним чаем было редким явлением.

– Кто это нынче увлек нашего молодого доктора? – обыкновенно говорил князь, не видя его за столом и лукаво поглядывая на краснеющую под взглядом отца Лмду.

Князь догадывался о чувствах его младшей дочери к молодому гостю, не подозревая чувств последнего к его старшей дочери.

К чести князя Дмитрия Павловича надо сказать, что он был весьма невысокого мнения о геральдических достоинствах, и молодого энергичного труженика науки далеко ее считал неравною партией для княжны Шестовой.

Поведение Шатова, исполненное чисто братских чувств по отношению его к княжне Лиде, непоколебимая уверенность князя в высокой честности и чистоте взглядов его молодого друга делали то, что князь спокойно доверял ему свою дочь, и Шатов, к величайшему удовольствию влюбленной Лиды, был постоянным и бессменным ее кавалером на прогулках и редких выездах.

В городе все считали его женихом княжны Лидии Дмитриевны, необъявленного еще за юным возрастом невесты.

Никто, конечно, и не подозревал, что любовь к старшей сестре со стороны предполагаемого жениха препятствует счастью младшей.

Менее всех подозревала это сама княжна Лида.

Долгие беседы с Шатовым о княжне Маргарите, видимо, весьма для него приятные, доставляли и ей большое удовольствие.

Разделяемый им ее восторг по адресу старшей сестры она считала, лишь должною данью достоинствам княжны Маргариты.

Будучи еще совсем ребенком, княжна Лида не ведала страсти и ее вполне удовлетворяло то нежное внимание, с которым относился к ней любимый ею человек, отыскавший эту нежность в своем сердце, переполненном любовью к другой.

В альбоме Лиды, большой охотницы до стихов, находилось между прочими стихотворение Шатова, написанное по ее просьбе на второй год пребывания его в Т.

Восторженный медик был немножко и поэтом.

В этом стихотворении он сравнивал княжну Лидию с манящей его тихой пристанью, и ее сестру – с бурным морем, пробуждающим в нем желание мчаться вдаль.

Впрочем, с течением времени, как мы уже сказали, отношения Шатова к этим двум встретившимся на его пути девушкам несколько изменилось.

Привязанность к нему княжны Лиды, ежедневные встречи с ней, давшие ему возможность узнать ее близко и оценить все достоинства этой детской, нетронутой души, постепенно оттесняли в глубину его сердца яркий образ ее сестры, а братское нежное чувство дружбы превращалось незаметно для него самого в чувство тихой, без вспышек, страсти.

Ко времени нашего рассказа ему шел двадцать девятый год.

XXVIII

За чаем

Князь Дмитрий Павлович окончил чтение писем и передал их дочери.

– Брат Александр пишет, что в половине сентября приедет в город недели на две. Из письма Марго видно тоже, что она приедет к этому времени. Тебе тут тоже есть от нее записочка.

– Вот это хорошо, это очень кстати, что все будут в сборе! – радостно воскликнула она, бросив полный любви взгляд на Шатова, и занялась записочкой сестры.

От наблюдательности Гиршфельда не ускользнул это взгляд.

«Ого, – подумал он. – Дело-то у этих голубчиков, кажется, уже на мази. Ну, да Бог с ними. Двухсот тысяч тебе, голубчик, в приданое не получить!»

– Очень, очень, повторяю, приятно мне вас видеть у себя. Заочно я уже давно знаком с вами, так как брат Александр в каждом письме упоминает о вас, расхваливая вас, как человека и как воспитателя и руководителя его сына... – обратился князь Дмитрий к Николаю Леопольдовичу. Тот, сделав сконфуженный вид, поклонился.

– Это не комплимент, я вполне убежден в ваших высоких качествах, так как без них приобрести дружбу и доверие брата, особенно в такое короткое время, невозможно. Мы с братом люди тяжелые, подозрительные и свое расположение даром и опрометчиво не даем.

Князь при последних словах своими добрыми глазами посмотрел на Антона Михайловича, занятого разговором в полголоса с княжной Лидой.

До наострившего уши Гиршфельда долетали слова: свадьба, Москва, экзамен.

Громкий голос князя мешал ему слышать более.

– Особенных достоинств я за собой не вижу, я только исполняю свой долг, – отвечал он на последние слова князя Дмитрия.

– Скромность – вот уже первое достоинство! – заметил тот.

Гиршфельд потупил глаза, все настойчиво прислушиваясь к разговору молодых людей на другом конце стола.

Чаепитие, между тем, окончилось.

Завязался общий разговор.

Из него Николай Леопольдович узнал профессию и положение своего нового знакомого – Шатова и увидел близость его отношений к дому князя Дмитрия.

Не ускользнула от него и нежная любовь к молодому другу дома, прорывающаяся в словах и взорах княжны Лиды.

Чувство злобного недоброжелательства, желчное настроение при виде чужого счастья напали на него.

«Не худо бы лишить этого молодца его лакомого кусочка, может и нам пригодится. Надо переговорить с Маргаритой...» – пронеслось у него в голове.

– Папа, тебе пора спать, ты и так дурно себя весь день чувствовал... – сказала княжна Лида, взглянув на висевшие в столовой часы, показывавшие одиннадцать – время, в которое князь Дмитрий Павлович обыкновенно ложился спать. В доме князя Дмитрия не ужинали никогда.

– Мне теперь лучше, можно бы и посидеть для дорогих гостей, – заметил князь, сдерживая зевоту.

Гости поняли, что это любезность, и стали прощаться.

– Жду вас завтра к обеду, без церемонии, отказом обидите меня и молодую хозяйку, – крепко пожал князь Дмитрий руку Гиршфельду.

– Сочту за честь... – раскланялся последний.

– Лучше, если это доставит вам удовольствие, – отвечал князь.

– В этом едва ли можно сомневаться, – заметил Николай Леопольдович, с чувством пожимая на прощанье маленькую ручку княжны Лиды.

Он, впрочем, у всех хорошеньких женщин пожимал руки с чувством.

– Вас я не приглашаю, вы свой, – простился князь с Шатовым.

– Еще бы его приглашать теперь! – улыбнулась княжна Лида, подчеркнув последнее слово.

Молодые люди вышли из ворот княжеского дома. Была прелестная августовская свежая ночь.

– Какая чудная ночь! Вам далеко? Я бы с удовольствием прогулялся! – обратился Гиршфельд к Шатову.

– Да, я живу довольно далеко, за Дворцовой улицей, за мостом, впрочем, что же я вам объясняю, ведь вы первый раз в городе? – отвечал тот.

– В первый, а потому и хотел обратиться к вам с вопросом, где бы у вас тут поужинать? Хотелось бы не дома, а на народе.

– В ресторане при гостинице «Гранд-Отель».

– Это будет дома – я там остановился.

– В Коннозаводском собрании.

– Это что за учреждение?

– Так называется местный клуб.

– Но там нужно, вероятно, записываться?

– Конечно, но я состою членом, хотя очень редко бываю, но могу вас, если хотите, записать: идти мне все равно мимо.

– А поужинать вместе? – предложил Гиршфельд.

– Нет, благодарю вас, я никогда не ужинаю и дома у меня спешная работа... – отказался Шатов.

– Так будьте так добры, запишите.

– С удовольствием.

Гиршфельд последовал за Шаговым.

Они прошли бульварчик, вышли на Дворцовую улицу и повернули налево.

– Какие, видимо, прекрасные люди эти Шестовы... – прервал молчание Николай Леопольдович.

– Князь образцовый человек, один из типов вырождающегося, к сожалению, поколения... – серьезно заметил Шатов.

– Ну, и в их поколении тоже много было сорной травы! – вставил Гиршфельд.

– Но зато были люди, каких теперь нет – носители идеалов.

– Каких идеалов?

– Честности, стойкости и неподкупности убеждений и бескорыстной любви.

– Почва была для возрастания этих сладостей за спиною крепостной, рабочей силы, – сквозь зубы проговорил Гиршфельд.

Шатов не ответил ни слова.

– Он куда дряхлей на вид князя Александра Павловича, не смотря на то, что моложе... – вышел из неловкого молчания, после своей неуместной фразы, Николай Леопольдович.

– Он серьезно болен, – печально отвечал Шатов, – кроме паралича ноги у него болезнь сердца. Бывший с ним сегодня перед обедом припадок меня очень беспокоит. Я боюсь, что княжна Лидия Дмитриевна скоро делается сиротой.

– Вы думаете?

– К сожалению, почти уверен.

Они дошли до ярко освещенного здания – это и было Т-ское коннозаводское собрание.

Шатов записал Гиршфельда в клубную книгу и простился с ним.

– Поужинали бы вместе? – снова предложил Николай Леопольдович.

– С удовольствием посидел бы с вами, если бы не спешная работа... – извинился Шатов и вышел из швейцарского клуба.

Николай Леопольдович стал подниматься по освещенной лестнице.

XXIX В клубе

Т-ский клуб был устроен по обыкновенному типу провинциальных клубов.

Запертая в обыкновенные дни танцевальная зала, несколько игорных, бильiardная и столовая с буфетной в глубине.

Посетителей было довольно много.

В игорных комнатах слышны были лишь карточные возгласы.

Из бильiardной доносились щелканье шаров и счет маклера.

В столовой было шумно.

Громкий говор и хохот указывали на собравшуюся веселую компанию.

Гиршфельд направился туда.

Не успел он войти, как один из сидевших за столом вскочил и бросился к нему навстречу.

– Ба, кого я вижу, какими судьбами, откуда?

Это был Владимир Павлович Кругликов.

Гиршфельд объяснил причины своего приезда в Т. и то, что он явился в клуб прямо от князя Дмитрия Павловича.

– Значит ужинать, потому у князя Дмитрия не поужинаешь. Я не говорю это в том смысле, как говорит русский народ «не пообедаешь» князь – сердечный человек, и в буквальном смысле пообедать у него можно очень даже вкусно... – затараторил Кругликов.

– Я завтра в этом надеюсь убедиться: зван обедать! – улыбнулся Гиршфельд.

– На кого сюда записались?

– Меня записал доктор Шатов, с которым я познакомился у князя.

– А, жених!

– Чей?

– Княжны Лидии Дмитриевны. Это держится пока под секретом, но в этой приятной должности он состоит давно. Чай записал, а сам драло?

– Да.

– Чудак, домосед, а хороший, душевный парень и прекрасно знает дело. Да что же мы стоим! Милости прошу к нашему шалашу. В компании веселее. Люди все собрались выпить не дураки. Ужинать еще рано. Красенького выпьем?

– Пожалуй.

– Человек, бургунского!

Владимир Павлович быстро представил Гиршфельда человекам около десяти, занимавшим почти половину громадного стола, назвал их по фамилиям.

– Это, господа, необыкновенный человек, – возгласил Кругликов, указывая на Николая Леопольдовича. – Несмотря на его молодость и красоту, князь Александр Павлович Шестов имеет к нему полное доверие. Он доверяет ему все, даже свою жену.

Присутствующие расхохотались.

– Это еще не все. Он образцовый ментор юридического сына князя Шестова.

Хохот усилился.

Особенно громко и задумчиво хохотал сидевший тут же барон Павел Карлович Фитингоф, занимавший уже давно место правителя канцелярии губернатора и бывший правою рукою барона Фалька.

Павел Карлович, спустя полгода после свадьбы Зинаиды Павловны, женился на племяннице баронессы Ольги Петровны, на той самой, которая была неудачно выписана ею из Петербурга для оболыщения князя Александра Павловича.

Он был уже отцом четырех дочерей.

Николай Леопольдович нашел нужным тоже улыбнуться и только укоризненно покачал головою по адресу Владимира Павловича.

– Когда вы перестанете балаганить?

– Кончил, дружище, кончил! – потрепал его по плечу Кругликов. – Вот кстати и бур-гунское.

Николай Леопольдович поместился рядом с Владимиром Павловичем.

Прерванный приходом Гиршфельда разговор возобновился.

Собравшиеся оказались все охотниками.

Разговор шел о собаках.

Говорил, впрочем, почти один Кругликов.

– Что вы там ни говорите, барон, про своего Арапа, собака, нет слов, хорошая, но до моего Артура ей далеко. На вид она у меня не мудреная, по душе скажу, даже и порода не чиста, но ума палата, да не собачьего, сударь вы мой, а человеческого ума. Не собака – золото; только не говорит, а заговорит – профессор. Вы что это, господин ментор, в усы смеетесь, или не верите? – обратился он к Гиршфельду.

– Нет, я ничего, так! – улыбнулся тот.

– То-то так! Нет, вы послушайте, я вам про моего Артура расскажу, диву дадитесь, благоговение почувствуете, зря хвалить не буду – не продавать. Не продажный он у меня. Генерал Куролесов полторы тысячи за него давал. За пятнадцать тысяч говорю, ваше превосходительство, не отдам. Так-то.

– Расскажите, расскажите, это интересно! – послышались голоса.

– А вот что расскажу я вам, государи мои, – начал Кругликов, – охотился это я прошлым летом, охота не задалась, еду я обратно. Артур возле дорожка, по полю, бежит, вдруг стоп – остановился. Я попридержал, думаю, посмотрю, что такое. Вижу Артур стоит и как раз перед кочкой, как вкопанный. Заинтересовало это меня, сошел я с лошади, иду и как близко стал подходить – место низкое, вижу на кочке сидит дупель, а перед ним Артур стоит и оба не пошевеливаются. Я ближе, ни с места, и что же вы думаете, государи мои, шапкой я дупеля-то прикрыл. Это он, значит, под взглядом Артура окаменел, а может быть и загляделся, потому что при стойке – картина, а не собака.

– Да, это случай на самом деле из ряда вон... – заметили слушающие, едва сдерживая хохот.

– Да что тут случай, – продолжал Кругликов. – Года два тому назад с Артуром у меня случай был, так случай, кабы мне кто рассказал, не поверил бы, ей-ей, не поверил. Охотился я близ имения графа Панскова, чай все его знаете, а в самом имении графа охота на диво, ну, да запрещает. Отправился, однако, я к нему сам, принял радушно, обедать оставил и приказ в контору дал охотиться мне у него не препятствовать. Денька это два спустя поплелся я с Артуром в его лесок. Молоденький этакий с кустарничком, самое тетеревиное место. Только это я ступил на опушку, Артур впереди и уже встал, а навстречу мне сторож. «Не приказано здесь охотиться, говорит».

– Мне, говорю, сам граф позволил, и фамилию свою назвал.

– Не можем знать, только не приказано.

– А далеко, говорю, контора?

– Да версты три с небольшим будет.

– На, говорю, тебе полтину, сходи спроси: Кругликову, дескать, дозволено ли охотиться? А до тех пор я выстрела не сделаю.

– Записал это я ему на бумажке мою фамилию и отправил, сказав, что тут же и подожду его. Парень пошел. Смотрю, а Артур все стоит. Сел это я на опушке, трубочку закурил, потом

прилег, не идет мой парень назад. Соскучился я и вздремнул, с час с места таки проспал. Парень мой вернулся, разбудил.

– Виноват, говори, ваше высокородие, извольте пулять.

– Глянул я на Артура – все стоит. Пиль! – закричал я, выпалил, ну, две штуки на месте и положил. Вот это собака, а вы – Арап. Далеко вашему Арапу! – обратился Владимир Павлович к барону Фитингофу.

Тот только улыбнулся.

– Я ничего не вижу особенного, – проговорил Гиршфельд, – собака у вас, значит, часа два простояла?

– Да-с, два часа, или около этого. Как же это ничего особенного? – налетел на него Кругликов.

– Да так! С одним моим знакомым был случай не в пример необыкновеннее вашего. Жил это он в своем имении Харьковской губернии, сад у него был при доме большой, а за садом болото. Вот он раз утречком взял ружье, собаку крикнул – Нормой звали – и отправился через сад на болото. Собака вперед убежала и на болоте уже стойку сделала, а он только что к нему подходить стал, как вдруг из дому лакей бежит.

– Пожалуйте, говорит, домой, эстафета.

– Вернулся мой приятель, получил известие о смерти своей тетки, жившей в ближайшем уездном городе. Сейчас это лошадей туда. Пока там, с похоронами возился, наследство кое-какое осталось ему по завещанию, пришлось в губернский город ехать – утверждать завещание. Все это он покончил, имущество принял, во владение ввелся. Месяца через два в имение к себе вернулся.

– А где же, говорит, Норма?

Хвать-похватъ – нет собаки.

– Да ведь с тех пор, как вы тогда на охоту пошли, ее и не видать, – сообразили домашние.

Пошли на болото и что же? Собака скелет и дупель – скелет. Вот это стойка! – засмеялся Гиршфельд.

Присутствующие разразились неудержимым хохотом.

Владимир Павлович обиделся и стал плотками отпивать бургунское.

Это продолжалось, впрочем, недолго.

– Э, да вы большой руки шутник! – потрепал он его по плечу.

– Вывьем лучше.

Гиршфельд чокнулся.

Попойка, а затем и ужин пошли своим чередом.

В пятом часу утра Кругликов подвез Гиршфельда к подъезду гостиницы «Гранд-Отель».

XXX Первый поцелуй

Николай Леопольдович, сказав себе, что дело у этих голубчиков, как он назвал Шатова и княжну Лиду, кажется, на мази – не ошибся.

Шатов накануне того дня, когда Гиршфельд приехал в Т., сделал предложение княжне Лидии Дмитриевне и получил согласие как ее, так и ее отца.

Это случилось для него совершенно неожиданно.

После обеда, когда князя Дмитрия Павловича увезли, по обыкновению, в кабинет подремать и молодые люди остались в гостиной одни, Антон Михайлович, между прочим, заговорил о своем отъезде в Москву для экзамена и защиты диссертации.

– Вы, конечно, туда не надолго? – испуганным голосом спросила Лида.

– Нет, вероятно, придется остаться в Москве, мне предлагают место ординатора при клинике, там более материала для нашей науки и отказаться перейти в столицу – грешно. Это значит пожертвовать наукой.

– А пожертвовать мной ничего не значит, расставшись навсегда? – вдруг каким-то неестественным голосом вскрикнула она и неудержимые слезы брызнули из ее глаз.

Он машинально опустился перед ей на колени.

Этот безыскусственный взрыв неподдельного горя детски чистой, наивной души произвел на него чарующее впечатление.

Разлука с этим плачущим, беззаветно любящим его ребенком представилась для него самого невозможной.

– Зачем же расставаться, можно и не расставаться, если вы только согласитесь быть моей женой! – сам не свой, прошептал он, отнимая руки княжны от ее лица.

Руки повиновались и упали ему на плечи.

Прелестное заплаканное личико, озаренное улыбкой счастья, более красноречивой, нежели всякое согласие, выраженное словами, приблизилось к его лицу.

– Милый, хороший! – шепнули ее губки. Их уста слились в долгом поцелуе. Княжна Лида опомнилась первая.

Быстро вскочила она с кресла и, снова закрыв лицо руками, бросилась вон из комнаты.

Шатов остался один.

Он почувствовал какое-то просветление, как-то особенно легко стало ему. Точно у него спала с глаз долго бывшая на них повязка, точно он сбросил со своих плеч какую-то долго носимую тяжесть.

Девственно чистый поцелуй, казалось ему, рассеял мрак, окутывавший его страсти, дал ему силу сбросить с себя гнет прошедшего.

Он возродился.

Твердую походкой бесповоротно, уже осмысленно решившегося человека направился он в кабинет князя Дмитрия, как бы предчувствуя, что его Лида должна быть именно там.

Он не ошибся.

Прямо из гостиной, после первого неожиданного для нее самой, подаренного ею любимому и любящему человеку поцелуя, бросилась она в кабинет к отцу, забыв даже, что он предается послеобеденному сну.

Быстрый вход дочери разбудил старика, дремавшего в кресле.

Он с удивлением увидел ее заплаканное лицо.

– Что случилось, что с тобой?

– Я счастлива, папочка, счастлива! – упала она к нему на грудь и зарыдала.

– Если счастлива, так чем же ты плачешь, разве плачут от счастья?

– Плачут, папочка, плачут, я так счастлива, что не могу ничего более делать, как плакать.

– Но в чем же дело, утри слезки и расскажи толком.

Она бросилась его целовать.

– Я люблю, папочка, и любима...

– Кем это? Вот им? – улыбнулся князь, указывая на входящего в кабинет Шатова.

– Им, им? – прошептала она и снова спрятала свое лицо на груди отца.

– Князь, я люблю вашу дочь и прошу ее руки. С ней я уже говорил – она согласна! – дрогнувшим от волнения голосом произнес Антон Михайлович.

– Во-первых, я для вас не князь, а Дмитрий Павлович, а во-вторых, надо бы прежде поговорить со мной... – с напускной суровостью проговорил он.

– Простите, это вышло для нас обоих так неожиданно... – стал оправдываться Шатов.

– Прощаю, прощаю. Возьмите ее от меня, пожалуйста, совсем, а то она мне все пальто слезами испортит, только чур, чтобы в жизни ее с вами были только такие слезы – слезы радости.

Князь нежно отстранил от себя рукою дочь, которую Шатов бережно принял в свои объятия. Она взглянула на него сквозь слезы.

– Милый, хороший! – прошептали ее губы.

– Будьте покойны, Дмитрий Павлович, что я не допущу печали коснуться этой ангельской души, что ценой целой жизни я буду бессилен заплатить за дарованное мне судьбой счастье! – уверенно произнес Антон Михайлович.

– Да благословит вас Бог! – произнес князь над коленопреклоненными дочерью и Шатовым.

– Я люблю вас, как сына и верю вам... – с чувством обнял он наклонившегося к нему после благословения Антона Михайловича и крепко поцеловал будущего зятя. – Поцелуйте теперь невесту.

Княжна Лида успела уже вытереть слезы и, вся зардевшись, исполнила приказание отца.

Увы, это уже был не тот – первый поцелуй.

– Прикажете выкатить меня в гостиную – там потолкуем.

Жених и невеста вышли из кабинета. В этот же вечер было решено до времени не объявлять о помолвке, а написать дяде и сестре в Шестово. Княжна Лида принялась писать письма. Князь со своей стороны написал брату. Письма были отправлены с тем же нарочным, который был прислан в город князем Александром Павловичем заказать номер в гостинице «Гранд-Отель» и уведомить князя Дмитрия о визите к нему Николая Леопольдовича Гиршфельда.

Нарочный уехал с вечерним поездом.

Долго, под наплывом новых ощущений, не могла заснуть в эту ночь княжна Лида. Ей представлялось, как обрадуется дядя, узнав о счастье своей любимицы, как будет довольна ее ненаглядная Марго.

Милый, хороший Тоня, как она мысленно называла Шатова, не выходил из ее головы.

Его поцелуи горели на устах.

Наконец, она заснула крепким сном юности, но сладостные грезы не переставали виться над ее золотистой головкой.

Не спал и Шатов.

Такая неожиданно близкая перспектива тихого семейного счастья, этого долго лелеянного им идеала, все еще казалась ему несбыточной мечтой и он с трудом верил в ее действительность.

Сон бежал от него, и картины одна другой заманчивее проносились в его воображении, а вдали, как бы в тумане, нет, нет, да и восставал все еще пленительный, но получивший какой-то мрачный оттенок, образ княжны Маргариты.

XXXI

Жизнь возле смерти

С тяжелой головой, после бессонной и бурно проведенной ночи, около двух часов дня проснулся в гостинице Николай Леопольдович.

Отперев дверь, он позвонил.

Явился лакей.

– Умываться и чаю скорей!

– К вам приходил человек от княжны Шестовой.

– От Лидии Дмитриевны?

– Так точно.

– Ко мне?

– К вам-с. Князь Дмитрий Павлович приказали долго жить.

– Умер?

– Скончались сегодня в ночь, под утро, я уж сбегал поклониться праху, на стол положили. Народищу страсть – весь город, любили их-с очень, хороший человек были, царство им небесное.

Николай Леопольдович остолбенел.

Весть о смерти вообще производит и на черствых людей тяжелое впечатление.

Это зависит от ее субъективности, от сознания неизбежности для каждого из нас переселения туда, «где нет ни печали, ни воздыхания», но где предстоит расплата за все совершенное в «земной юдоли».

Представление о такой окончательной расплате покоится на прирожденной в человеческом разуме идеи возмездия. Оно появляется рано или поздно у всех без изъятия, несмотря на глубокое убеждение иных в безотрадной «нирванне». Биографии величайших атеистов дают тому разительные примеры.

Вспомним Вольтера.

Известие же о переселении в лучшие миры человека, которого мы за несколько часов видели живым, надеющимся, не думающим о скорой разлуке с близкими, не помышляющим о том, что минуты его сочтены, что смерть, грозная, неизбежная, стоит буквально за его спиной – потрясающе.

Оно холодит мозг, мутит воображение.

Быстро одевшись и наскоро выпив стакан чаю, Гиршфельд прежде поспешил все же в банк, а затем в дом князя.

Вся улица около дома была запружена разнокалиберными экипажами, начиная с патриархальных долгушек и кончая венской изящной губернаторской коляской.

Весь город буквально съехался в дом ныне уже покойного т-ского аристократа.

Зала, где лежало на столе бездыханное, одетое в военный мундир тело князя, еще вчера так радушно принявшего Гиршфельда, была битком набита собравшейся на первую панихиду публикой.

Вся аристократия была в сборе, но кроме нее толпились люди и из других слоев т-ского общества, даже самых низших, что доказывало, что город потерял не только князя, но и человека.

Какая-то старушка на дворе искренними горькими слезами плакала и причитала о потере ею ее «родимого князюшки» и «благодетеля».

Гиршфельд протеснился в толпу.

Панихида уже оканчивалась.

По ее окончании, он благоговейно поклонился праху покойного, но взглянуть ему в лицо не посмел.

Среди собравшихся он увидел Кругликова и молча разменялся с ним кивком головы.

Бледный, мрачный Шатов стоял прислонившись к косяку двери, ведущей в гостиную.

Высказанное им вчера Гиршфельду пророчество сбылось так невозможно скоро.

Не успел он вчера же вернуться домой и сесть за работу, как за ним прислали от князя Дмитрия Павловича, с которым сделался второй припадок, сильнее первого.

Он поспешил туда и застал князя близким к агонии.

На коленях, у его постели, в белой юбке и кофте, стояла онемевшая от неожиданности случившегося, от инстинктивного предчувствия близкой потери, княжна Лида.

Роскошные распущенные волосы золотой волной падали на ее спину.

Ее позвали в тот момент, когда она делала свой ночной туалет.

– Вы пришли... это хорошо... не как доктор... а как будущий ее муж! – слабым голосом проговорил больной и повел уже затуманившимся взглядом в сторону дочери. – Как доктор... не надо... умираю...

Шатов держал князя за руку.

Пульс больного указывал на отлетающую жизнь.

Глаза Антона Михайловича наполнились слезами. Он отвернулся, чтобы скрыть их от больного, но не смог вымолвить неправды – слова утешения. Как врач, он видел, что помощь бессильна.

– Благословить... – прошептал больной. Шатов понял и опустился на колени рядом с Лидой. Больной сделал неимоверное усилие и положил на их головы свои руки.

В это время в дверях спальни появился священник – этот врач души, никогда не приходящий поздно.

Шатов встал и поднял свою невесту, которая машинально, как бы в забытии, рука об руку вышла с ним из спальни умирающего отца.

Он привел ее в гостиную и усадил на то самое кресло, с которого так недавно, только третьего дня, она убежала к отцу сообщить ему о первом ее шаге в новую полную жизнь, о решимости исполнить первый долг женщины – стать любящей женою, а теперь в соседней комнате этот ее отец и друг, благословивший ее на этот акт, отдавал последний долг в своей оканчивающейся жизни.

Священник совершил таинство.

Их снова позвали к постели князя.

Княжна Лида послушно дала Шатову снова повести себя за руку.

На столике, около постели князя, лежал вынутый священником из стоявшего в углу киота образ в золотой ризе – тот самый, которым благословляли князя Дмитрия к венцу.

Тут же лежало снятое им с руки, с помощью священника, его обручальное кольцо.

– Исполняя последнюю волю вашего батюшки, я благословлю и обручу вас, – сказал священник вошедшим.

– Да, да, благословить... – чуть слышно произнес умирающий.

– Кольцо вашей покойной матушки у вас на руке. Снимите и дайте его мне, – обратился служитель алтаря к княжне Лиде.

Та видимо не поняла ничего.

Священник взял ее руку и снял сам гладкое золотое кольцо.

Благословение и обручение свершилось.

Священник удалился.

Княжна Лида снова опустилась на колени у постели отца.

Шатов стоял рядом.

– Простите... положите в Шестове, рядом с женой... – еле произнес князь.

Княгиня Станислава Владимировна Шестова была похоронена в фамильном склепе.
– Не оставляйте, сохраните...

Князь перевел с Шатова свой угасающий взгляд на дочь.

Раздался последний вздох.

Князя Дмитрия Павловича не стало.

Присутствующие на панихиде стали разъезжаться, справляясь у Шатова о здоровья княжны Лидии Дмитриевны, которой не было видно в зале.

Шатов не считал нужным скрывать ни от кого, что он состоит ее женихом, и многим даже передал обстановку их печального обручения, и то, что покойный князь, за день до его смерти, уведомил своего брата письмом о предстоящей свадьбе и что Лидия Дмитриевна тоже написала об этом в письме дяде и сестре.

Весть об этом моментально облетела всех присутствующих.

– Княжна в постели, – отвечал Антон Михайлович на расспросы, – она так потрясена смертью столь любимого ею отца, что я боюсь, чтобы это потрясение не имело дурных последствий. Безусловный покой и сила молодости могут одни поставить ее на ноги.

Николай Леопольдович был в числе тех, которым Шатов рассказал все.

– Послали уведомить в Шестово? – спросил его он.

– Как же, но только, увы, недавно; впопыхах, ошеломленный таким неожиданно скорым концом, я совсем растерялся и позабыл, так что, пропустив утренний поезд, нарочный поехал на лошадах.

– Я завтра еду туда, но вероятно возвращусь отдать последний долг, даже один, если все уже выедут сюда... – заметил Гиршфельд.

– Не лучше ли вам подождать их здесь? – вставил Шатов.

– Нет, этого нельзя, мой отпуск кончается сегодня. Я не знаю, как взглянет на мою просрочку князь Александр Павлович. Я человек наемный! – скромно потупил он глаза и распрощался с Шатовым.

На подъезде он встретился с вышедшим уже Крутиковым, который потащил его с собою обедать в клуб.

Проголодавшийся Николай Леопольдович не отказался.

XXXII

Князь спит!

Нарочный, посланный в Шестово с известием о смерти князя Дмитрия Павловича, пришел туда, в виду невозможной проселочной дороги только в десятом часу вечера.

Князь Александр Павлович уже давно лег спать, на то указывали спущенные шторы в окнах его кабинета.

Княжна Маргарита Дмитриевна нервно ходила по дорожкам старого парка, проклиная долго тянувшееся в разлуке с Гиршфельдом время.

Завтра он должен был приехать.

Кроме горечи разлуки, тяжести одиночества, особенно в ее настоящем положении, на ее возбужденное состояние подействовало и полученное ею накануне письмо сестры Лидии.

Она невеста Шатова!

Она не могла простить ему, что ее, хотя им и не достигнутую, хотя его от себя и оттолкнувшую, он решился променять, и на кого же? На сестру, на эту кисейную аристократку.

«Нет, этот брак не должен состояться!»

Ведь тогда лишение сестры наследства – ближайшая цель, для которой она предприняла работу последних дней, страшную работу, не достигнет цели.

«Они, эти люди, не доросшие до понимания значения денег, будут счастливы и в скромной, нажитой трудом обстановке – своим мещанским счастьем».

Княжна глубоко задумалась.

– Ваше сиятельство, ваше сиятельство, пожалуйста в дом, там нарочный из города приехал! – раздался около нее голос лакея.

– От отца?

– Из их дома... – уклончиво отвечал он.

Княжна отправилась в дом.

– Письмо? – обратилась она к посланному.

– Так точно, ваше сиятельство! – подал тот ей запечатанный конверт.

Адрес был написан рукою Шатова. Сердце Маргариты Дмитриевны сжалось. Она распечатала письмо и прочла следующее:

«Многоуважаемая Маргарита Дмитриевна!

Как жених вашей сестры Лидии Дмитриевны, беру на себя печальную обязанность уведомить как вас, так и князя Александра Павловича с семьею, о кончине вашего батюшки, последовавшей в ночь на сегодняшнее число. Лидия Дмитриевна сама написать вам не в состоянии, так как, потрясенная обрушившимся на нее так неожиданно несчастьем, лежит в постели без памяти.

Имею честь быть вашего сиятельства покорный слуга А. Шатов».

Княжна выронила письмо из рук и упала в обморок.

Княгиня Зинаида Павловна, сидевшая, по обыкновению, за пасьянсом в своей гостиной, получив доклад о прибытии нарочного из города, вышла в залу в момент обморока княжны.

– Что случилось?

Ей подали упавшее на пол письмо.

Она прочла его.

Смерть князя Дмитрия, которому она далеко не симпатизировала и он платил ей тем же и даже всячески старался отговорить брата от брака с нею, не произвела на нее сильного впечатления.

– Надо доложить князю! – сказала она, когда бесчувственную Маргариту Дмитриевну унесли в ее комнату.

– Они почивают-с! – ответил Яков с затертыми мелом синяками на лице.

– Надо разбудить.

– Я уж и то около получасу стучался, никакого ответа, верно очень крепко започивать изволили.

– Постучись погромче.

Яков отправился исполнять приказание. Княгиня с письмом в руках удалилась в гостиную и, как ни в чем не бывало, занялась снова пасьянсом.

Николай Леопольдович, тяжесть разлуки с которым она тоже чувствовала, не выходил у нее из головы.

«Похороны будут через два дня. Завтра он приедет, послезавтра мы поедем вместе в Т.».

Эта мысль ей понравилась.

«А ну, как он там останется на похороны?» – смутилась она.

– Невозможно-с добудиться: стучал изо всех сил – ничего не помогает! – доложил вошедший Яков.

– Оставьте его, пусть спит, теперь все равно нельзя ехать, завтра утром передадите ему это письмо, может поехать с княжной Маргаритой Дмитриевной. Меня не будить. Доложите князю, что я приеду прямо на похороны. Велите заложить тройку рыжих. Пусть отвезут князя и княжну и подождут на станции Николая Леопольдовича... – подала княгиня Якову письмо Шатова.

– Слушаюсь, ваше сиятельство! – взял тот письмо и вышел.

Княжна Маргарита вскоре пришла в себя.

Смерть отца, к которому за последние годы она была почти равнодушна, не особенно поразила ее.

Если она упала в обморок, то это произошло от нравственных потрясений, пережитых ею в эти дни, и от рокового совпадения смерти отца с первым шагом ее по пути, предначертанному ей Гиршфельдом.

Силою своей воли она заставила себя взглянуть на дело иначе.

Смерть болевшего уже несколько лет отца представилась ей весьма естественной.

Она успокоилась.

– Князю доложили? – обратилась она к прислуживающей ей горничной Дуняше, белокурой девушке лет двадцати.

Голос ее дрогнул.

– Не могли никак добудиться, – отвечала Дуняша, – ее сиятельство не приказали больше будить и велели Якову доложить завтра.

Какая-то внутренняя дрожь начала одолевать княжну. Ее било, как в лихорадке.

– Разбудите меня, Дуняша, завтра пораньше, как только начнут запрягать лошадей, я лягу, мне что-то нездоровится.

– Ложитесь, ложитесь, барышня, ваше сиятельство, как тут не нездоровиться с такого-то горя! – заметила та, оправляя постель.

Княжна разделась и легла. Сон ее был чуток и тревожен.

Она проснулась рано, нежели в ее комнату вошла Дуняша и доложила, что лошади готовы.

Княжна стала одеваться.

– Князь проснулся?

– Никак нет-с, и не придумаем, что с ним случилось. Яков с четырех часов на ногах и уже с час как стучится. Ни ответа, ни привета.

Одевшись во все черное, княжна вышла в залу, а потом на подъезд, у которого уже стояла коляска.

На дворе собралась вся дворня, толкуя между собой и разрешая на разные лады причины такого странного долгого сна князя Александра Павловича.

– Не ладно это, братцы! – слышались возгласы.

– Может быть и помер? – догадывались другие.

– Разбуди барыню и доложи ей! – увещевал Яков Стешу.

– Поди, попробуй, разбуди сам. Стану я их сиятельство из-за всяких пустяков тревожить.

– Какие же пустяки? Может он там на самом деле не живой.

– Держи карман, не живой, смотре живехонек и здоровехонек по деревне разгуливает, раньше тебя встал... – заметила Стеша.

– Это всего раз и было, что я его проспал... – оправдывался он.

– Было, значит и теперь может быть! – безапелляционным тоном решила она.

Некоторые из дворни вскарабкались на окна кабинета, но они были завешены темно-зелеными толстыми репсовыми шторами.

– Может быть князь и в самом деле ушел, так я поеду одна, а то еще опоздаю, – заметила княжна и села в коляску.

– Пошел! – сказала она кучеру. Коляска покатила.

Дворня, полуубежденная категорическим заявлением Стеши, стала расходиться, все еще рассуждая о той или другой возможной случайности.

Один Яков нет-нет да продолжал стучаться в запертую дверь кабинета своего барина.

Ответа на стук не было.

Первое лицо, которое встретила на т-ском вокзале княжна Маргарита Дмитриевна, был Николай Леопольдович.

Проведя последний день своего пребывания в Т. с Дмитрием Павловичем, он довольно рано вернулся домой и начал укладываться.

Открыв чемодан, к удивлению своему, нашел в нем потерянный накануне ключ от номерной двери, видимо случайно упавший в раскрытый чемодан, стоявший около двери, когда лакей уходя хлопнул последней.

Сперва он хотел позвать лакея и вернуть ему ключ, но потом раздумал.

– Возможно пригодится! – мелькнуло в его практическом уме.

Он положил ключ в карман.

Когда утром, перед отъездом на поезд, он потребовал счет, то хозяин гостиницы, толстенький, чистенький обрусевший немец, явился сам и объяснил, что по приказанию князя Александра Павловича, он все записал на его счет, а потому денег принять не может.

Он, между прочим, рассыпался в извинениях в причиненном постояльцу беспокойстве историей с ключом.

Николай Леопольдович уехал на вокзал.

Утром на станции Т. происходит скрещение поездов, и поезд, на котором в этот день ехала Маргарита Дмитриевна, прибывает ранее минут на десять.

Таким образом состоялась их встреча.

– А князь? – дрогнувшим голосом спросил он ее.

– Князь спит! – выразительно отвечала она ему.

– Спит! – повторил он машинально.

– Ни вчера, ни сегодня его не могли добудиться. Существует, впрочем, предположение, что он встал сегодня ранее обыкновенного и ушел, как это с ним не раз случалось, – продолжала она ровным голосом.

Он крепко пожал ее руку.

– Здесь тебя ждет горе и радость! – заметил он.

– Радость? – вопросительно поглядела на него она.

– Радость видеть счастье твоей сестры – невесты доктора Шатова.

– Ты знаешь?

– Это знает весь город.

– Вот как!

Он передал ей в коротких словах сцену обручения у постели умирающего и то, что Шатов после смерти князя Дмитрия счел нужным объявить всем о его положении в его доме.

– Он торопится! – сквозь зубы прошипела она.

– Что ты сказала? – недослышал он.

– Я говорю, что эта радость ничто в сравнении с постигшим нас горем и что свадьбу эту придется теперь, конечно, отложить, по крайней мере, на год.

– Это будет всецело зависеть от жениха и невесты. Быть может они пожелают, исполняя волю покойного, поспешившего с их обручением, обвенчаться тихо, без обычного торжества.

– Это было бы крайне бестактно. Свадьба до истечения года со дня смерти отца! На сестру я имею влияние... – вспыхнула княжна.

Гиршфельд проницательно посмотрел на нее.

– Ты недовольна выбором сестры?

Она вскинула на него глаза, горевшие зеленым огнем.

– Какое мне дело до ее выбора! – запальчиво произнесла она. – Но все-таки было бы лучше, если бы эта свадьба не состоялась никогда.

– Почему?

– У меня есть на это свои причины, я их, конечно, объясню тебе. Теперь же поверь мне на слово, что они основательны.

– Верю.

– Но сделать это будет трудно.

– Не труднее того, что уже сделано. Если ты говоришь, что нужно, чтобы свадьбы этой не было – ее и не будет.

– Ты говоришь так уверенно.

– Имею на это тоже свои причины и тоже, конечно, объясню их тебе. Поверь мне теперь тоже на слово.

– Верю.

– Господин Шатов мужем моей сестры не будет! – с расстановкой, как бы про себя, добавила она.

– Однако, прощай, – заметил он, – на нас могут обратить внимание, да и поезд уже пришел.

Московский поезд на самом деле в это время остановился у платформы.

– Понаблюдай за оставшимися деньгами и имуществом, – проговорил Николай Леопольдович.

– Не беспокойся, знаю сама, не маленькая... – бросила ему Маргарита Дмитриевна.

Они расстались.

XXXIII

В кабинете

Николай Леопольдович, приехав в усадьбу, застал там Августа Карловича Голь, только что, впрочем, перед ним прибывшего.

В усадьбе все были на ногах, все волновались.

Многие из дворни по собственной инициативе объездили соседних помещиков, но вернулись, убедившись, что князя Александра Павловича не видали нигде.

Относительно спокойной была одна Зинаида Павловна, беседовавшая в своей гостиной с доктором.

Она присоединилась к мнению, высказанному Стешей, и тревожно поджидала Гиршфельда, уверенная, что кроме него никто не в состоянии дать разумного совета.

Тут же сидел притихший князь Владимир.

Его детское сердце инстинктивно чужало правду в толках прислуги, что с князем не ладно.

Прислуга и дворня были убеждены, что стряслось несчастье.

Недавнее появление старого князя на его скамейке подтверждало в их глазах его неизбежность.

Маленькому князю было страшно.

Это происходило не от опасения, что что-нибудь случилось с отцом.

Последний был суров, резок и ребенок не любил его.

Ему было как-то беспричинно страшно.

Тяжесть всей атмосферы усадьбы предвещала недоброе.

Явившийся Гиршфельд, поздоровавшись со всеми, выслушал рассказ княгини о происшедшем, отправился вместе с Яковом к кабинету.

– Стучи! – сказал он ему.

– Да я со вчерашнего вечера раз двадцать изо всех сил колотил... – заметил тот, но все-таки принялся стучать.

Ответа не последовало.

Гиршфельд наклонился и стал смотреть в замочную скважину.

– Ключа-с нет, я смотрел, но их сиятельство всегда вынимали, запираясь изнутри.

День был яркий. Солнце как раз ударяло в закрытые окна кабинета и маленькие полосы света едва освещали обширную комнату, пробиваясь по бокам темных штор.

Оттоманки, на которой спал обыкновенно князь, стоявшей у стены, где были двери, не было видно.

– Надо послать за полицией, за становым! – выпрямился Николай Леопольдович.

– Разглядели? – уставился на него Яков.

– Фуражка и арапник князя лежат на стуле, следовательно он в кабинете! – отвечал Гиршфельд.

– Ахти, грех какой, чужало наше сердце! – ударил себя по коленкам Яков и бросился исполнять приказание.

Николай Леопольдович отправился к княгине и сообщил ей о своем открытии и распоряжении.

– Не лучше ли отворить самим, может быть нужна немедленная помощь? – вставил Голь.

– Отворять без надлежащей власти неудобно. Мы не знаем, что встретим в кабинете. Что же касается до помощи, то если это продолжается со вчерашнего, вечера, то какой-нибудь час не составит разницы – становая квартира в пяти верстах... – отвечал Гиршфельд.

- Вам юристу и книги в руки... – согласился Голь. Княгиня заволновалась.
- Что же могло с ним случиться?
- Умереть мог, князюшка, все мы под Богом ходим, – заметил Голь.
- Как умереть? Ведь он эти дни был совершенно здоров, весел, ни на что не жаловался.

Вы, доктор, ничего не замечали в нем опасного?

- Ровно ничего. Я полагал, что он меня переживет.
- Так как же это?
- Все Бог.

– Вам следует, ваше сиятельство, приготовиться ко всему... – скромно вставил Гиршфельд.

Княгиня сделала грустный вид.

Николай Леопольдович переменял разговор и стал рассказывать о смерти князя Дмитрия и о странном обручении княжны Лиды и Шатова.

На дворе, между тем, у крыльца собралась толпа народа из дворни и даже соседних крестьян.

В передней и на крыльце толпились лакеи и горничные.

Тут же вертелась и знакомая нам Стеша, все еще продолжавшая настаивать, что все это одна пустая прокламация, и что князь живехонек и здоровехонек.

– Просто его Яков Петрович проспал, да и поднял весь этот сумбур... – ядовито замечала она.

Яков был серьезен и не обращал на нее ни малейшего внимания, что ее еще более подзадоривало.

В толпе шли громкие разговоры. Стоявшие у крыльца перекидывались замечаниями со стоявшими на крыльце и наоборот.

Несомненно было одно, что или в кабинете что-нибудь случилось, или же на самом деле князя не было в нем, так как иначе этот шум непременно разбудил бы его и он прекратил бы его немедленно одним своим появлением с традиционным арапником.

Раздался звон колокольчика.

– Едет, едет! – послышались возгласы.

В ворота усадьбы вкатил тарантас, запряженный тройкой и остановился у подъезда.

Это приехал становой пристав, Петр Сергеевич Кошелев, из когда-то блестящего гвардейского офицера коловратностью судьбы превратившийся в скромного уездного полицейского чиновника, принадлежал к тогда только еще нарождавшемуся типу полицейских новой формации, изящных, предупредительных, любезных, умеющих деликатно поступать по всей строгости законов и в меру оказывать возможное снисхождение.

Этот тип выступил на смену классических «Держиморд», еще имевших много своих представителей в благословенной провинции.

Петр Сергеевич, несмотря на свой внешний лоск, был на счету дельного служаки и любимец губернатора, благосклонно принимавшего его у себя в доме даже запросто, к великому смущению местного исправника – полицейского старого закала.

Звон колокольчиков прискакавшей тройки донесся и до угловой гостиной.

Княгиня Зинаида Павловна, в сопровождении Гиршфельда и Голя, вышла в залу встретить приехавшего чиновника. Князя Владимира Николай Леопольдович отправил вниз и сдал на руки дядьке.

После обмена приветствий и любезностей, Гиршфельд подробно изложил Кошелеву причины, по коим они решились его беспокоить.

– Вы сами, надеюсь, согласитесь, что без вашего участия отпереть двери кабинета было бы рискованно и опрометчиво, – закончил он.

Кошелев, принявший с самого начала речи Гиршфельда серьезный, глубокомысленный вид, медленно и с расстановкой ответил:

– Вы совершенно правы. Дело представляет слишком серьезную загадку, чтобы решиться приступить к ее раскрытию без вмешательства надлежащей власти.

– Таково было и мое мнение! – заметил Николай Леопольдович.

Кошелев вышел на крыльцо, выбрал из стоявших на дворе крестьян двух грамотных понятых и распорядился послать за слесарем.

Последний тотчас явился и отпер дверь.

Становой пристав с понятыми, княгиня, Гиршфельд и Голь вошли в кабинет.

Кабинет князя Александра Павловича представлял из себя обширную комнату с тремя окнами, выходящими на двор. У среднего окна, перпендикулярно наружной стене, стоял огромный старинный письменный стол с этажерками и разными шкапчиками, заваленный бумагами, чертежами и уставленный пузырьками всевозможных размеров с разными лекарственными снадобьями, свидетельствовавшими о занятиях князя ветеринарным искусством.

Старинная мягкая мебель, крытая темно-зеленым сафьяном, громадная подставка для трубок с бесчисленным их количеством и несколько оригинальных картин на стенах дополняли убранство.

Пол был застлан войлоком и покрыт клеенкой с рисунком паркета.

Отоманка, служившая князю постелью, стояла у противоположной окнам стены, влево от входной двери. В кабинете от опущенных штор было темно.

Гиршфельд поднял штору у крайнего окна.

На отоманке спал, казалось, крепким сном князь Александр Павлович.

Он лежал на левом боку, лицом к окнам.

Одеяло из тигрового меха, с которым князь не расставался круглый год, было откинута немного ниже плеч. Правая рука выбилась и лежала полусогнутой на одеяле.

Все сгруппировались около лежащего.

Один Гиршфельд стоял немного поодаль, у письменного стола.

От его зоркого взгляда не ускользнуло лежащее на столе, поверх других бумаг, письмо, начинающееся словами: «Милый, дорогой дядя», с какой-то припиской сверху, сделанной княжеской рукой.

Князь имел обыкновение, не только на донесениях своих управляющих, но и на всех получаемых им письмах класть свои резолюции.

Некоторые из них были оригинальны. На иных письмах князь писал: «стоило тратить почтовую марку».

Николай Леопольдович тотчас сообразил, что это было письмо княжны Лиды, уведомляющей князя о предстоящем ее браке с Шатовым.

Голь первый подошел к лежащему князю и положил правую руку на его голову, а левую на его руку.

– Он мертв, и даже окоченел. Смерть последовала уже давно, вероятно еще вчера вечером, – отчетливо произнес врач.

Среди тишины кабинета эти роковые слова раздались как-то особенно громко.

Кто-то страшно крикнул.

Это княгиня Зинаида Павловна упала в обморок.

Все бросились к ней.

Гиршфельд, воспользовавшись переполохом, незаметно ни для кого, взял со стола заинтересовавшее его письмо и сунул в свой карман.

Явившаяся прислуга унесла княгиню наверх.

Кошелев тоже дотронулся своей изящной, выхоленной рукой до руки князя, но тотчас отдернул ее.

У отоманки стоял круглый столик, на нем свеча и пустая рюмка.

Голь взял рюмку, понюхал ее, покачал головою и вновь поставил на место.

– Что вы думаете? – обратился к нему Кошелев.

– Пока думаю, не переложил ли он опиуму, который принимал по моему предписанию от бессонницы.

Становой пристав сел у письменного стола и быстро составил акт первоначального осмотра, прочел его понятым, которые его и подписали.

Подписались также присутствовавшие Голь и Гиршфельд.

Затем он написал донесения исправнику, прокурору, следователю и председателю мирового съезда.

Эти бумаги тотчас были отправлены с нарочными.

Известие о смерти князя Александра Павловича моментально облетело всю усадьбу.

Толпа на дворе начала увеличиваться, но становой пристав и Гиршфельд распорядились удалить любопытных на задний двор.

Там зато шли оживленные толки.

По окончании официальной стороны дела, становой пристав, опечатав двери кабинета, отправился вместе с Голем и Гиршфельдом в столовую, где был накрыт запоздалый завтрак.

XXXIV

Следствие

Обморок княгини Зинаиды Павловны был полупритворный, хотя неожиданная смерть мужа, надо сознаться, ее поразила.

Почти со дня брака с ним она не переставала в душе своей лелеять мысль об этой смерти.

Самая прелесть ее замужества заключалась для Зинаиды Павловны в сладкой надежде на скорое вдовство.

С годами эта мысль, вследствие крепкого здоровья князя, хотя за последние годы видимо ослабевшего, стала казаться ей все неосуществимее.

Первое время, сидя взаперти, в этой золотой клетке, как она называла усадьбу, княгиня страстно желала свободы, жизни, а это желание могло исполниться по смерти мужа.

Она страстно желала его смерти.

Более свободная за последние годы, она начала примиряться со своим положением и относиться индифферентнее к его существованию.

Вдруг – она вдова.

«Не поздно ли?» – мелькнуло в ее уме.

Она взглянула в зеркало.

Довольная улыбка, появившаяся на ее лице, красноречиво свидетельствовала, что она решила этот вопрос отрицательно.

Явившийся к ней после завтрака Гиршфельд застал ее уже полулежащею на кушетке в ее будуаре.

Перед ней на столе стояла хрустальная ваза с любимым ею лакомством – киевским вареньем.

– Свершилось, князя нет и ты вдова! – сказал он, входя, и подал ей руку.

Она потянула его к себе.

Он наклонился и поцеловал ее долгим поцелуем.

– Я сегодня заслужил вполне этот поцелуй... – сказал он, присаживаясь на кушетку.

Она вопросительно поглядела на него.

– Когда я говорил, что буду всегда стоять на страже твоих интересов – это была не фраза. Вот доказательство.

Он подал княгине похищенное им со стола покойного князя письмо княжны Лиды.

Резолюция на этом письме, написанная рукою князя, была следующая:

«Выдать не в зачет завещанного в приданое сто тысяч».

– Я не понимаю! – сказала она, пробежавши письмо и надпись.

– Если бы это письмо найдено было при всех, то хотя оно юридически не обязательно, но сто тысяч, во избежание пересудов и неприятных толков, пришлось бы выдать.

Княгиня, видимо, поняла, и лицо ее озарилось довольной улыбкой.

Она приподнялась с кушетки, обняла его за шею и звонко поцеловала в губы.

– Теперь же будущая госпожа Шатова может удовольствоваться завещанными ей двумястами тысяч, если только завещание признают действительным.

– То есть как признают действительным? Разве может быть иначе?

– Это покажет вскрытие и следствие. Если признают, что князь покончил с собой сам, что он не был жертвой случайности или преступления, то завещание его, как самоубийцы, недействительно.

– А как же я? – встрепнула она.

– Для тебя-то это безразлично. По завещанию ты получаешь в пожизненное владение Шестово и в собственность капитал в пятьсот тысяч рублей. Доходы же с других имений и с капитала свыше миллиона рублей в государственных бумагах остаются неприкосновенными до совершеннолетия князя Владимира, так как именья и капитал завещаны ему. Опекуншей над сыном назначаешься ты и обязана эти доходы обращать только в государственные бумаги. Шестово после твоей смерти переходит в собственность князя Владимира. По закону же, если завещание будет признано недействительным, ты получаешь свою вдовью часть из имения и капиталов и становишься естественною опекуншей твоего сына – это выйдет много больше и лучше. С уничтожением завещания потеряет княжна Лидия – двести тысяч, а княжна Маргарита библиотеку. Последнюю ей можно и подарить! – усмехнулся он.

Она весело улыбнулась.

– Тебе необходимо будет взять поверенного... – продолжал он.

– Кто же, как не ты, будешь моим поверенным! – снова обняла его она.

Он поцеловал ее.

– Письмо это я уберу к себе подальше, – сказал он, пряча письмо княжны Лиды в карман.

– Ты хочешь сохранить его?

– Нет, конечно уничтожу.

В это время послышался звон колоколов въезжавшего во двор экипажа.

– Надо идти! – сказал он, освобождаясь от ее объятий и подарив ее прощальным поцелуем.

Он сошел вниз.

На губах его играла торжествующая улыбка.

Приехал судебный следователь, Сергей Павлович Карамышев.

Гиршфельд застал уже его в зале, беседующим со станowym и доктором.

Поодаль от них стоял, смотря в окно, фельдшер, призванный для предстоящего вскрытия.

– А княгиня? – обратился к нему Карамышев, пожимая руку.

– Я только что сейчас справлялся, она еще не оправилась от обморока и лежит у себя наверху, – отвечал он.

– Жаль Александра Павловича, хороший был человек, и какое совпадение: оба брата один за другим! – соболезновал Карамышев.

– Приступим, господа, чем золотое время терять, печалью не поможешь! – продолжал он и направился в кабинет.

Август Карлович высказал ему свое предположение, что князь отравился или отравлен сильным приемом опиума.

Составив протокол наружного осмотра трупа и всего кабинета, судебный следователь взял рюмку.

– А где же самый опиум? – обратился он к Голю.

Последний взял с письменного стола пузырек коричневого стекла с ярлыком, на котором было написано: *Tinctura opii*, и подал его следователю.

Тот приобщил его к рюмке в качестве вещественных доказательств, опечатав их своею печатью.

Труп был раздет, внесен в залу и положен на приготовленный стол.

Вскрытие началось.

Предположение доктора оправдалось: князь умер от приема сильной дозы опиума.

Открытым оставался вопрос: сам ли отравился князь, или же был отравлен другим лицом?

Наступило время обеда, к которому вышла Зинаида Павловна – печальная, молчаливая.

Труп князя обмыли, одели и положили на стол.

Из залы доносилось уже монотонное чтение псалтыря.

Тотчас после обеда была отслужена панихида.

Карамышев решил вечером же приступить к допросу свидетелей. Гиршфельд предложил для этого свое помещение.

После панихиды была допрошена княгиня и вся домашняя прислуга, но в их показаниях не оказалось ничего существенного, или хотя бы мало-мальски разъясняющего это темное дело.

– Кто давал князю лекарство? – спросил судебный следователь княжеского камердинера Якова.

– Я-с! – отвечал тот.

– По сколько капель?

– Сперва по три, некоторое время по четыре, за последний же месяц по пяти.

– Расскажи, как и когда ты приготавливал лекарство!

– Во время общего обеда я стелил постель его сиятельству, наливал полрюмки воды и капал лекарство, которое и ставил на столик перед отоманкой около свечки, зажигал ее и затем уже опускал шторы.

– Знал ли ты, что это лекарство ядовито и опасно для жизни, если принять его более предписанного врачом?

– Знал-с. Мне об этом сколько раз и Август Карлович, и их сиятельство говорили.

– Не случилось ли тебе капнуть лишнюю каплю?

– Несколько раз случилось.

– Что же ты тогда делал?

– Я выливал лекарство в песочницу, вытирал начисто рюмку и начинал снова.

– Сколько капель налил ты князю вчера?

– Пять-с.

– Не ошибался?

– Нет-с, вчера с первого раза.

– Верно? Говори правду!

– Как перед Господом!

– Твердо, значит, помнишь?

– Твердо, как сейчас помню!

– Приготовив постель и лекарство, ты дожидался князя в кабинете?

– Да-с.

– Никуда не отлучался?

– Летом я носил на террасу трубку, которую их сиятельство изволили курить после обеда перед сном на вольном воздухе.

– Вчера носил тоже?

– Носил-с.

– Дверь кабинета оставлял открытой?

– Так точно.

– Когда ты вчера нес на террасу трубку, не встретил ли ты кого-нибудь шедшего по направлению к кабинету?

– Вчера их сиятельство Маргарита Дмитриевна попалась мне навстречу.

– Ее комната в той же стороне, где и кабинет?

– Так точно-с. Они, вероятно, изволили идти к себе.

– Чего я-то расспрашиваю? Придет же в голову такая глупая мысль! – подумал Карамышев и отпустил свидетеля, прочитав ему его показания и заставив расписаться.

Доктор Голь при допросе подтвердил показания Якова относительно количества капель прописанного им лекарства и того обстоятельства, что он действительно говорил, чтобы он был осторожнее, так как это лекарство – яд.

– Скажите, доктор, неужели усиленный прием опиума не сопровождается никакими предсмертными страданиями? – спросил Карамышев.

– Нет, человек просто засыпает мертвым сном.

– Сколько потребно капель, чтобы произвести смерть?

– Это относительно, смотря по организму принимающего.

– В данном случае?

– Капель двадцать пять, тридцать, так как князь принимал опий уже около года, следовательно, привык к нему, раствор же был сильный.

– Мог он почувствовать, приняв лекарство, что доза велика?

– И мог, и не мог. Скорее даже нет, так как лекарство, обыкновенно, глотают, следовательно язык – этот главный орган вкуса, почти не принимает участия.

– Можно ли предположить, что князь был психически расстроен?

– Он был странный человек, но если судить по этому, то каждый из нас сумасшедший по своему.

Так окончился допрос доктора.

Все клонилось к предположению о самоубийстве, так как не было никаких причин к совершению такого преступления над князем со стороны постоянного лица, не говоря уже о близких.

Одно показание Гиршфельда возбуждало сомнение.

Николай Леопольдович показал, что, уезжая третьего дня в Т., он оставил князя совершенно здоровым и веселым.

– Какие поручения дал вам князь? – спросил Карамышев.

– Отвезти письмо брату и фотографические виды племяннице.

– Из-за этого он посылал вас в Т.?

Гиршфельд вспыхнул.

– Он меня не посылал и посылать не мог. Я сам предложил исполнить эти поручения, а поездку предпринял, во первых, желая проехаться, а во-вторых, исполняя желание покойного князя, познакомиться с его больным братом, ныне тоже покойным, и племянницей.

– Извините! – пробормотал Карамышев. – Вам известно содержание письма, которое вы передали покойному князю Дмитрию? – продолжал он допрос.

– Я его не читая, но князь Дмитрий Павлович, прочитав его, сказал при мне своей дочери, что ее дядя собирается подольше погостить у них в половине будущего сентября, значит он писал, между прочим, и об этом.

Дело снова запутывалось, и главный вопрос оставался неразрешенным.

XXXV

Преступник

На другой день в Шестове появились новые лица.

К утренней панихиде собрались соседние помещики, в числе которых был и Василий Васильевич Гурбанов.

Экипаж, посланный на всякий случай к поезду железной дороги, привез двух официальных лиц – судебного пристава т-ского мирового съезда Михаила Николаевича Христофорова и товарища прокурора т-ского окружного суда Леонида Ивановича Невского.

Известие о загадочной смерти второго князя Шестова с быстротой молнии, после доклада исправником губернатору, облетело весь город.

Прокурор т-ского окружного суда, получив уведомление, нашел нужным командировать своего товарища для наблюдения за производством следствия по столь важному делу.

Княжна Лида, немного было оправившаяся, слегла снова при известии о второй тяжелой для нее утрате.

Шатов положительно потерял голову.

Сохраняла присутствие духа и хладнокровие одна княжна Маргарита, с необычайною нежностью ухаживавшая за сестрой и распоряжавшаяся всем в доме.

На вид она тоже казалась убитой обрушившимися на их семью несчастьями, следовавшими одно за другим.

Прибывшие городские гости тотчас приступили к исполнению своих обязанностей.

Михаил Николаевич Христофоров, подвижный, маленький человек лет тридцати пяти, быстро исполнил все законные формальности.

Духовное завещание найдено было в одном из ящиков стола.

Леонид Иванович Новский, элегантный блондин с ярким румянцем на щеках, выглядел совсем юношей.

Он был недавно назначен на должность товарища прокурора из Петербурга, вскоре по окончании им там курса в училище правоведения.

Тотчас после завтрака он углубился в чтение следственного производства.

Карамышев еще не был знаком с ним, и они представились друг другу в усадьбе.

– Молокососа прислали наблюдать за моими действиями! – ворчал про себя недовольный старик, и насмешливо поглядывал на внимательно читавшего дело юного представителя обвинительной власти.

– Темное дело, – сказал Новский окончив чтение, – но только не самоубийство.

– А что же, по вашему? – усмехнулся Сергей Павлович.

– По-моему, князь отравлен.

– Кем же это? Пощадите.

– Кем? Разъяснить это и есть задача следствия. Что смерть князя последовала от вмешательства посторонней руки – если этого из дела ясно не видно, то это чувствуется. Согласитесь сами, человек совершенно здоровый, богатый, собирающийся ехать в гости в половине будущего сентября к брату, вдруг ни с того, ни с сего травится сам. В этом нет логики.

– А в том, что князь отравлен, конечно домашними, так как посторонних в доме не было, разве есть логика? У кого какие мотивы могли бы быть для этого? – спросил Карамышев.

– Мотивы. Мотивы, их надо сыскать. Это тоже одна из главных следственных задач... – заметил Леонид Иванович.

– Вы хотите решить уравнение со всеми неизвестными? Я за это не берусь. Я заявлю вам это официально! – почти грубо отвечал Сергей Павлович.

– Зачем волновался, добрейший Сергей Павлович, поработаем и подумаем вместе, – мягко произнес Новский.

– Нечего думать, нечего и работать. Самоубийство ясно как Божий день. Если не умышленное, то случайное.

– То есть как случайное?

– Так! Князь, по уходе Якова, мог опрокинуть и пролить рюмку, наполнил ее снова водой и стал сам капать лекарство. Руки, как случается у стариков, затряслись. Он перелил и не заметил.

– Это предположение основательное, не говорю, но все-таки лишь предположение.

– Чем же оно хуже вашего, тоже предположения?

Карамышев сомневался сам, но говорил лишь из желания противоречить.

– Так-то так, но мне сдается, что я правее... – задумчиво отвечал Новский.

– Не могу спорить. Ведь вам чувствуется! – подчеркнул Карамышев. – Что же тут спорить?

– Надо все-таки подумать! Я пройду по саду! – заметил Новский и встал.

– Прогуляйтесь, желаю надуматься, или лучше обдуматься, – уязвил его Сергей Павлович, и тоже вышел вслед за товарищем прокурора.

Беседа их происходила в комнате Николая Леопольдовича.

Последний был у княгини, наверху.

Погуляв по саду, юный жрец Фемиды отправился на задний двор, прислушаться к толкам дворни.

Проходя мимо кухни, все окна которой были открыты, он услышал голоса.

– Уж не Яков-ли Петрович это ему подсудобил, помните, Коронат Иванович, а намеднясь грозился... – говорил один голос.

– Что ты без толку брешешь, – остановил его другой, – долго-ль так невинного человека погубить. Со злости тогда, что красоту его испортили, сболтнул, а то статочное ли дело на убийство решиться. В уме ли ты, парень. Смотри сам под ответ не попади. Следственник его уже допрашивал, он сам говорил, что все дотошно показал. Уйди от греха.

Голоса смолкли.

Дверь кухни отворилась и на пороге показался знакомый нам кучер Степан.

Леонид Иванович внимательно посмотрел на него, но ни сказал ни слова и отправился в дом.

– Что, надумалось? – уколол его Карамышев, которого он застал на передней террасе.

– Надумался. Когда пожелаете продолжать следствие, я к вашим услугам.

– Что же продолжать? Оно окончено? – уставился на него тот.

– Мне бы хотелось предложить вам допросить еще нескольких свидетелей. Я кажется имею на это право? – в свою очередь съязвил Новский.

– 281 и 286 статья устава уголовного судопроизводства. Знаю-с, знаю-с. Имеете, полное имеете. Извольте, всю дворню и даже всю деревню допрошу, приказывайте – обозлился Сергей Павлович.

– Приказывать я вам не смею, да это мне было бы и не к лицу. Вы годитесь мне в отцы. Но воспользоваться правами, предоставленными не лично мне, а занимаемому мною положению законом, я не премину... – с достоинством отвечал Леонид Иванович.

Сергей Павлович смолчал, ограничившись язвительной улыбкой.

– Тем более, что в интересах раскрытия истины я попрошу допросить лишь двух, или четырех человек... – продолжал тем же тоном товарищ прокурора.

– Это милостиво, сжалились надо мной стариком... – с комическим почтением поклонился Карамышев.

Новский только улыбнулся.

– Угодно начать сейчас? – после некоторой паузы спросил его следователь.

– Извольте, я свободен! – отвечал тот.

Они отправились вниз.

– Кого же вам будет угодно еще допросить? – спросил Карамышев Новского, усевшись за стол.

– Княжеского повара.

– Какого? Их два.

– Так обоих.

Сергей Павлович пожал плечами и приказал дежурившему у дверей сотскому позвать поваров Короната Ивановича и Сакердона Николаевича по очереди.

Первый явился Коронат.

После предварительных расспросов Карамышев спросил:

– Что известно тебе о смерти князя Александра Павловича?

– Нам ничего не известно, потому что мы на кухне, – ответил Коронат.

Карамышев вопросительно с усмешкой поглядел на Невского.

– Скажите, свидетель, – начал тот, – кто полчаса тому назад говорил у вас на кухне, что не дело-ли это Якова Петровича, так как он грозился когда-то?

Коронат вздрогнул от неожиданности и удивленно уставился на товарища прокурора. Карамышев стал необычайно серьезен.

– Это, ваше высокоблагородие, кучер Степан болтал.

– Расскажите же нам, что он болтал?

Коронат Иванович подробно передал, как разговор Степана с ними на кухне, случайно слышанный Невским, так и сцену в кухне в день отъезда Николая Леопольдовича, уже известную читателям.

Другой повар, Сакердон Николаевич, и кучер Степан показали согласно с Коронатом.

– Беспременно, ваше высокоблагородие, это он со злости, потому рассвирепел тогда страсть! – заключил свои показания Степан.

– Вот видите, добрейший Сергей Павлович, и вопрос о том, кому? – разрешение и мотивы найдены, – обратился к Карамышеву Новский.

– Принужден согласиться, что дело принимает другую окраску, благодаря счастливой случайности, – нахмурился следователь.

– Пусть хоть случайности, – улыбнулся Леонид Иванович, – но что это за старый князь, появляющийся на скамейке, о котором говорят свидетели?

Карамышев рассказал ему подробно эту легенду, переходящую из рода в род в усадьбе князей Шестовых.

– Средневековые бредни! – решил Новский.

– Как знать, чего не знаешь! – не утерпел не противоречить Сергей Павлович.

– Допросим теперь Якова, – заметил товарищ прокурора, сделав вид, что не слышал последней фразы следователя.

– Сбегай в деревню, позови старосту и десятского, – обратился к сотскому Карамышев. – Я думаю арестовать обвиняемого... – заметил он Невскому.

Тот молча наклонил голову.

Прошло около получаса, когда требуемые лица явились.

Карамышев и Новский не проронили за это время ни слова.

Сотский по приказанию следователя, привел Якова.

Последний был смущен. Он уже знал о данных поварами и кучером показаниях.

Подробно рассказал он о нанесенных ему покойным князем побоях, знаки которых не прошли с до сих пор, и о том, что под влиянием злобы и толков о появлении старого князя, говорил приписанные ему слова.

– Это я, ваше высокоблагородие, с дуру, совсем с дуру! – закончил он свои показания. Следователь прочел их ему и дал подписать.

– Сознайся лучше, что ты по злобе или, как говоришь, сдуру, подлил лекарства в рюмку, зная, что от этого князь умрет? – резким тоном в упор спросил его следователь.

Яков побледнел.

– Видит Бог, всего пять капель влил, разрази меня Господи, если вру. Не убивец я. Сколько лет служил их сиятельству, да и вы, ваше высокоблагородие, меня, знаете. Зачем же напраслину на меня возводите?.

– Ну, напраслина ли это – разберет суд! Так ты не сознаешься?

– Господи, Господи, да в чем же? Я, вот вам Христос, не виновен.

– Я тебя арестую. Староста, посади его в камеру при сельском управлении под строгий караул. Завтра утром приведешь его сюда, получишь бумаги за караулом на подводе отпратишь в город – в острог.

– Слушаю-с! – отвечал староста, подходя к арестованному.

Яков задрожал и, не будучи в силах вымолвить слова, как сноп повалился на пол.

Сотский и десятский подняли его и буквально волоком вытащили за дверь.

Староста последовал за ними.

Карамышев, видимо раздраженный, продолжал писать. Писал он быстро, перо так и прыгало по бумаге. Новский отошел к окну и смотрел в сад.

– Кушать подано! – доложил вошедший лакей и удалился.

Сергей Павлович окончил работу и вместе с товарищем прокурора отправился в столовую.

Обед прошел молча. Тотчас после него состоялась вечерняя панихида и церемония положения тела в богатый дубовый гроб, доставленный из города. По окончании церемонии, Карамышев с Голем не утерпели и составили партию винта, в которой приняли участие Гурбанов и Новский. Последний оказался прекрасным винтером, что отчасти примирило с ним все еще хмурившегося Сергея Павловича.

Гиршфельд и княгиня, появившиеся за обедом и панихидой, снова куда-то исчезли.

Игроки провинутили до поздней ночи. Наутро следователя ожидал новый сюрприз. Староста явился один.

– Где же арестант? – спросил Карамышев.

– Виноват, ваше высокоблагородие, – взмолился староста, – не досмотрели!

– Убежал? – крикнул Карамышев.

– Никак нет-с, ваше высокоблагородие, удавился убивец, собачью смерть принял.

Карамышева это известие ошеломило.

«Ну, а если он не виноват?» – мелькнуло в его уме.

Он сознавал, что, раздраженный вчера Новским, погорячился.

«С чего же бы ему кончать с собой?» – успокоил себя Сергей Павлович.

Второй акт уголовной драмы совершился уже при других декорациях.

Место действия перенеслось из роскошного княжеского дома в неказистое помещение сельского управления.

В арестантской камере на петле, сделанной из помочей и накинутой на стенной крюк, висел труп покончившего с собою княжеского камердинера Якова.

Карамышев, Новский и Голь прибыли туда почти следом за становым приставом, оставившим усадьбу лишь накануне утром. Совершены были обычные формальности, и акт о самоубийстве обвиняемого в умышленном отравлении князя Александра Павловича Шестова, т-ского мещанина Якова Петрова Быстрова был приобщен следователем к делу, следствие по которому местным производством было окончено.

Оставалось, по мнению товарища прокурора, разделенному и следователем, допросить княжен Маргариту и Лидию Дмитриевну Шестовых, для чего Карамышев, по совету Невского, и препроводил дело при представлении на распоряжение прокурора т-ского окружного суда. Таким образом, князь Александр Павлович Шестов был признан жертвою гнусного преступления.

Завещание его было действительно.

XXXVI

Три гроба

В доме покойного князя Дмитрия Павловича все шло своим печальным чередом. Княжна Лида, немного оправившаяся под животворными ласками обожаемой сестры и попечениями любимого человека, была все еще слаба и еле ходила. Исхудала она страшно. Улыбка не появлялась на этом так недавно оживленном ярким румянцем, а теперь мертвенно-бледном, восковом личике. Веселые, добрые глазки приняли какое-то мрачное, почти строгое выражение. Обрушившиеся на нее несчастья переродили ее. Она в несколько дней прожила целые годы и из ребенка сделалась взрослой девушкой.

Этот быстрый нравственный рост пугал Антона Михайловича, боявшегося, чтобы он не отразился роковым образом на здоровье молодой девушки.

В тот самый день, когда в Шестове покончил свои расчеты с жизнью предполагаемый виновник смерти князя Александра Павловича – Яков, в Т. происходили похороны князя Дмитрия.

Вынос тела состоялся в десять часов утра.

Богатый дубовый гроб все довольно далекое расстояние от княжеского дома до собора, где происходило отпевание, несли на руках представители высшего т-ского общества, с губернатором во главе.

Масса экипажей и толпы народа буквально запрудили всю Дворцовую улицу, по которой тянулась печальная процессия.

Заупокойная обедня и самое отпевание отслужены были соборе местным архиереем, другом покойного, в сослужении со всем т-ским духовенством.

По окончании службы, архиерей сказал над гробом покойного слово, в котором, между прочим, выразил, что общая скорбь над прахом доблестного вельможи непритворна уже потому, что составлена из отдельных личных скорбей всех знавших покойного, а знал его весь город.

– А каждый, кто знал его – любил его! – закончил проповедник.

Гроб был вынесен из собора, поставлен на роскошный катафалк, и мимо дома, где была отслужена лития, препровожден на вокзал железной дороги.

С товарным поездом он должен был быть доставлен на станцию Ломовис, а оттуда в Шестово для погребения, согласно выраженному покойным предсмертным желанием.

Сопровождать гроб в прицепленном к товарному поезду, по распоряжению железнодорожного начальства, вагоне первого класса отправились дочери покойного и Шатов.

Общий поминальный обед должен был состояться в Шестове, после похорон князя Александра Павловича, назначенных на другой день.

Туда также был приглашен весь город и должны были отправиться архиерей, начальник губернии и большая часть т-ского духовенства.

Начальство железной дороги назначило ранний экстренный поезд. На станции Ломовис прибывших ожидала вереница княжеских экипажей.

Приехавшие перегнали катафалк с гробом князя Дмитрия Павловича и сопровождавшую его коляску с дочерьми покойного и Шатовым недалеко от усадьбы.

С колокольни небольшой, но прекрасно отделанной иждивением покойного князя Александра Павловича, церкви села Шестова неся заунывный похоронный звон. По прибытии городского духовенства, в княжеском доме была отслужена панихида, и гроб на руках был вынесен из дома.

Когда печальный кортеж с прахом князя Александра выступил из ворот усадьбы, с другой стороны на встречу ему показался катафалк с прахом Дмитрия. Так состоялась встреча братьев.

Процессии соединились. Оба гроба были внесены в церковь, где также архиреем соборне была отслужена литургия и совершено отпевание. После краткого надгробного слова, произнесенного архиреем над жертвой людской злобы и преступления, как он назвал покойного князя Александра Павловича, гробы были вынесены из церкви и опущены в находящийся в ее ограде фамильный склеп князей Шестовых.

Приглашенные отправились в дом.

В этот же самый день, в стороне от сельского кладбища, без церковного погребения был опущен в могилу дощатый деревянный гроб с прахом самоубийцы убийца князя Александра Павловича – Якова.

Все гости пробыли в Шестове до утра следующего дня.

За роскошным поминальным обедом и после него разговоры шли на тему совершенного княжеским камердинером преступления.

Оно для всех казалось очевидным и безусловно доказанным.

Одному Карамышеву, нет, нет, да и приходила мучавшая его мысль о невиновности лежавшего уже в могиле Якова Петрова Быстрого. Он, впрочем, не высказал этой мысли вслух.

Гиршфельд улучшил минуту и сообщил княжне Маргарите Дмитриевне, застав ее на задней террасе одну, что так князь не признан самоубийцей, то завещание его действительно, и показал ей похищенное им письмо с резолюцией князя.

– Теперь менее чем когда-нибудь возможно допустить состояться свадьбе сестры, так как тогда ее деньги уйдут из наших рук, – сказал он.

– Не беспокойся, – заметила она ему, – я уже успела внушить ей мысль о глубоком годичном трауре и о том, что свадьба ранее этого срока была бы оскорблением памяти покойных отца и дяди, а год – много времени.

– Ты надеешься за это время расстроить эту свадьбу совсем?

– Я уже раз говорила тебе, что этой свадьбы не будет, значит и не будет! – раздраженно отвечала она, идя навстречу входившим на террасу княгини с бароном и баронессой Фальк.

Гиршфельд успел незаметно спуститься вниз.

На другой день гости разъехались, и Шестово опустело, Шатов уехал тоже.

Остались лишь княжны, решившиеся выехать в Т. через несколько дней, вместе с теткой и будущим ее поверенным – Гиршфельдом.

XXXVII

Поверенный

На девятый день после смерти князя Александра Павловича была отслужена панихида по обоим братьям, а на другой день княгиня с племянницами и Гиршфельдом выехали в Т.

Князь Владимир уехал в Москву ранее. Его повез, по просьбе княгини, Владимир Павлович Кругликов, ехавший туда по делам.

Роскошный господский дом был заперт наглухо. Вся прислуга, кроме Стешы, оставшейся при княгине, получила расчет и награды.

Венки на гробницах князей Шестовых завяли. На могиле Якова был поставлен, по распоряжению Карамышева, большой деревянный крест.

В Т. княгиня и Гиршфельд остановились в доме князя Дмитрия.

Вскоре по приезде, княжны Маргарита и Лидия Дмитриевны были вызваны повестками к следователю для допроса, в качестве свидетельниц по делу об отравлении князя Александра Павловича Шестова.

В показании княжны Маргариты не было ничего существенного. Княжна Лида представила судебному следователю сохраненное ею письмо покойного дяди к ее покойному отцу, привезенное Гиршфельдом.

Завещание князя было утверждено судом к исполнению. Княгиня была, кроме того, назначена опекуницей племянницы своей, княжны Лидии Дмитриевны Шестовой.

Гиршфельд получил полную доверенность, как от нее лично, так и как опекунши над сыном и племянницей.

Княжна Лидия, в виду полученного ею от дяди наследства, отказалась фактически от части в наследстве отца в пользу княжны Маргариты. Последняя, таким образом, получила тридцать две тысячи рублей в бумагах и дом со всею движимостью.

Она также выдала Гиршфельду доверенность на ведение ее дел.

По его совету, она продала дом отца со всей обстановкой. Его купил, за пятнадцать тысяч рублей, барон Павел Карлович Фитингоф, давно приглядывавший в городе, как он выражался, свой собственный уголок.

Гиршфельд торжествовал. Все шестовские капиталы и доходы оказались в полном распоряжении молодого адвоката, в вознаграждение за труды которого княгиня Зинаида Павловна назначила двенадцать тысяч рублей в год.

Княжна Маргарита не договаривалась о вознаграждении со своим поверенным. Отдав ему всецело самую себя, она также отдала в безотчетное распоряжение и доставшееся ей состояние, тем более, что считала его ничтожным волоском того золотого руна, на поиски которого она пошла с ним рука об руку.

Адвокатская карьера Николая Леопольдовича начиналась блестящим образом. Успех превзошел его ожидания. Из скромного учителя княжеского сына он стал распорядителем княжеских богатств.

Под маской напускного равнодушия старался он скрыть от других впечатление, произведенное на него самого этой метаморфозой. Это ему, однако, не удавалось. Вся его фигура служила олицетворением нахального довольства.

Княгиня Зинаида Павловна, почувствовав себя после смерти мужа совершенно свободной, стала довольно открыто выказывать свои отношения к нему, но на первых же порах была им остановлена.

Это могло поставить его в щекотливое положение перед его союзницей – княжной Маргаритой.

– Я не желаю компрометировать ни тебя, ни себя, – заметил он ей, – не все поймут то горячее чувство, которое я питаю к тебе, а догадавшись о нашей связи, могут истолковать ее в дурную сторону для тебя и особенно для меня. Люди злы, а нам с ними жить. Мне даже делать между ними карьеру. Если ты любишь меня, то наша связь останется по-прежнему тайной. Поверь мне, что это даже пикантнее. При настоящей полной моей и твоей свободе тайна ни чуть ни стеснительна. Мы над нею господа. Так ли, моя дорогая?

Он обнял ее и нежно заглянул ей в глаза. Они сидели вдвоем в гостиной покойного князя Дмитрия Павловича.

– Так, так, мой милый, умный, ненаглядный! – разнежившись прошептала она и дала слово.

Он крепко поцеловал ее. Разговор перешел на более серьезные темы. Княгиня решила переехать вместе с племянницами на постоянное жительство в Москву.

– Мне, во-первых, не хочется расставаться с тобой, да и Марго, живя в моем доме, может сделать лучшую партию. Я буду жить открыто! – сообщила она Николаю Леопольдовичу, одобрявшему ее планы.

– Замуж ей пора, – продолжала княгиня, – Лида еще совсем ребенок, а уже невеста. Я хотя не считаю Шатова хорошей партией для нее, но воля ее покойного отца для меня священна.

Гиршфельд чуть заметно улыбнулся. Княжна Лидия Дмитриевна, между тем, поправлялась плохо; церемонии двух похорон подряд произвели на нее угнетающее впечатление. За последнее время она стала подозрительно покашливать.

Шатова в Т. не было. Он уехал, вскоре после переезда туда Шестовых, в Москву, куда призывали его полученное им назначение и докторский экзамен.

Княжна Маргарита Дмитриевна согласилась жить вместе с теткой. О согласии покорной во всем сестре княжны Лиды нечего было и говорить, тем более, что в Москве жил Шатов. Он был единственным яблоком раздора между сестрами.

Княжна Маргарита всеми силами старалась уронить его во мнении сестры.

– Голубчик, Марго, не говори о нем дурно, умоляю тебя, – со слезами на глазах просила ее Лида.

– Я говорю только правду, любя тебя... – отвечала та.

– А я прошу тебя перестать, любя его – замечала ей сестра.

Наконец, по окончании всех дел, в первых числах октября переселение княгини и княжен Шестовых из Т. состоялось. Гиршфельд уехал вместе с ними.

Следствие по делу об умышленном отравлении князя Александра Павловича Шестова было прекращено дальнейшим производством, за смертью обвиняемого.

Часть вторая

На скамье подсудимых

*Бывали хуже времена,
Но не было подлей.*

Н. Некрасов

I

В зале суда

Большая или так называемая Екатерининская зала московского окружного суда была буквально переполнена самой разнообразной публикой.

Все классы московского общества выслали сюда своих многочисленных представителей. Громадный контингент составляли пышно и нарядно одетые дамы. Специально для них даже перед решеткой, за которой находилась публика, были поставлены скамьи и кресла.

Шел знаменитый процесс Судно-Коммерческого банка. Кончался обеденный перерыв. Судебное следствие было объявлено законченным. Ожидали начала судебных прений – наступал, таким образом, самый интересный момент всякого процесса.

В публике господствовало оживление. Шли разговоры, высказывались суждения, старались заранее предреши́ть исход дела. В толпе сновали «защитники правды» – адвокаты, присяжные поверенные со значками в петлицах фраков и без этих украшений – частные поверенные и помощники присяжных поверенных.

Последних не трудно было отличать от вторых, по громадным новым, с иголки, портфелям, неизменно находящимся под мышкой, высоко поднятым головам и дельному, серьезному выражению порой даже еще безусых лиц. Так и казалось, что эти юнцы, эти мальчишки, только что сорвавшиеся со школьной скамьи, сразу заиграли в больших. Так ходят, с инстинктивным сознанием самой природой данного им назначения, вылупившиеся птенцы орлов-стервятников и коршунов.

Среди публики много сановных старичков, офицеров, а между последними мелькали даже, редкие в Москве, гвардейские мундиры приезжих из Петербурга.

Мировой институт, судебные власти и представители прокуратуры были почти в полном составе.

Все это волнами переливалось по громадной зале, говорило и жестикулировало.

Екатерининская зала представляет из себя совершенно круглое громадное помещение. Эта зала старого московского сената, здание которого, по введении судебной реформы, было передано новым судебным учреждениям. В два света, с высоким и широким окном, сажень около шести в высоту, она оканчивается наверху громадным куполом, который виден снаружи здания и увенчан витой колонной с короной и надписью со всех четырех сторон ее на особых дощечках: закон – девиз, принятый со дня введения судебных уставов министерством юстиции. Кругом залы идут обширные хоры, поддерживаемые массивными полуколоннами, оштукатуренными и окрашенными, как и стены, белой краской. Потолок украшен барельефами.

В залу ведут пять дверей – средняя, прямо против главной входной двери, ведущей с лестницы и парадного подъезда, и по две боковых, крайние из которых выходят в идущий

кругом по всему зданию коридор, а дальние, — одна, направо, соединяет с залой заседаний окружного суда по гражданским делам, а налево — с маленькой уголовной залой.

Прямо против средней двери, на устроенной возвышенной эстраде, стоял громадный судейский стол, покрытый зеленым с золотой бахромой сукном. Слева отдельный, также покрытый, столик для двух секретарей, а справа стол и трибуна для двух же представителей обвинительной власти. Ниже последних, но тоже на возвышении, шли места для присяжных заседателей, а против них, за деревянной решеткой, окрашенной в желтую краску, помещались подсудимые, имея перед собой своих защитников, для которых были поставлены стулья и пюпитры.

Рядом с присяжными заседателями находились места для гражданских истцов и их поверенных, числом более ста человек. Вся остальная глубина залы, огороженная также деревянной решеткой, была отведена для публики и в это пространство вход был только из средних дверей.

Пол залы, из прекрасной каменной мозаики, и эстрады были обиты серым сукном.

Заседания в этой зале редки, и она каждый раз особо приспособляется для них. В обыкновенное время зала эта служит приемной судебных учреждений и в ней нет иной мебели, как стоящих кругом низеньких мягких скамеек, крытых малиновым трипом.

Справа от входа, в простенке, между двумя колоннами, висит громадный портрет Екатерины Великой, а под ним стоит ее сенаторское кресло старинной формы, обитое малиновым бархатом и украшенное сверху спинки золоченой короной и другими императорскими регалиями.

Кресло это имеет свою историю. Оно было найдено в числе старой сенаторской мебели на чердаке и реставрировано в первый год открытия новых судов в Москве.

Кругом всей залы между колоннами по карнизам находятся золоченые надписи выдержки из знаменитого наказа Екатерины II-ой. Отсюда и название залы: Екатерининская.

Места, отведенные для подсудимых и присяжных заседателей, были пусты, так как и те, и другие были отведены судебными приставами в их помещения. Судьи удалились в кабинет.

Защитники и поверенные гражданских истцов тоже покинули свои места и смешались с публикою. В числе первых были все московские и даже некоторые петербургские корифеи адвокатуры. Тут же находился и известный всей России, как неподражаемый оратор, московский адвокат, известный под именем московского Демосфена. С сутуловатой фигурой, лицом монгольского типа, умными и проницательными, узко разрезанными глазами, длинными плоскими черными волосами и реденькой бородкой, он был на первый взгляд далеко не красив, но печать гения, лежащая на его лице, быстро уничтожала первое впечатление. Когда же он говорил свои вдохновенные речи, это лицо становилось положительно красивым.

Он стоял за судейскими креслами, с завернутым, по обыкновению, бортом фрака, где был пристегнут значок, в своей обычной ленивой позе, опершись левой рукой на один из столиков, поставленных в амбразурах окон для корреспондентов русских и заграничных газет, и разговаривал с редактором одного в то время сильно распространенного органа мелкой петербургской прессы.

Последний был видный мужчина, с длинною темнорусою бородою, умными, вечно смеющимися глазами, небрежно одетый в мешковато сидевший на нем черный сюртук.

Их окружало несколько человек присяжных поверенных и корреспондентов.

Разговор здесь, как и в публике, шел о возможном исходе процесса.

— Я не берусь угадывать, — заметил редактор, — какая участь ожидает подсудимых по этому делу, но твердо уверен, что гражданские истцы останутся не при чем и таким образом дорого поплатятся за увлечение обстановкой, зеркальными окнами и массивными желез-

ными шкафами этого безрассудного, а может быть, и бессудного банка. Само расположение этой всей залы судебных заседаний невольно утверждает меня в этом мнении.

Московский Демосфен вопросительно посмотрел на него.

– Посмотрите, как расположились эти золоченые надписи на карнизах.

Все начали осматривать залу, с недоумением посматривая на редактора.

– Здесь, где мы стоим, над местами судей, – продолжал тот, – красуется совершенно логичная надпись: «достойным – достойное» – этот лучшей девиз суда. Не менее соответственна и надпись, которую мы видим над местами присяжных заседателей: «желание России». Разве суд присяжных не есть на самом деле удовлетворение этого желания? Далее уже идут надписи юмористические. Над местами, занятыми подсудимыми, написано: «плоды побед», над публикой: «и вы подобно подвизайтесь», а над несчастными гражданскими истцами и их представителями припала зловещая надпись: «до вечности». Эта-то надпись наводит меня на горькие думы, в ней-то и вижу я нечто пророческое.

С присутствующими, при этом разговоре, случилось то, что обыкновенно бывает с рассматривающими загадочные картинки. Стоит только указать, в чем заключается секрет, как он так и бросается в глаза. Через несколько минут, уже вся зала говорила об этом курьезном открытии. К вечеру вся Москва.

– Неужели, – спросил, между тем, редактор у Московского Демосфена, – все поверенные гражданских истцов будут говорить речи, ведь таким образом и процесс не окончится до вечности?

– Нет, – улыбнулся адвокат, – говорить будут лишь несколько поверенных потерпевших на крупные суммы, и в том числе присяжный поверенный Гиршфельд, как поверенный княгини и княжны Шестовых, потерявших в этом банке чуть не полмиллиона, и многих других.

– А Шестовы потеряли на вкладах?

– Нет, на акциях.

– Кто же надоумил этих барынь вложить такую уйму денег в этот банк?

– Да, кажется, их же поверенный.

– Дорого же обойдется карманам его доверительниц фигурирование его в настоящем процессе.

– Он, говорят, для них обеих более чем поверенный, так свои люди – сочтутся! – вставил в разговор один из присутствовавших присяжных поверенных.

– Ну, это, батенька, – заметил ему поморщившись московский Демосфен, – относится к области московских сплетен, – я ими не занимаюсь и им не удивляюсь – они иногда доходят до колоссальности.

– Все таки вопрос о том, что по Москве ходит упорный слух, что он находится у них обеих на содержании, возбуждался недавно в совете, при принятии его в присяжные поверенные.

– И это ничего не доказывает, мало-ли нелепых вопросов возбуждается у нас в совете.

В залу в этот момент вошли с одной стороны присяжные заседатели, а с другой подсудимые, сопровождаемые судебными приставами. Когда те и другие уселись, резкий голос третьего судебного пристава, прокричал: суд идет.

Все поспешили к своим местам.

II

Учитель и ученик

Наш старый знакомый Николай Леопольдович Гиршфельд до конца обеденного перерыва находился среди публики и вместе со своим бывшим патроном и другом присяжным поверенным Левицким беседовал с княгиней Зинаидой Павловной и княжной Маргаритой Дмитриевной Шестовыми, приехавшими послушать судебные прения.

Николай Леопольдович за истекшие пять лет, прошедшие с того дня, когда мы оставили его сопровождающим княгиню с племянницами Москву, пополнел и возмужал. Окладистая каштановая борода придала ему более солидный, деловой вид. Изящный фрак с новым с иголочки значком присяжного поверенного (он был принят в эту корпорацию всего недели две тому назад) красиво облегал его стройную фигуру, дышавшую молодостью, здоровьем и довольством.

В княгине эти пять лет не произвели особой перемены, так как она сохранила своих прежних поставщиков туалета, парфюмерии и косметик.

Одна княжна Маргарита отдала должную дань времени. Она похудела. Черты ее типичного лица как-то обострились и было даже заметно, что в косметических магазинах Москвы одной покупательницей стало более. Хороша она была, впрочем, по прежнему. Восторженный шепот мужчин сопровождал ее всюду, как и прежде. В чем изменилась она совершенно, так это в туалете. Прежний скромный наряд заменился роскошными парижскими новостями.

С четвертым собеседником этой оживленно разговаривающей группы мы знакомы только по имени.

Александр Васильевич Левицкий был толстый, лысый старик низенького роста, с солидным брюшком и коротенькими ножками. Круглое, бритое лицо с маленькими усиками было бульдогообразно. Одет он был в мешковато сидевшую на нем фракную пару, и тусклый почерневший от времени серебряный значок присяжного поверенного указывал, что он носит это звание давно. Говорил он хриплым фальцетом и трудно было поверить, чтобы человек обладающий таким несимпатичным органом голоса, мог быть замечательным оратором. Он брал живым, неисчерпаемым остроумием и необычайней силою оригинальной логики.

Перед тем, как в залу вступили судьи, он рассказывал княгине и княжне об одной своей доверительнице, которая была страшно недоверчива.

– Говорит мне все, – хрипел Александр Васильевич, – не верю, да не верю.

– Я ей и то, и се.

– Не верю.

– Рассердило это меня наконец, я ей и говорю: у меня, сударыня, есть бык, он тоже ничему не верит.

Дамы и Гиршфельд расхохотались.

В Александре Васильевиче Николай Леопольдович нашел себе достойного руководителя на адвокатском поприще, Левицкий же в Гиршфельде – неуклонно шествующего по стопам своего учителя ученика.

Беззастенчивость и нахальство Левицкого вошли в пословицу.

Чтобы судить об успехах Гиршфельда в этом направлении, под влиянием Александра Васильевича, достаточно сказать, что о Николае Леопольдовиче один почтенный товарищ председателя московского окружного суда выразился так:

– У этого Гиршфельда нахальства на десять Левицких хватит.

И он не преувеличил.

Первый урок этой судебной беззастенчивости получил Николай Леопольдович от Левицкого в первый год своего у него помощничества. Они отправились вместе на защиту в один из провинциальных городов, лежащих недалеко от Москвы.

Предано было суду целое конкурсное управление, Левицкий защищал председателя, а Гиршфельд и другой помощник Александра Васильевича – двух кураторов.

Провинциальный суд оказался благоговеющим перед знаменитым московским адвокатом и ученым. Все требования его беспрекословно исполнялись. После постановки вопросов о виновности подсудимых, Левицкий внес в редакцию их некоторое изменение.

Несмотря на протест товарища прокурора, суд постановил принять измененную редакцию. Когда это определение суда было объявлено, Александр Васильевич, садясь на стул, громко в лицо суда проговорил:

– Ну, теперь есть противоречие!

Даже Николай Леопольдович, сконфузившись, опустил голову.

В поставленных по редакции Левицкого вопросах не оказалось состава преступления, что потом и признал сенат по жалобе того же Левицкого. Дальше этого идти было некуда.

Общественное мнение о себе Левицкий игнорировал совершенно: дай на ручку денег кучку – всю-то правду расскажу было его любимой поговоркой.

Однажды он возвратился в Москву из одного провинциального города, куда ездил за большую сумму в качестве гражданского истца и частного обвинителя со стороны очень и очень скомпрометированного в деле лица. Подсудимая была торжественно оправдана, и газеты рассказывали, что Левицкий, не дождавшись вердикта присяжных заседателей, скрылся из залы судебных заседаний.

– Правда, Александр Васильевич, что вы обратились в позорное бегство? – спросили его шутя в суде товарищи.

– Ничуть не обратился в бегство, – захрипел в ответ Левицкий, – я поехал в гостиницу закусить и послать лакея узнать, чем кончилось дело. Когда же он возвратился и сказал мне, что подсудимую оправдали, я дал ему рубль на водку, чтобы он не подумал, что я этим недоволен.

Таков был патрон Николая Леопольдовича.

Прибыв в Москву вместе со своими первыми доверительницами, княгиней и княжнами Шестовыми, Гиршфельд нанял себе на одной из лучших улиц города холостую квартиру, обставил ее всевозможной роскошью и той необходимою, показною, солидностью делового человека.

Роскошная приемная и громадный кабинет, уставленный шкафами с законами и юридической библиотекой и столом, заваленным книгами и бумагами, должны были производить подавляющее впечатление на клиентов.

Николай Леопольдович в этом не ошибся. Успев сделаться протеже Левицкого, он в скором времени приобрел весьма солидную практику. Это зависело отчасти от его полной обеспеченности в финансовом отношении, дававшей ему возможность брать первое время дела по выбору, с обеспеченным успехом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.